

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ГУМАНИТАРНОГО И СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н. Н. Родигина

**ИСТОРИЯ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX вв.**

Учебно-методический комплекс

Под научной редакцией доктора исторических наук,
профессора *В. А. Зверева*

Новосибирск 2007

УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)5я73-1
Р 603

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета НГПУ

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор
Омского государственного педагогического университета
В. Н. Худяков;
кафедра отечественной истории
Новосибирского государственного педагогического университета

Р 603 Родигина, Н. Н.

История общественной мысли России второй половины XIX – начала XX вв.: учебно-методический комплекс / Н. Н. Родигина; под науч. ред. В. Л. Зверева. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. – 188 с.

Учебно-методический комплекс включает в себя программу курса, ридер, тематику и материалы к семинарским занятиям, контролирующие материалы. Содержит информацию о ключевых тенденциях, направлениях, этапах становления и институтах формирования общественного мнения пореформенной Российской империи.

Рекомендуется для студентов исторических факультетов, обучающихся по специальностям 032600 «История», 032600.00 «История с дополнительной специальностью».

**УДК 94(47)(075.8)
ББК 63.3(2)5я73-1**

© Родигина Н. Н., 2007
© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

I. Рабочая программа.....	4
1. Пояснительная записка.....	4
1.1. Цели, задачи и место дисциплины в системе профессиональной подготовки учителя истории.....	4
1.2. Требования к знаниям и умениям студентов	5
1.3. Принципы построения учебно-методического комплекса	6
2. Содержание курса «История общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.».....	8
2.1. Введение.....	8
2.2. Основные этапы эволюции и направления общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.	8
2.3. Институты и источники формирования общественного мнения.....	10
2.4. Общественное мнение в Сибири пореформенной эпохи.....	12
2.5. Женское движение в контексте развития русской общественной мысли	12
3. Примерное тематическое планирование.....	13
4. Список источников и литературы, рекомендованной для изучения	14
4.1. Основная литература.....	14
4.2. Дополнительная литература.....	15
4.3. Источники	18
4.4. Художественная литература	20
4.5. Художественные и научно-популярные фильмы	21
4.6. Электронные ресурсы	21
5. Примерная тематика дипломных и курсовых работ.....	22
II. Методические рекомендации для организации самостоятельной работы студентов	23
III. Учебно-методические материалы	26
1. Материалы к лекционному курсу.....	26
2. Тематика и планы семинарских занятий	130
3. Материалы к семинарским занятиям	138
IV. Диагностические материалы.....	181
1. Вопросы и задания для текущего контроля.....	181
2. Задания для итогового контроля.....	181
3. Вопросы к зачету	186

I. РАБОЧАЯ ПРОГРАММА

1. ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

1.1. Цели, задачи и место дисциплины в системе профессиональной подготовки учителя истории

Дисциплина специализации «История общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.», согласно учебным планам Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, изучается студентами, обучающимися по специальности «История» в VII семестре. Данная дисциплина относится к вузовской компоненте. К этому времени студентами освоен курс «Отечественная история», они знакомы с основами источниковедения, ими прослушаны спецкурсы по проблемным вопросам отечественной и всеобщей истории. Мы исходим из того, что к началу изучения истории общественной мысли пореформенной Российской империи студентам известны исторический и историографический контексты ее формирования; ключевые тенденции развития западноевропейской общественной мысли; основные методы исторического исследования и ведущие методологические подходы к описанию прошлого. С учетом содержательных и «навыковых» результатов обучения нами обоснованы цели, задачи курса, продумана логика его изучения, предложен методологический и методический инструментарий и сформулированы требования к знаниям и умениям студентов.

Предмет курса – содержание основных направлений общественной мысли Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Цель курса – формирование системного представления об основных направлениях и тенденциях общественной мысли страны в пореформенную эпоху.

Задачи курса:

– осознавать потенциал различных теоретических подходов к осмыслению сюжетов, связанных с мировоззренческими исканиями русских интеллектуалов изучаемой эпохи;

– создавать условия для формирования интереса и потребности в профессиональной рефлексии, начинающейся с обоснования мотивов обращения к той или иной проблеме курса и воплощающейся в поиске собственной исследовательской стратегии при написании разноуровневых квалификационных работ (от реферативных до дипломных);

- содействовать мировоззренческой идентификации студентов посредством обращения к идейному наследию русских интеллектуалов;
- способствовать пониманию истоков и контекстов развития русской общественной мысли;
- сформировать представление об основных институтах формирования, структурирования и трансляции общественного мнения и специфике их воздействия на социальное поведение современников;
- освоить методы интерпретации разножанровых произведений идейных лидеров пореформенной России, предлагаемые современной гуманитаристикой.

Как очевидно из задач, основной акцент в преподавании курса делается не на усвоение студентами «готовых» знаний по истории общественной мысли модернизировавшейся империи, а на формирование потребности в самостоятельной исследовательской деятельности, ее умений и навыков.

1.2. Требования к знаниям и умениям студентов

Студенты должны знать:

- этапы эволюции общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.;
- ключевые, системообразующие идеи ведущих направлений общественной мысли;
- мировоззренческих лидеров общественной жизни империи и их вклад в русскую интеллектуальную историю;
- основные институты формирования, структурирования и трансляции общественного мнения;
- специфику развития общественной мысли сибирской провинции, суть областнических идей;
- содержание основополагающих понятий курса, понимать «дисциплинарные» различия в их трактовке.

Студенты должны уметь:

- применять различные методологические подходы к интерпретации истории «идей и идеалов» пореформенной России;
- осознанно использовать конкретно-исторические методы для изучения русской общественной мысли;
- работать с биографической и биобиблиографической литературой, самостоятельно составлять библиографические подборки и описания;

- осуществлять самостоятельный текстуальный и интертекстуальный анализ выдающихся произведений русских интеллектуалов;
- овладеть навыками работы с публицистическими, художественными, визуальными, мемуарными и эпистолярными текстами;
- разработать и презентовать собственную версию осмысления одного из изучаемых сюжетов в варианте исследовательской работы, электронной презентации или видеофильма.

1.3. Принципы построения учебно-методического комплекса

В качестве основных принципов построения программы курса избраны последовательно-хронологический и проблемно-тематический. Каждый проблемно-тематический раздел программы структурирован с учетом историко-генетического, компаративистского, историко-биографического подходов.

Методологическая основа курса представлена совокупностью внутренне непротиворечивых теоретических подходов к осмыслению прошлого. Тематика курса находится на пересечении проблемных полей *интеллектуальной истории*, понимаемой как история идей и смыслов; *политической истории*, в сфере интересов которой традиционно находится история политических течений; *ментальной истории*, изучающей коллективные представления и их влияние на социальное поведение индивидов и групп; *социокультурной истории*, занимающейся, среди прочего, исследованием процессов и результатов взаимодействия социальных и ментальных структур.

С учетом традиций университетского исторического образования, основанных на «устной» передаче профессионально значимой информации, а также современной социокультурной ситуации, характеризующейся экспансией интерактивных информационных ресурсов Интернет, считаем непродуктивной публикацию текстов лекций. В связи с версионным характером гуманитарного знания, тенденцией к его полидисциплинарности, потребности в вариативности образовательных технологий, наиболее оптимальным в плане организации учебного процесса представляется *ридер*.

В данном случае *под ридером понимается* тематическая подборка текстов исторических источников и работ исследователей-гуманитариев, а также система вопросов и заданий к ним. Постановка проблемных заданий к текстам источников и их историографическим интерпретациям, по нашему убеждению, будет способствовать формированию

целого ряда профессионально значимых умений и навыков: компаративистского анализа разножанровых исторических источников; рефлексии по поводу их информационного потенциала; поиску контекстов их создания: работы с историографическими версиями интерпретации изучаемых сюжетов; созданию самостоятельного варианта осмысления идейных исканий русских интеллектуалов.

Структура ридера включает в себя:

- тексты разноплановых источников, авторы которых по-разному воспринимали и оценивали изучаемые идеи, события, акторов исторического процесса;
- фрагменты работ историков, филологов, философов, культурологов, содержащие дискуссионные утверждения по поводу изучаемых сюжетов;
- перечень ключевых концептов, осмысление которых ориентирует студентов в социокультурных и методологических контекстах рассматриваемой реальности;
- вопросы и задания по теме.

Практические занятия ориентируют студентов на формирование навыков исследовательской работы с разными видами источников, запечатлевших основные достижения общественной мысли России пореформенной эпохи: художественными и публицистическими текстами; материалами периодической печати, рассматриваемой как комплексный исторический источник; эпистолярное и мемуарное наследие русских интеллектуалов; программные документы общественно-политических кружков и организаций. В результате практических занятий студенты должны уяснить специфику отражения идей и ценностей русской интеллектуальной элиты в разноплановых источниках и освоить полидисциплинарные методы работы с произведениями общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.

Мастер-класс, посвященный отражению событий и явлений общественной жизни изучаемой эпохи в современной художественной литературе и кинематографии, призван не только показать мифологический характер осмысления изучаемой реальности потомками, он ориентирован на развитие умения деконструировать стереотипы исторического сознания, видеть социокультурные контексты, породившие художественные образы.

Предлагаемый список источников и литературы включает в себя не только конкретно-исторические исследования, но и работы представителей «смежных» гуманитарных дисциплин. Он рассматривает-

ся нами как подспорье для организации самостоятельной работы студентов по изучению мировоззренчески значимых сюжетов истории русской общественной мысли. Рекомендуемые библиографические указатели и современные отраслевые периодические издания помогут студентам расширять собственные источниведческие и историографические горизонты уже после изучения данного учебного курса.

2. СОДЕРЖАНИЕ КУРСА

2.1. Введение

Структура и логика курса. Проблемное поле курса «История общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.». Соотношение понятий «общественная мысль», «общественное мнение», «общественная жизнь», «общественно-политические течения».

Методологические подходы к изучению ключевых сюжетов истории общественной мысли России: потенциал интеллектуальной истории (Л. П. Репина, С. М. Усманов и др.); теория символической власти и социальных полей (П. Бурдьё, М. Фуко); ресурсы концепции «ориентализма» (Э. Сайд, А. М. Эткинд, М. Тодорова, А. Халид); возможности конструктивистского подхода (Б. Андерсон, М. Бассин, А. И. Миллер).

2.2. Основные этапы эволюции и направления общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.

1855 г. – начало нового этапа в общественной жизни империи.

Общественная мысль о необходимости реформ. Современники о начале «оттепели». Правительственные версии модернизации. Реакция русских демократов на правительственную программу реформ. А. И. Герцен. Образ Александра II в общественной мысли 1850-1860-х гг.

Русский консерватизм в эпоху либеральных реформ.

Отношение консерваторов к идее реформирования страны. Тактика их деятельности в Секретном и Главном комитетах по крестьянскому делу. От умеренной оппозиции к союзу с самодержавием. Н. А. Без-

образов. «Конституционные мечтания». Крестьянский вопрос в программах консерваторов. Отношение к польскому восстанию 1863 г. Переход на консервативные позиции М. Н. Каткова. К. П. Победоносцева. «Поправление» «Русского вестника». Геополитические приоритеты России в понимании Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева.

Историки и современники о соотношении консервативного и либерального начал во взглядах Александра II. Концепция «либерально-консервативного синтеза». Покушение Д. Каракозова. Рост популярности консервативной доктрины.

Либералы в 1860-1870-е гг.

Либеральные проекты реформ. Исследователи о специфике русского либерализма. Команда «молодых реформаторов» у власти. Деятельность славянских комитетов. И. С. Аксаков. Крестьянский вопрос в сочинениях либеральных мыслителей. К. Д. Кавелин, К. К. Арсеньев, А. И. Кошелев.

Демократы о ходе и первых результатах либеральных реформ.

«Эпоха прокламаций». Реакция «Колокола» на российские реформы. «Земля и воля» 1860-х гг. Н. А. Серно-Соловьевич, Н. Н. Обручев, М. Л. Михайлов. Н. В. Шелгунов.

Идейная эволюция народничества.

Историки об интеллектуальных истоках народничества. Идеи течения русского народничества. М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев. Первые народнические кружки. «Нечаевское дело». Хождение в народ. «Земля и воля» 1870-гг. Политические процессы 1870-х гг. «Деревенщики» и «террористы». А. И. Желябов, С. М. Кравчинский, П. А. Кропоткин, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская. «Народная воля» и «Черный передел».

Современная гуманитаристика о системе ценностных ориентации и особенностях социальной психологии радикальных народников. События 1 марта 1881 г. Эволюция народничества в конце XIX в. Либеральное народничество. Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко. «Подпольная Россия».

Консерваторы в эпоху правления Александра III.

Влияние царевубийства 1 марта 1881 г. на общественную мысль России второй половины XIX в. Александр III и «консервативная вер-

сия» модернизации империи. Идейные лидеры русского консерватизма – К. П. Победоносцев, В. П. Мещерский. Новоявленные адепты консерватизма: Л. А. Тихомиров, И. Н. Емельянов, Ю. И. Говоруха-Отрок. Концепт «государства» и образ революции в сочинения консерваторов.

Эволюция либеральной доктрины в 1880-1890-х гг. «Конституционные мечтания» русских либералов. Идея «оскудения центра».

Выход марксизма на политическую арену.

Г. И. Плеханов. Группа «Освобождения труда». Кружок Д. Благова. «Социал-демократическое общество». «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». I съезд социал-демократических организаций России. В. И. Ульянов-Ленин. Легальный марксизм. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев.

2.3. Институты и источники формирования общественного мнения

Толстый журнал – основной институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения Российской империи во второй половине XIX в.

Типы пореформенных ежемесячников. Методологический инструментарий работы с материалами журнальной прессы: идеи Ш. Балли, Р. М. Блакар, Р. Водак, М. Фуко, П. Бурдьё о печати как эффективном инструменте социальной власти и социального программирования; теория метафоры (П. Рикер, Ф. Анкерсмит, Д. Лакофф, М. Джонсон, Э. Кассирер); дискурсивный анализ журнальных текстов. Методы работы с периодической печатью: сплошной просмотр, контент-анализ, статистические методы и др.

Ведущие консервативные журналы («Русский вестник», «Русское обозрение»). Демократические издания 1850–1880-х гг. («Дело», «Отечественные записки», «Русское слово», «Современник»). Либеральные издания («Вестник Европы», «Русская мысль»). Журналы либерально-народнической ориентации («Русское богатство», «Северный вестник»).

Марксистские ежемесячники («Мир божий», «Жизнь», «Образование»).

Историки и современники об идейных лидерах российской журналистики: М. Н. Каткове, В. Г. Короленко, Н. А. Некрасове, М. М. Стасюлевиче, А. Н. Пыпине, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. В. Шелгунове и др.

Формы межкультурной коммуникации в мире «журнальной прессы»: журфиксы, переписка сотрудников и читателей журналов.

Образ читательской аудитории русской журнальной прессы.

Феномен популярности «тонких» журналов на рубеже XIX–XX вв. Типология российских еженедельников. Журналы «для всех»: «Нива», «Иллюстрированный журнал» и др. «Издательская империя» А. С. Суворина. «Новое время».

Российская газетная пресса пореформенной эпохи.

«Московские ведомости» – рупор русского консерватизма. М. Н. Катков. «Русские ведомости». В. М. Соболевский. Массовые и бульварные газеты: «Московский листок», «Россия», «газеты-копейки». Образ «газетной» России в мемуарах и эпистоляриях.

Университетская аудитория как институт формирования общественного мнения.

Российские университеты как центры трансляции идей русской интеллектуальной элиты. Публичные лекции университетской профессуры. Формы самоорганизации студенчества: землячества, научные сообщества, организации экономической взаимопомощи студентов. Роль студенческих корпораций в формировании идентичности русской интеллигенции.

Художественная литература как источник формирования общественного мнения по ценностно значимым аспектам российской жизни.

Историки о методах работы с художественным текстом. Реализм как ведущее направление русской художественной литературы изучаемой эпохи. Русские литераторы – «властители дум» пореформенной молодежи.

Произведения А. И. Тургенева и конфликт поколений как социокультурная характеристика эпохи: «Отцы и дети», «Новь», «Дым». Влияние романов Н. Г. Чернышевского на социальное поведение молодежи. Поэзия Н. А. Некрасова как источник формирования умонастроений русских радикалов. Антинигилистические произведения Ф. М. Достоевского: «Преступление и наказание», «Бесы». Проза А. П. Чехова как источник изучения картины мира русской интеллигенции конца XIX в. А. М. Горький и его влияние на оппозиционную молодежь.

2.4. Общественное мнение в Сибири пореформенной эпохи

Сибирское областничество в 1850-е гг. – начале XX в.

Истоки формирования областнических идей. Деятельность сибирских землячеств в Санкт-Петербурге, Москве и Казани. Основные постулаты областничества. «Дело об отделении Сибири от России». Н. М. Ядринцев. Г. И. Потанин. А. П. Щапов. Поздние областники.

Институты формирования сибирской интеллигенции.

Влияние политической ссылки на развитие самосознания сибирской интеллигенции. Институты формирования общественного мнения в сибирской провинции: местная периодическая печать, Сибирский (Томский) университет, музеи, просветительские и научные организации.

2.5. Женское движение

в контексте развития русской общественной мысли

Женский вопрос в русской общественной мысли (1855–1881 гг.).

Причины популярности «женского вопроса» в общественной мысли пореформенной империи. М. Л. Михайлов. М. Н. Вернадская. Борьба за право женщин за доступ к высшему образованию. Первые феминистские кружки. Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Петербурга 1859 г. Начало деятельности. Формы работы. Идеология организации. Корректировка целей организации. Попытка создания Общества женского труда (1861 г.). Реализация идеи в Женской издательской артели (1863 г.). М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. П. Философова. Толстые журналы в борьбе за решение «женского вопроса». Влияние русской литературы на формирование норм поведения русских феминисток. Поиски путей освобождения из-под власти патриархальной семьи. Фиктивные браки. Кризис традиционного брака. Идеи Н. Г. Чернышевского о браке и супружеских отношениях. Женщины-нигилистки и их точка зрения на «женский вопрос». Участие женщин в кружках радикальных народников. В. И. Засулич, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская. Судьбы женщин-народниц. Распространение идей либерализма в широких кругах российской общественности. Вовлечение женщин в деятельность либеральных салонов. Интерпретация идей либерализма в женской среде. Идеология, деятельность и внешний вид «новых женщин».

Женское движение (1881–1905 гг.).

Направления и результаты феминистского движения. «Взаимноблаготворительное общество». «Всероссийский союз равноправия женщин А. А. Кальманович. Л. Я. Гуревич. М. А. Чехова. Первые женские клубы Лидеры нового поколения. М. И. Покровская, О. А. Шапир. Партийный феминизм. Его лидеры.

3. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Очное отделение

Наименование темы	Трудоемкость часов			
	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа	
	Лекции	Практические занятия	Творческие задания	Индивидуальная работа
1. Введение	2			
2. Основные этапы эволюции и направления общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.	20	6	Видео-фильм или мультимедийная презентация	Составление глоссария (3 часов); написание отчетных творческих работ № 1-3 (15 часов); выполнение итоговой контрольной работы (2 часа)
3. Институты и источники формирования общественного мнения	6	4		
4. Общественное мнение в Сибири пореформенной эпохи	4			
5. Женское движение в контексте развития русской общественной мысли		4		
			20	30
Итого:	48			50

Заочное отделение

Наименование темы	Трудоемкость часов		
	Аудиторные занятия		Самостоятельная работа
	Лекции	Практические занятия	Индивидуальная работа
1. Введение	2		Составление глоссария;
2. Основные этапы эволюции и направления общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.	6	4	написание отчетных творческих работ № 1–2, выполнение итоговой контрольной работы
3. Институты и источники формирования общественного мнения	4	2	
4. Общественное мнение в Сибири пореформенной эпохи	2		
5. Женское движение в контексте развития русской общественной мысли		4	
	14	10	
Итого:	24		30

4. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, РЕКОМЕНДОВАННОЙ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

4.1. Основная литература

Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX-XX вв. / Б. П. Балуев. М.: Наука, 1995. 267 с.

Гросул В. Я. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская и др. М.: Прогресс; Традиция, 2000. 440 с.

Гросул В. Я. Русское общество XVIII-XIX вв.: традиции и новации / В. Я. Гросул. М.: Наука, 2003. 517 с.

Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: от сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. М.: Уникум-центр 1997. 366 с.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. / А. А. Корнилов; вступит. ст. А. А. Левандовского. М.: Астрель; АСТ, 2004. 862 с.

Секиринский С. С. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М.: Памятники ист. мысли, 1995. 286 с.

Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50-60-е гг. XIX в.) / Р. Г. Эймонтова: отв. ред. Е. Л. Рудницкая. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998. 407 с.

4.2. Дополнительная литература

Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70-80-х гг. XIX в.: (из истории журнала «Вестник Европы») / А. А. Алафаев. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 229 с.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева; вступит. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 2001. 288 с.

Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. / А. С. Баранов // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 181–191.

Виртшафтер Э. К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Э. К. Виртшафтер; пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 272 с.

Вихавайнен Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции / Т. Вихавайнен. СПб.: Коло, 2004. 414 с.

Володин А. И. Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50-60-х гг. XIX в. / А. И. Володин, Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. М.: Мысль, 1976. 295 с.

Думный В. Люди будущего или люди без будущего: социал-демократическая интеллигенция России на рубеже XIX–XX столетий / В. Думный. М.: МГУП, 2003. 531 с.

Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. / Б. Ф. Егоров // Из истории русской культуры. 2-е изд. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 5.

Келдыш В. А. «Жизнь» / В. А. Келдыш // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начало XX в.: социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981. С. 231–308.

Кельнер В. Е. М. М. Стасюлевич и либеральная оппозиция в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. / В. Е. Кельнер // Отечеств. история. 1992. № 4. С. 50–61.

Крутикова Л. В. «Северный вестник» / Л. В. Крутикова // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 2. С. 394–412.

Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник» // Уч. зап. / Иванов, пед. ин-т. 1970. Т. 59. С. 51–89.

Кэмпбелл (Воробьева) Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия / Е. И. Кэмпбелл // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б. В. Ананьича, С. И. Барзилова. М.: тип. «Транспечать», 2001. С. 204–216.

Лапина Г. С. Русская пореформенная печать 70-80-х гг. XIX в. / Г. С. Лапина. М.: Наука, 1985. 319 с.

Левкиевская Е. Е. Русская идея в контексте исторических мифологических моделей и механизмы их образования // Современная российская мифология / сост. М. В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005. С. 175–206. (Традиция–текст– фольклор: типология и семиотика).

Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Р. Лейкина-Свирская. М: Мысль, 1971. 368 с.

Летов Б. Д. «Русское богатство» / Б. Д. Летов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 2. С. 413–430.

Леонтьева О. В. Властители дум: интеллектуальная история России от Великих реформ до революции 1917 г.: учеб. пособие. Самара, 2000. 214 с.

Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга / Н. А. Любимов. СПб.: Обществ. польза, 1889. 356 с.

Максимова В. А. «Новое слово» и «Начало» / В. А. Максимова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начало XX в.: социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981. С. 198–230.

Маслов В. С. «Русский вестник» и «Московские ведомости» / В. С. Маслов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 2. С. 217–232.

Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в.: учеб. пособие / С. Я. Махонина. М.: Флинта, Наука, 2004. 368 с.

Миллер А. И. Империя и нация в воображении русского национализма: заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина / А. И. Миллер // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Нов. изд-во, 2004. С. 263–285.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. М.: НЛО, 2006. 248 с.

Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999 (и др. издания).

Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX в.: курс лекций / Б. Г. Могильницкий. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып. 1: кризис историзма. 206 с.

Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. / М. П. Мохначева. М.: РГГУ, 1998. – Кн. 1: журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. 461 с.

Мыльницына И. В. «Мир божий» – журнал для юношества (первый год деятельности) / И. В. Мыльницына // Из истории русской журналистики конца XIX – начала XX в. / под ред. Б. И. Есина. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 155–183.

Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду / Н. Найт // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Нов. изд-во, 2005. С. 324–344.

Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты: опыт критической характеристики / А. И. Новиков. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.

Никитина М. А. «Вестник Европы» М. А. Никитина Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.. 1890–1904: буржуазно-либеральные издания. М.: Наука. 1982. С. 4–43.

Найт Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. М.: Независ. газета. 1993. 421 с.

Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX в.: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики / Т. И. Печерская. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1999. 299 с.

Плимак Е. Г. Драма российских реформ и революций / Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. М.: Весь мир, 2000. 360 с.

Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. / А. И. Рейтблат. М.: Изд-во МПИ. 1991. 224 с.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи / А. И. Рейтблат. М.: НЛО, 2001. 336 с.

Сабурова Т. А. Русский интеллектуальный мир / миф: социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия / Т. А. Сабурова. Омск: ИД «Наука», 2005. 306 с.

Савенков А. А. «Вестник Европы» / А. А. Савенков // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. Т. 2. С. 367–377.

Сементковский Р. И. М. Н. Катков: его жизнь и литературная деятельность / Р. И. Сементковский. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892. 80 с.

Скворцова Л. А. «Мир божий» / Л. А. Скворцова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в. (1890–1904): социал-демократические и общедемократические издания. М.: Наука, 1981. С. 136–197.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Р. Стайте; пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 616 с.

Старикова Е. В. «Русская мысль» / Е. В. Старикова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.: буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890–1904). М.: Наука, 1982. С. 44–90.

Тарасова А. А. Реакционно-охранительная журналистика / А. А. Тарасова // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.: буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890–1904). М.: Наука, 1982. С. 234–260.

Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. М.: Наука, 1978. 279 с.

Тебиев Б. К. На рубеже веков: правительственная политика в области образования и общественно-педагогическое движение в России конца XIX – начала XX в. / Б. К. Тебиев. М.: Интеллект, 1996. 256 с.

Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида / М. Тодорова // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Нов. изд-во, 2005. С. 345–358.

Усманов С. М. Безысходные мечтания: русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX – начале XX в. / С. М. Усманов. Ивано-ново: ИвГУ, 1998. 184 с.

Хорос В. Г. Из истории журнала «Новое слово» (1897) / В. Г. Хорос // Русская журналистика и литература XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 42–59.

Хорос В. Г. «Русское богатство» в середине 90-х гг. XIX в. / В. Г. Хорос // Вестн. / Моск. ун-т. Сер. «Журналистика». 1967. № 6. С. 29–40.

Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин: биограф. очерк / М. В. Шиловский. Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 244 с.

Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х гг. XIX в. / М. В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1989. 144 с.

Щетинина Г. И. Идеальная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. / Г. И. Щетинина. М.: Наука, 1995. 236 с.

Эткинд А. М. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России / А. М. Эткинд // Ad Imperio. 2002. № 1. С. 265–299.

Эткинд А. М. Толкование путешествий: Россия и Америка в траверлогах и интертекстах / А. М. Эткинд. М.: НЛО, 2001. 496 с.

Эткинд А. М. Русская литература, XIX в.: роман внутренней колонизации / А. М. Эткинд // Новое литературное обозрение. 2003. № 1 (59). С. 103–124.

Эткинд А. М. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое / А. М. Эткинд // Новое литературное обозрение. 2001. № 49. С. 50–74.

Эткинд А. М. Хлыст: (секты, литература и революция) / А. М. Эткинд. М.: НЛО, 1998. 688 с.

Ядринцев Н. М. Народно-областное начало в русской жизни и истории / Н. М. Ядринцев. Красноярск: тип. Енис. губ. союза кооперативов, 1919. 12 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 555 с.

4.3. Источники

4.3.1. Библиографические указатели и словари.

Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет (1866–1890 гг.). СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1891. 166 с.

Дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1891–1895 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 43 с.

Второй дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1896–1900 гг.) с алфавитным указателем имен авторов. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 51 с.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Книга, 1979–1982. Т. 3 (1857–1894), ч. 1–4.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. / И. Ф. Масанов. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1956–1960.

Межов В. И. Сибирская библиография: в 3 т. . В. И. Межов. СПб.: [б. и.]. 1892–1903.

Стож М. Е. Словарь сибирских писателей, поэтов, ученых 7-е изд. / М. Е. Стож. Иркутск: Ирисы, 1916. 70 с.

4.3.2. Опубликованные делопроизводственные материалы и сборники документов

Дело об отделении Сибири от России / публ. А. Т. Топчия, Р. А. Топчия; сост. Н. В. Серебренников. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 388 с.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: документ, публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археогр. центр, 1997. 576 с.

4.3.3. Опубликованные источники личного происхождения

Архив В. А. Гольцева. М.: Книгоизд-во писателей, 1914. 315 с.

Белоконский И. П. Дань времени: воспоминания. М.: Изд-во политкаторжан, 1928. 371 с.

Белоконский И. П. В годы бесправия. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан, 1930. 160 с.

Белоконский И. П. По тюрьмам и этапам: очерки тюремной жизни и путевые метки от Москвы до Красноярска. Орел: Изд-во Н. А. Семеновской, 1887. 238 с.

Боборыкин П. Д. За полвека: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 685 с.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.

Водовозова Е. Н. На заре жизни. М.: Худож. лит., 1964. Т. 1. 511 с.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н. П. Матханова; отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1998. 411 с.

Елпатьевский С. Я. Близкие тени: литературные воспоминания. М.: Обществ. польза, 1909. Ч. 1. 109 с.

Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Л.: Прибой, 1929. 399 с.

Знакомые: альбом М. И. Семевского – издателя-редактора журнала «Русская старина». СПб.: тип. В. С. Балашева, 1888. 401 с.

Златовратский Н. Н. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1956. 261 с.

Короленко В. Г. Воспоминания. Статьи. Письма / сост., вступит. ст. и прим. С. И. Тиминой. М.: Сов. Россия, 1988. 416 с.

Короленко В. Г. Земли! Земли: мысли, воспоминания, картины / сост., текстологи П. И. Негретов, М. И. Перпер. М.: Сов. писатель, 1991. 224 с.

Короленко В. Г. Избранные письма / под ред. Н. В. Короленко, А. Л. Кричинской. М.: Худож. лит., 1936. Т. 3: литературная и редакторская работа (1886–1920). 285 с.

Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М.: Худож. лит., 1966. 384 с.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2003. 864 с.

[Наумов Н. И.] Неизвестные письма Н. И. Наумова / публ., вступит. ст. и прим. Н. Якушина // Сиб. огни. 1969. № 3. С. 152–164.

Памяти В. А. Гольцева: статьи, воспоминания, письма / под ред. А. А. Кизеветтера. М.: Изд-во Н. Н. Ключкова, 1910. 302 с.

Панаева А. Я. Воспоминания, 1824–1870. М.: Захаров. 2002. 447 с.

Пименова Э. К. Дни минувшие. Л.; М.: Книга, 1929. 193 с.

Поссе В. А. Мой жизненный путь / ред. и прим. Б. П. Кузьмина. М.; Л.: Земля и фабрика, 1929. 544 с.

[Феоктистов Е. М.] За кулисами политики и литературы (1848–1896): воспоминания Е. М. Феоктистова. Л.: Прибой, 1929. 428 с.

Чудновский С. Л. Из давних лет: воспоминания. М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1934. 303 с.

Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания: очерки первого сибирского землячества в Петербурге. Красноярск: тип. Енис. союза кооперативов, 1919. 27 с.

Ядринцев Н. М. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1979. Т. 4–5.

4.3.4. Периодическая печать

Вестник Европы: историко-политический и литературный журнал / ред.-изд. М. М. Стасюлевич (до 1908 г.). СПб., 1866–1918. С 1868 ежемес. 1866–1904.

Жизнь: литературно-политический журнал. СПб., 1897–1901. Ежемес. 1897–1901.

Мир божий: литературный и научно-популярный журнал для самообразования / ред.-издатель А. А. Давыдова, с 1902 г. ред. Ф. Д. Батюшков. СПб., 1892 – авг. 1906. Ежемес. 1892–1904.

Новое слово: научно-литературный и политический журнал / с 1894 до марта 1897 г. издавался народниками С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевским. С марта 1897 г. перешел в руки легальных марксистов во главе с П. Б. Струве. СПб., 1894–1897. Ежемес. 1894–1897.

Русская мысль: научный, литературный и политический журнал / издатель В. М. Лавров. М., 1880–1918. Ежемес. 1880–1904.

Русский вестник: литературно-политический журнал / ред.-изд. М. Н. Катков (до 1887 г.). М.; СПб., 1856–1906. Ежемес. 1856–1904.

Русское богатство: литературный, научный и политический журнал / с 1880 г. издавался народнической артелью (Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин и др.), с 1893 г. ред. – В. Г. Короленко и Н. К. Михайловский. СПб., 1876–1918. Ежемес. 1880–1904.

Северный вестник: литературный, научный и политический журнал. СПб., 1885–1898. Ежемес. 1885–1898.

4.4. Художественная и публицистическая литература

Давыдов Ю. В. Завещаю вам, братья...: повесть об Александре Михайлове / Ю. В. Давыдов. М.: Политиздат, 1975. 382 с.

Дальцева М. З. Счастливый Кит: повесть о Сергее Степняке-Кравчинском / М. З. Дальцева. М.: Политиздат, 1979. 335 с.

Долгий В. Порог: повесть о Софье Перовской / В. Долгий. М.: Политиздат, 1974. 439 с.

Нагаев Г. Д. Казнен неопознанным...: повесть о Степане Халтурине / Г. Д. Нагаев. М.: Политиздат, 1970. 367 с.

Осипов В. Д. Река рождается ручьями: повесть об Александре Ульянове / В. Д. Осипов. М.: Политиздат, 1971. 503 с.

Поповский М. А. Побежденное время: повесть о Николае Морозове / М. А. Поповский. М.: Политиздат, 1975. 479 с.

Савченко В. И. Тайна клеенчатой тетради: повесть о Николае Клеточникове / В. И. Савченко. М.: Политиздат, 1976. 373 с.

Таурин Ф. Н. Без страха и упрека: повесть о Николае Серно-Соловьевиче / Ф. Н. Таурин. М.: Политиздат, 1977. 375 с.

Трифонов Ю. В. Нетерпение: повесть об Андрее Желябове / Ю. В. Трифонов. М.: Политиздат, 1973. 542 с.

Щеглов Ю. Победоносцев: Верноподданный / Ю. Щеглов. М.: Астрель, 2004. 586 с.

Щеголев П. Е. Алексеевский равелин: книга о падении и величии человека. / П. Е. Щеголев. М.: Книга, 1989. 379 с.

4.5. Художественные и научно-популярные фильмы

«Софья Перовская» (1968 г.), создан на «Мосфильме». Режиссер Л. О. Арнштам, сценарист Е. И. Габрилович, композитор Д. Д. Шостакович.

«Казнены на рассвете» (1964 г.), посвящен Александру Ульянову, создан на «Мосфильме». Режиссер Е. Андриканис, по сценарию Г. Рябова, А. Ходанова и А. Нагорного.

«Нас венчали не в церкви» (1982 г.), о С. С. Синегубе. Режиссер Б. Токарев, сценарий А. П. Свободина и Н. Я. Эйдельмана.

«Николай Кибальчич» (1962 г.). Сценарий В. Травинского и М. Хейфеца. Режиссер Б. Мельников. Ленинградская Киностудия хроникально-документальных фильмов.

«Великое предвидение» (1961 г.), посвящен Н. И. Кибальчичу. Сценарий Н. Саламанова, режиссер М. Авербах. Ленинградская Киностудия хроникально-документальных фильмов.

«Таинственный узник» (1986 г.), «Молдова-фильм». Посвящен судьбе М. С. Бейдемана – революционера, навечно заточенного в застенках Алексеевского равелина. Фильм создан по мотивам известного романа Ольги Форш «Одеты камнем». Режиссер М. Гаджиу.

Сериал «Любовь императора» (2003 г.), режиссера А. Орлова, снятый по роману В. Азерникова «Хроника любви и смерти».

4.6. Электронные ресурсы

www.kulichki.rambler.ru.
www.tuad.nsk.ru/~history/Guest/NarodVola.
www.yabloko.ru/Temes/History/index.html.

5. ПРИМЕРНАЯ ТЕМАТИКА ДИПЛОМНЫХ И КУРСОВЫХ РАБОТ

Темы дипломных работ выбираются в результате собеседования со студентами, в результате взаимного согласования учебных и исследовательских «интересов и потребностей» преподавателя и студентов. Цель предлагаемого тематического перечня – очертить предметно-тематическое поле возможных направлений студенческих выпускных квалификационных работ в рамках курса «История общественной мысли России второй половины XIX – начале XX в.».

Влияние художественной литературы на феминистское движение в конце XIX – начале XX в.

«Деревенщики» и «террористы» из «Земли и воли» в оценках современников и потомков.

Женский вопрос на страницах толстых журналов пореформенной эпохи. Женские мемуары как источник изучения русского эмансипационного движения.

Концепт «свобода» в мемуарном наследии народников.

Концепт «террор» в программных документах народнических организаций.

Крестьянский вопрос в освещении народнического журнала «Русское богатство».

«Лишние люди?»: галерея образов поколения 1890-х гг. в произведениях А. П. Чехова.

Мир идей и идеалов русского студента пореформенной эпохи (по материалам источников личного происхождения).

Образ Героя в мемуарном и эпистолярном наследии участников народнических организаций.

Образ К. П. Победоносцева в мемуарном и исследовательском дискурсах.

Образ революционера на страницах журнала «Русский вестник».

Образ русского интеллигента в художественной литературе пореформенной эпохи.

Образ «шестидесятников» в журнально-публицистическом и исследовательском дискурсах.

«Отцы и дети»: отражение конфликта поколений 1860-х и 1880-х гг. в мемуарной, эпистолярной и художественной литературе.

«Подпольная Россия»: образ радикального народничества в общественном сознании россиян второй половины XIX – начала XX в.

Революционное движение в России в восприятии русских либералов (по материалам журнала «Вестник Европы»).

Роль студенческих землячеств в процессе формирования региональной идентичности сибиряков во второй половине XIX в.

Н. М. Ядринцев как социокультурный символ сибирской интеллигенции пореформенной эпохи.

Эволюция содержания «сибирских вопросов» в публицистическом наследии Н. М. Ядринцева.

II. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Материалы лекционного курса представлены в виде такого учебно-исследовательского жанра, как ридер. Исключение составляет тема «Толстый журнал – основной институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения Российской империи во второй половине XIX в.», соединившая элементы ридера и традиционной лекции.

Ридер нами понимается в традиционном для европейского и американского высшего образования варианте как *тематическая подборка материалов и система вопросов и заданий к ним, что на Западе порой называют «управляемым чтением»*. Материалы ридера включают в себя мнения историков и современников по изучаемой теме. Одним из основных критериев отбора текстов является их разноречивость, дискуссионность, содержательный потенциал, дающий возможность для формирования профессиональных навыков студентов-гуманитариев.

Мы солидарны с утверждением Ю. Л. Троицкого (РГГУ) о том, что использование ридеров в процессе обучения студентов-гуманитариев способствует решению одной из основных задач современного университетского образования, заключающейся в «переходе от монологических жанров учебной работы к реальному учебному диалогу. Только такой диалог позволяет студентам (и преподавателям) в режиме реального времени учебного занятия не только порождать новые предметные смыслы, но и углублять и развивать их, формируя свое историческое и педагогическое мышление». Предлагаемые для лекционных занятий тексты – не застывшая догма и не истина в последней инстанции, это лишь эмпирическая основа для конструирования преподавателем разных учебно-исследовательских стратегий лекции. Предполагается расширение «эмпирического блока» новыми материалами, которые инициировали бы поиски студентами новых интерпретаций изучаемых реалий, провоцировали их на развитие личностно-предметного целеполагания. Представляется продуктивным соединением эмпирической основы со знакомством студентов с методологическими подходами и методами современной гуманитаристики. Например, на занятиях, посвященных художественной литературе и журнальной публицистике, предполагается зна-

комство с основами дискурсивного анализа текстов, теорией метафорического моделирования, элементами контент-анализа. Мы предлагаем следующую схему работы с ридером:

1. Актуализация темы занятия, обозначение проблемных полей, определение целеполагания.
2. Постановка учебных задач, характеристика этапов и ожидаемых результатов.
3. Обсуждение студенческих версий, рефлексия по поводу эффективности предложенных заданий.
4. Объяснение домашнего задания (исследовательских эссе, текстов-имитаций, таблиц с анализом текстов).
5. Обсуждение студенческих работ с целью дальнейшей проблематизации темы ридера.

Для знакомства с альтернативными в исторической науке вариантами реконструкции прошлого предполагается просмотр и обсуждение художественных и научно-популярных фильмов, художественных текстов и визуальных источников, посвященных изучаемой эпохе.

Самостоятельная работа с ридером предусматривает последовательное выполнение заданий, предлагаемых к материалам лекционных и семинарских занятий. «Тематический каркас» изучаемого курса очевиден из содержания программы, вопросов к лекциям, семинарам и зачету. В разделе «Диагностические материалы» содержатся тестовые, творческие задания, материалы контрольных работ, позволяющие студенту рефлексировать по поводу уровня освоения материалов изучаемого курса.

Методические рекомендации к выполнению творческих и самостоятельных исследовательских работ

Написание текста-имитации.

Выбери роль человека, от имени которого ведется повествование, определи пол, возраст, социальный статус, профессию, семейное положение и идеологические пристрастия своего «героя». Определи жанр, в котором будет написан твой текст (письмо, страничка дневника, фрагмент мемуаров, челобитная, газетная заметка, журнальная публикация и др.). Исходя из выбранных параметров, напиши текст на заданную тему, стилизуя его в соответствии с нормами изучаемой эпохи.

Написание рецензии на монографию по истории общественной мысли второй половины XIX - начала XX в.

1. Выбери из списка литературы заинтересовавшее тебя монографическое исследование.

2. Сделай библиографическое описание избранной работы. (Образец: Вихавайнен. Т. Внутренний враг: борьба с мещанством как моральная миссия русской интеллигенции Т. Вихавайнен. СПб.: Коло, 2004. 414 с.)

3. Выясни авторскую версию актуальности темы монографии, сопоставь ее с собственными представлениями по поводу злободневности сюжета, избранного для изучения.

4. Из историографического обзора определи, кого исследователь называет в качестве своих научных предшественников, в чем новизна предлагаемых им подходов, методов.

5. Выясни цели и задачи, поставленные перед собой автором.

6. Зафиксируй круг источников, использованных в монографии. Осмысли степень репрезентативности.

7. Обрати внимание на соответствие целей и задач работы структуре монографии.

8. Вычлени круг сюжетов, которые являются наиболее интересными и продуктивными с точки зрения развития современной исторической науки.

9. Сформулируй основные научные достижения автора монографии.

10. Назови утверждения автора, являющиеся спорными с твоей точки зрения. Аргументируй свою позицию.

11. Определи потенциальную читательскую аудиторию рецензируемой работы, задумайся над диапазоном использования авторских выводов, предлагаемых исследователем подходов и методов работы.

Подготовка исследовательского проекта в варианте видео- или мультимедийной презентации (по микро-группам)

1. Предложите идею проекта, вычлените круг проблем, которые могут обсуждаться в контексте выбранной идеи.

2. Определите круг участников проекта, распределите обязанности среди «авторов проекта», договоритесь о сроках его поэтапного выполнения.

3. Подберите литературу, источники, иллюстративный материал.

4. Сформулируйте тему своего проекта.

5. Определите структуру и содержание проекта.

6. Продумайте визуальное и музыкальное оформление своего фильма или мультимедийной презентации.

7. Воплотите свой замысел в создании видеофильма или электронной презентации.

8. Подготовьтесь к публичной презентации своего проекта.

9. Отрефлексируйте результаты работы над проектом, зафиксировав внимание на нереализованных перспективах своей исследовательской проектной деятельности.

III. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. МАТЕРИАЛЫ К ЛЕКЦИОННОМУ КУРСУ

1855 г. – начало нового этапа в общественной жизни империи

1. Подходы к периодизации истории общественной мысли России пореформенной эпохи.

2. Историки и современники об общественных ожиданиях середины XIX столетия.

3. Образ Александра II в общественном мнении Российской империи.

Литература:

1. Гросул В. Я. Русское общество XVII—XIX вв.: традиции и новации. М., 2003.
2. Гросул В. Я. Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская и др. М., 2000.
3. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 2004.
4. Политическая история России: учеб. Пособие / отв. ред. В. В. Журавлев. М., 1998.
5. Эйдельман Н. Я. Революция сверху в России. М., 1989.
6. Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50-60-е гг. XIX в.). М., 1998.

Оборудование:

Александр II [Видеозапись] / авт. и ведущий Л. М. Парфенов. М.: Телекомпания НТВ, 2003. Ч. 1: воспитание будущего императора.

Фотографии общественных деятелей середины 1850-х – 1860-х гг.

Фотография памятника Николаю I в Санкт-Петербурге (скульптор П. Клодт).

Репродукция картины Н. С. Мусина-Пушкина «Александр II у могилы Николая I».

Репродукция картины М. А. Зичи «Коронация Александра II»

Задания:

1. Назови известные тебе варианты периодизации общественной жизни России нового времени. Какие события общественно-политической жизни избраны в них в качестве «этапных»?

2. Существует ли связь между периодизацией общественной жизни и методологической приверженностью ее автора? Обоснуй свою точку зрения.

3. Какие основания положены в основу определения начального хронологического рубежа в развитии российского общественного мнения второй половины XIX в. в работах Н. Я. Эйдельмана, В. Я. Гросула и др.?

4. Охарактеризуй общественную рефлексию по поводу последних лет правления Николая I и реакцию современников на его смерть.

5. Опиши общественные ожидания от воцарения Александра II.

6. Из отзывов современников выпиши слова-маркеры, характеризующие восприятие 1860-х гг. в сознании современников.

7. Заполни следующую таблицу:

Образ Александра II в оценках современников

Структурные элементы образа Александра II	Авторы и название источников	Контексты, в которых моделируется образ Александра II как политического деятеля и частного лица	Слова-маркеры, выражающие позицию современника
Александр II как частное лицо			
Особенности внешнего облика			
Мировоззренческие характеристики			
Черты характера			
Отношение к людям			
Александр II как политический деятель			
Причины реформаторской деятельности императора			
Результаты его внутриполитического курса			

8. Из работ историков выдели ключевые слова и словосочетания (слова-маркеры), при помощи которых исследователи описывают Александра II как политика. Сравни мнения историков и современников. Выдели и аргументируй критерии для сравнения.

***Историки и современники
об общественных ожиданиях середины XIX столетия***

Позиция историков

*Н. Я. Эйдельман, советский историк*¹: «"Лед тронулся" только после смены монарха 18 февраля 1855 г. ... Началась "эра реформ",

¹ Эйдельман Н. Я. Революция сверху в России. М., 1989. С. 34.

которая продлилась десять–пятнадцать лет до белого террора, последовавшего за выстрелом Каракозова в 1866 г.».

В. Я. Гросул, современный российский историк¹: «Общественный подъем, начавшись в середине 50-х годов XIX в. проявлял себя в различных формах. Одной из них было заметное возрастание общественного мнения, формировавшегося и в самом обществе, и в некоторых структурах, близких к императору. Последние старались направить его на осознание необходимости значительных преобразований. Но, кроме общественного мнения, отнюдь не отличавшегося единством, даже наоборот, отражавшего борьбу различных начал, порожденную борьбой интересов, примечателен поворот к осознанию роли общественного мнения как такового... Еще в ноябре 1855 г. по случаю 50-летия сценической деятельности М. С. Щепкина, гордости русского театра, в Москве состоялся банкет, собравший до 300 человек, прежде всего представителей московской интеллигенции. И вот на этом банкете, проходившем еще до завершения Крымской войны и заключения мирного договора, К. С. Аксаков встал и произнес тост "в честь общественного мнения"... Требование гласности овладело довольно широкими кругами общества. П. А. Вяземский, который к 50-м годам уже был консерватором, став в августе 1855 г. товарищем министра народного просвещения, вспомнил молодые годы и начал выступать за гласность и свободу печати. В "Голосах из России" А. И. Герцена требование гласности выходит чуть ли не на первое место. К. Кавелин и Б. Чичерин, авторы "Письма к издателю", рассматривали гласность как чуть ли не единственное средство против явного зла. В этом же сборнике Н. А. Мельгунов проводит мысль о том, что только одна гласность способна оградить от беззаконий правосудия, избавить от лести, лжи, лицемерия, поднять и облагородить людей».

Т. А. Филиппова, современный российский историк²: «1855 г. открыл новый период русской истории. Не только смерть Николая I и восшествие на престол сына его Александра II, и даже не отставка наиболее одиозных консервативных сановников обозначили этот ру-

¹ Гросул В. Я. Русское общество XVIII – XIX вв.: традиции и новации. М., 2003 С. 308.

² Политическая история России: Учеб. пособие / Отв. ред. В. В. Журавлев. М., 1998. С. 179.

беж. Разрушительное для экономики и оскорбительное для национального достоинства поражение в Крымской войне привносит дух оппозиционности даже в ближайшее окружение императора. Идеиная жизнь общества спонтанно обретает совершенно новое качество. Словно сами собой раздвигаются границы гласности. Стихийный консенсус между правительством и обществом достигается на базе общих представлений о необходимости реформ. Втайне друг от друга, но практически параллельно правительственные круги и либеральная общественность разрабатывают проекты будущих преобразований».

*Р. С. Уортман, современный американский историк*¹: «Манифест Александра II о подписании Парижского мира, написанный графом Блудовым, возвестил резкую перемену в умонастроениях российского монарха. Прежние публичные заявления императоров связывали народное благоденствие с усилением, усовершенствованием и ростом административного аппарата. Опираясь на утвердившуюся в XVIII в. концепцию полицейского государства, они изображали правительственную опеку источником рационального устройства и честности, а ее расширение – самым надежным способом повысить моральный, культурный и экономический уровень населения. Провал Крымской кампании, скандальные злоупотребления, получившие ... огласку, вынесли приговор этой концепции, слишком архаичной для середины XIX в. Крымское поражение показало самому императору границы авторитарного надзора и побудило его дать больше простора самостоятельной энергии населения. Манифест Александра выражал надежду на созидательное раскрепощение сил, без напоминания об устрашающем вмешательстве государства».

Мнения современников

*А. М. Скабичевский, литературный критик*²: «Престиж царя еще более возрос в моих глазах, когда в ночь на 13 ноября 1854 года, возвращаясь домой с родными из театра, я обратил внимание на высокую фигуру, медленно двигавшуюся по Дворцовой набережной в полном одиночестве. Лодочник, перевозивший нас через Неву, сообщил нам, что это – царь, что каждую ночь он по целым часам ходит взад и вперед один по набережной.

¹ Уортман Р. С. Властители и судьи: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 414–415.

² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 49.

Мне сейчас же представилась величественная картина, как во тьме ночной мирно спит вся Россия, спят города и села, дворцы и хижины, — и один лишь царь бдит и заботливо решает судьбы своего народа, медленно шествует вдоль невских берегов...

Понятно, что когда 16 февраля 1855 года дошла до меня весть о смерти Николая, я был убежден, что Россия погибла».

*Ф. И. Тютчев, знаменитый поэт*¹:

Н[иколаю] П[авловичу]

«Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей».

*М. П. Погодин, историк, общественный деятель*²: «Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола! Вот слово, которое соберет под знамя русского царя всю усталую и расстроенную Европу... Слова господствуют над нашим временем, и во главе этих могущественных, очаровательных слов звучит вожаемое — свобода! На Западе оно износилось, обветшало, опошлено, осквернилось богохульными устами кровожадного разврата и остервенившегося голода. Везде оно потеряло свой смысл: в Германии стало отвлеченностью, во Франции шуткою, в Англии юродством. У нас доселе неслышное и только теперь провозглашенное торжественно неограниченною властью, найдет оно отголосок во всей Европе, возбуждая сочувствие, и выигрывает надежда радостями во всяком благородном сердце! <...>

Как бы желал я растолковать нашим государственным людям, что эта свобода не уменьшит нисколько силы правительства, а только увеличит, укрепит и утвердит ее; зато она не может причинить никакого вреда, а доставит многообразную пользу; не подвергнет нас никаким новым опасностям, а отвратит многие старые. <...>

¹ Тютчев Ф.И. Сочинения. М., 1980. Т. 1. С. 144.

² Приведено по: Конец крепостничества в России: Документы, письма, мемуары, статьи. М., 1994. С. 70–71.

Дайте полякам конституцию, то есть позвольте им сочинить себе конституцию, которую они уже имели и которую, верно, будут сочинять несколько лет.

<...> Простите наших политических преступников, которые, верно возвратятся тихими агнцами и провозвестниками порядка и спокойствия.

Объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов для выкупа их по жребию или в награду за хорошее поведение, по верным свидетельствам мира, которое успокоит крестьян надолго, возбудит деятельность, даст силы для терпения, утешит поднятые без толку толки, а исполнится оно может в неопределенное время, без малейшего ущерба дворянству, по полюбовным соглашениям.

Дайте право приобретать землю кому угодно, с обязанными крестьянами, что вдруг освободит их множество.

Облегчите цензуру под заглавием любезной для Европы свободы книгопечатания, которая, без всякого ущерба власти, обогатит вас нужными сведениями, наделит разнообразными советами, доставит полезные предлоги для будущих внешних отношений и приведет в движение русский ум, упавший почти до точки замерзания. Вот вам содержание всемилостивейшего манифеста, еще небывалого в летописях русской истории, который одушевит Россию и выиграет генеральное сражение в Европе, не обнажив шпаги, одним почерком пера».

А. И. Левшин, товарищ министра внутренних дел¹:

«В апреле 1856 г. государь император поехал в Москву и при представлении предводителей тамошнего дворянства сказал им краткую речь следующего содержания: "Слухи носят, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо, а от этого было несколько случаев неповиновения крестьян помещикам. Вы можете сказать это всем направо и налево. Я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге. Я не скажу вам, что я был совершенно против этого; мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу".

¹ Левшин А.И. Достопамятные минуты в моей жизни // Конец крепостничества в России. С. 74–75.

Приключение это было вовсе неожиданно, тем более что в последние годы царствования Николая I при введении инвентарей в западных губерниях нынешний император, тогдашний наследник, защищал права дворян, а потому московская новость разнеслась по Петербургу с быстротою необыкновенною, хотя все передавали ее друг другу шепотом. Самая мысль об освобождении крестьян считалась тайною. Несмотря на то, что в минувшее царствование начали заниматься этим предметом, но все комитеты, рассуждавшие о том и подготовлявшие работы, были секретные. Тайна была нужна и страшна потому, что боялись преждевременного открытия ее миллионам крепостных людей. К тому же в понятиях наибольшей части пожилых людей, не исключая многих членов высшего правительства, освобождение крестьян должно было неминуемо породить беспорядки, кровопролитие и требование политической свободы или конституции. После этого легко себе представить, что речь государя московским предводителям была громовым ударом для большинства публики и светлым лучом надежды для немногих.

<...> Здесь следует войти в рассмотрение, отчего Александр II, бывший при отце защитником странных дворянских прав, вдруг заявил себя довольно торжественно освободителем крестьян. Многие думают, что Николай на смертном одре взял с него клятву заняться этим великим делом, в котором он сам имел несколько неудач, несмотря на свою железную волю. Последующее обстоятельство и настойчивость, с которой Александр II двигает это дело теперь, и которой публика по мягкости его характера вовсе не ожидала, заставляют думать, что тут есть какая-нибудь внешняя действующая причина, и дает правдоподобие предположению о клятве или слове, данном сыном умирающему родителю».

*В. П. Мещерский, князь, консервативный публицист*¹: «Скажу, прислушиваясь к своим воспоминаниям всей последующей эпохи, что 1855 год был самым светлым годом царствования Александра II. Небо над ним было совсем ясное. В марте заключен и подписан князем А. Ф. Орловым Парижский договор, и хотя условия этого договора были для нас и тяжелые и позорные, но настроение всего общества, отчасти вследствие отдыха от ужасов войны, отчасти от влияний того неопределенного нового, о которых я говорил, отчасти от ожидавшейся в августе великолепной коронации и отчасти, наконец, от всего симпатичного, что в виде всевозможных слухов и откликов исходило

¹ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 44–47.

из Зимнего дворца как подробности о новом государе, – настроение общества, говорю я, было именно похоже на голубое, совсем ясное, весеннее небо. Веяло чем-то радостным, чем-то благодушным, искренним, будто исчезли куда-то плачущие и печально озабоченные люди; везде их места заняли веселые и наслаждающиеся жизнью... К концу 1856 года, когда успокоились все волнения коронации, небо стало хмурится и воздух стал грязниться... Это было начало, зародыш той эпохи, – увы! – долголетней и смутной, которая столько горя принесла России наравне со столькими благими намерениями».

*Е. Н. Водовозова, писательница*¹: «Шестидесятые годы можно назвать весною нашей жизни, эпохой расцвета духовных сил и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету и к новой, неизведанной еще общественной деятельности... Такое небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению имело громадное влияние на изменение всего мирозерцания русских людей, а вместе с тем и на многие явления жизни, на отношение одного класса общества к другому...

<...> Очень многие осуждали молодежь шестидесятых годов за то, что она выражалась искусственно, в приподнятом и высокопарном тоне, уснащала свою речь прописными истинами. И действительно, этим грешили очень многие. Но ведь шестидесятые годы были необычайною эпохой. И все в ней было необыкновенно: кажется, даже температура крови людей того времени была повышена; вся их жизнь шла ускоренным темпом. Но эти недостатки не помешали весьма и весьма многим, нередко даже тем, которые выражались особенно фразисто, проникнуться до глубины души идеалами и принципами той эпохи. Весьма многие из шестидесятников так усердно работали над своим самообразованием в молодости, что, заняв впоследствии места в учреждениях по крестьянским делам, в гласном суде, в земстве, оказались чрезвычайно полезными деятелями. Из той же молодежи сильно грешившей в годы юности высокопарным выражением мыслей, вышли люди, отдавшие на служение идеалам шестидесятых годов всю свою жизнь, во имя их приносившие великие жертвы...

<...> Необыкновенное оживление общества в начале шестидесятых годов было совершенно новым явлением. Люди того времени много работали с целью самообразования, с величайшим увлечением учили дру-

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни: Мемуарные очерки и портреты. М., 1987. С. 25–35.

гих, но в то же время и веселились напропалую. Никогда не встречала я позже такого разудалого веселья, не слыхала такого звонкого смеха! И это было весьма естественно: вслед за падением крепостного права продолжались и дальнейшие преобразования, вселявшие надежды на лучшее будущее. Всё, казалось, ясно говорило о том, что и у нас наступила, наконец, совершенно новая, не изведанная еще нами гражданская и общественная жизнь, когда каждый, искренно того желающий, может отдать с пользою свои силы на служение родине. Что же удивительного, что в эту кратковременную эпоху нашего умственного и нравственного расцвета надежды и упования на лучшее будущее быстро перешли в уверенность, что распространение гуманных и демократических идей, как могучий поток, без остатка смоет всю грязь нашей жизни, что это сулит всем, задавленным трудом, униженным и оскорбленным, великое счастье, что эта эра наступит скоро, очень скоро...».

*Н. К. Михайловский, социолог, литературный критик*¹ : «Оглядываясь теперь на это странное время, можно удивляться той необузданности надежд, тому розовому доверию к будущему, которыми мы тогда были преисполнены. Казалось, историческая дорога лежит перед нами такою ровною, гладкою скатертью, что только посвистывай, да вожжами потрагивай... Все весельем и надеждой дышало... Солнце встало. Потом солнце село. Совы и филины замахали крыльями и затянули свою мрачную, похоронную песню».

*Д. В. Аверкиев, писатель*² : «Вяние свободы почувствовалось всеми и каждый спешил выразить свое учение, провести в жизнь свои убеждения, снаряжался на борьбу ради торжества своей мысли или доктрины. Общество, вначале дружное, восторженное при первом свободном вздохе, вскоре расчленилось и распалось. Явились вавилонское смешение мыслей; неустойчивость и шаткость умов; отсутствие мужества; люди, в душе не разделявшие модных "идей", даже их ненавидевшие, спешили выразить им сочувствие из боязни показаться отсталыми, из страха быть освиистанными или обруганными... Русские сановники сумели сочетать верноподданническую присягу с конституционными тенденциями и даже с социалистическими увлечениями. Отправляясь в государственные заседания, они по дороге заезжали к передовым дея-

¹ Цит. по: Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX в. М., 1979. С. 38.

² Аверкиев Д. В. Памяти М. Н. Каткова // Рус. вестник. 1887. № 7. С. 134-135.

телям набраться прогрессивного духа. Люди во власти стали стыдиться ее проявления, сомневаться в ее необходимости и законности. Верных и нелицемерных, и при том мужественных, было немного, и какую борьбу, порой тяжкое унижение, приходилось им испытывать!»

*Р. И. Сементковский, публицист*¹ : «Это было время нарождавшейся надежды на полное обновление русской жизни. Надежда эта в равной мере охватила все слои русского общества, всю интеллигенцию и всех передовых общественных деятелей. Разлада сколько-нибудь значительного тогда еще не намечалось. Все чувствовали, все сознавали, что кончается одна эпоха и начинается другая, громадное значение которой для всех было очевидно».

*И. И. Иванюков, экономист*²: «Это было, когда в полном смысле слова открывались перспективы новой и чудной зари русской жизни. Немудрено поэтому, что все доброе, просвещенное, честное поистине ликовало».

*О. В. Аптекман, историк, врач*³: «Подъем интеллигентской мысли и интеллигентского чувства был на значительной высоте. Это было в первую половину 60-х годов... Освобождение крестьян означало освобождение человека, личности от всякого гнета, гнета семейного и общественного, гнета традиций и авторитета... Пришел разночинец, сильный, гордый и смелый. Он почувствовал свободу и взял быка за рога.

Падают авторитеты. Рушатся традиции. Идет решительная "переоценка всех ценностей"... Реальное мышление и автономная личность – гвоздь философской доктрины».

Образ Александра II в общественном мнении Российской империи

Позиция историков

*Л. Г. Захарова, современный российский историк*⁴: «Личность Александра II трагична. В акте 1 марта 1881 г. причудливо перепле-

¹ Сементковский Р. И. М. Н. Катков: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892. С. 25–26.

² Иванюков И. И. Очерки провинциальной жизни // Рус. мысль. 1894. № 5. С. 189.

³ Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 20.

⁴ Захарова Л. Г. Александр II // Вопр. истории. 1992. № 6/7. С. 77–78.

тались трагедия человеческой судьбы, монархии и страны. Отсюда тянется кровавый след к трагической развязке российской истории уже XX века. Здесь обрывается взятый реформами курс на мирное строительство правового государства. По своему характеру, темпераменту, мировоззрению, призванию Александр II не был реформатором. Он стал им в силу обстоятельств; в его характере, в его личности необузданное, отталкивающее самодержавное "Я" уживалось с привлекательными человеческими чертами, а в государственной деятельности часто и подавляло их. Он оставался фактически пленником той системы, фундамент которой начал упразднять своими реформами. В его симпатиях и пристрастиях, в его наклонностях и ориентации "военный в душе" преобладал над законодателем.

Император и самодержец, генетически и исторически связанный со своими предшественниками от Петра Великого до Николая I, возвышался над Освободителем. Это объяснялось далеко не столько личными свойствами Александра II, сколько слабостью общественных сил, способных возглавить и провести преобразования. Общественные ожидания, вера в способность высшей власти вывести страну на достойное место и в сотрудничество интеллигенции с властью, характерные для первых, предреформенных лет царствования Александра II, были обмануты. "Великие Реформы" оказались в действительности подчинены не экономическому процветанию, не "улучшению быта" народа, не развитию выборного представительного начала и созданию основ правового государства, а укреплению самодержавия, усилению военной мощи, расширению империи во имя величия России, как понимал его Александр II и его ближайшее окружение».

*Р. С. Уортман, современный американский историк*¹: «Александр был высок, привлекателен и статен, но с точки зрения тех, кто привык к властному облику, манерность царя выдавала его слабость. Взгляд государя должен был выражать власть над подданными. Взор Николая и располагал, и внушал страх. Взоры Александра взывали к жалости и помощи. "Какие-то телячьи глаза", – замечает Чичерин... Дипломат князь Н. А. Орлов рассказывал, что он не боялся говорить откровенно с Николаем, который мог рассердиться, но не держал в душе обиды. Однако в присутствии Александра II "у меня слова ... за-

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. С. 42.

мирают на языке, когда он уставит на меня тусклый, безжизненный взгляд, как будто и не слышит, о чем я говорю".

*В. Г. Чернуха, современный отечественный историк*¹: «Александр II шел в историю как "царь-освободитель" и "царь-мученик". Он был великий реформатор, но по несправедливости судьбы наименования Великий, которого он вполне заслуживал, ему не досталось. А между тем его царствование – один из важнейших периодов в истории России XIX века, ведь именно на долю Александра II выпала миссия проведения крупнейших преобразований, переломивших эпохи – крепостническую и капиталистическую, переломивших резко, ибо, по российской традиции, реформы сильно запаздывали. Он взвалил на себя неподъемную работу и выполнил ее, правда, не до конца. Его постигла судьба всех реформаторов – при жизни быть непрерывно атакуемым справа и слева и только после смерти поучить справедливую оценку, признание масштаба содеянного».

*А. А. Корнилов, историк конца XIX – начала XX в.*²: «Вообще, личность Александра II, царя-освободителя, благодаря историкам-панегиристам и наивным мемуаристам-современникам представляется обыкновенно как личность идейного реформатора, гуманно напорного, желавшего, так сказать, в силу внутренних побуждений и склонностей провести те реформы, которые ему пришлось провести. Все это совершенно неверно, и освободить действительный ход событий от ложных представлений мне кажется в этом случае особенно важным, так как эти представления затемняют истинный ход того процесса, изучение которого является нашей главной задачей. <...>

Личные вкусы и личные убеждения и предрассудки императора Александра как будто не предвещали ничего особенно хорошего в отношении назревших преобразований и в отношении в особенности самого главного из них – отмены крепостного права. Мне кажется важным оттенить это обстоятельство потому, что оно особенно ярко рисует силу, непрекращаемость и неотразимость того хода вещей, который в это время происходил; очень важно выяснить, что реформы произошли в данном случае не в силу стремления к ним государя, а почти наперекор его убеждениям, причем он должен был уступить

¹ Чернуха В. Г. Великий реформатор и великомученик // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 5.

² Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 2004. С. 379–380.

развивающемся социально-политическому процессу, так как он видел, что если он будет бороться с этим процессом, как боролся его отец, то это может повести к развалу всего государства. Поэтому-то я считаю необходимым подчеркнуть, что все эти реформы начались вовсе не силу гуманных идей, которые вложил в юного Александра Николаевича Жуковский. Александр сделался сторонником реформ не в силу своей симпатии к людям, произносившим в 40-х годах свои аннибаловы клятвы против крепостного права, а в силу прочно осознанного им в эпоху Крымской войны убеждения в необходимости коренных преобразований – ради сохранения и усиления мощи Русского государства, которая иначе, как уже сделалось ясным из событий Крымской войны, совершенно подточилась бы ходом вещей. Это, конечно, отнюдь не умаляет его заслуги и делает ее даже более ценной, поскольку он сумел стойко, мужественно и честно провести это дело, невзирая на все его трудности и не опираясь на внутренние свои склонности и симпатии, а стоя исключительно на точке зрения признанной им ... государственной нужды».

Р. С. Уортман, современный американский историк¹: «Доктрина официальной народности оправдывала авторитарное правление Николая I. После Крымской войны эта доктрина послужила основанием для Великих реформ царствования Александра II. Отмена крепостного права, судебная и земская реформы, которые ввели в русскую жизнь элементы европейского гражданского общества, предполагали, что великодушные поступки любящего свой народ государя будут вознаграждены новой благодарностью и еще большей преданностью народа монархии. Но вместо этого увеличение свободы и отказ вводить представительное правление привели к недовольству правительством и революции, кульминацией которой стало убийство Александра II».

Мнения современников

Секретарь американского посла А. Уайт²: «Он был высок, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством, но у него было гораздо меньше величественности, и полностью отсутствовала неуместная суровость его отца».

¹ Уортман Р. С. Сценарии власти. Т. 2. С. 707.

² Цит. по: Захарова Л. Г. Александр II. С. 63.

*Фрейлина А. Ф. Тютчева дочь поэта*¹: «Император – лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы... Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения... Сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает».

*П. А. Кропоткин, идеолог русского анархизма, бывший камер-паж императора*²: «В начале службы я восторженно относился к Александру II как к царю-освободителю. Воображение часто уносит мальчика далеко за пределы действительности, и мое чувство тогда было таково, что, если бы в моем присутствии кто-нибудь свершил покушение на царя, я бы грудью закрыл Александра II.

<...> Но ряд мелких случаев, а также реакционный характер, который все более и более принимала политика Александра II, стали поселять сомнения в моем сердце.

<...> В день освобождения крестьян Александра II боготворили в Петербурге; но замечательно то, что помимо этого момента энтузиазма, его не любили в столице. Брат его Николай Николаевич неведомо почему был популярен среди мелких лавочников и извозчиков. Но ни Александр II, ни Константин, вождь партии реформ, ни Михаил не пользовались особою любовью ни одного класса из населения столицы. Александр II унаследовал от отца много черт деспота, и они просвечивали иногда, несмотря на обычное добродушие его манер. Он легко поддавался гневу и часто обходился крайне пренебрежительно с придворными. Ни в вопросах политики, ни в личных симпатиях он не был человеком, на которого можно было положиться, и вдобавок он отличался мстительностью. Сомневаюсь, чтобы он был привязан к кому-нибудь. Окружали его и были близки ему порой люди совершенно презренные, как, например, граф Адлерберг, за которого Александр II постоянно платил долги; другие же прославились колоссальным воровством. Уже с 1862 г. можно было опасаться, что

¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров: Дневник 1855–1882. М., 1929. С. 105–107.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 142.

Александр II вновь вступит на путь реакции. Правда, было известно, что он хочет преобразовать суд и армию, что ужасное телесное наказание отменяется, и что России дадут местное самоуправление, а может быть, какой-нибудь вид конституции, но малейшие беспорядки подавлялись по его приказанию с беспощадной жестокостью».

Б. Н. Чичерин, либеральный юрист, философ¹: «История произнесет над Александром II правдивый приговор, не утаивая его слабостей, но справедливо ценя его высокие качества. Не одаренный от природы ни сильным умом, ни крепкою волею, не получив даже воспитания, способного ему дать руководящие нити среди тех шатких условий, в которые он был поставлен, он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представиться самодержавному правителю: обновить до самых оснований вверенное его управлению громадное государство, упразднить веками сложившийся порядок, утвержденный на рабстве, и заменить его гражданственностью и свободой, учредить суд в стране, которая от века не знала, что такое правосудие, переустроить всю администрацию, водворить свободу печати при безграничной власти, везде вызвать к жизни новые силы и скрепить их законным порядком, поставить на свои ноги сдавленное и приниженное общество и дать ему возможность двигаться на просторе. История едва ли представляет другой пример подобного переворота. И он совершил свыше возложенное на него добросовестно и разумно, по мере своих способностей и средств. Недостаток ума заменялся у него устойчивым здравым смыслом, который позволял ему, при долгом и внимательном изучении дела, остановиться, наконец, на среднем, благоразумном решении; слабость воли заменялась постоянством, с каким он держался раз принятого пути, не давая увлекать себя далеко в сторону. Александр II никогда не отдал на жертву реакции созданных им учреждений; он хранил их, как любимое детище, хотя, при возникших в России смутах, он допускал частные искажения. Главный его недостаток состоял в плохом знании людей и в неумении ими пользоваться. Добрый по природе, он был мягок в личных отношениях; но, не доверяя себе, он не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравнивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось в своих действиях и не чувствовало под собою твердой почвы. Самодержавие приучило его смотреть на людей как на простые орудия, призванные ис-

¹ Чичерин Б. Н. Воспоминания // Александр Второй: Воспоминания. Дневники. С. 377–378.

полнять данные им приказания... О том, что у порядочного человека есть собственные убеждения и собственная воля, и что только следуя им он может действовать с успехом, он вовсе и не помышлял. Безграничная власть и предания отца заставляли его смотреть на независимость мысли и характера как на беспокойное и вредное начало, которого следует остерегаться. Он охотнее вокруг себя видел людей податливых и удобных, то есть пошлых... Других он устранял весьма легко, как скоро они не были ему необходимо нужны.

<...> Провидение избавило Александра II от позора коронации. Весто того он принял мученический венец, который искупил все его слабости и оставил его образ светлым ликом между русскими царями. Многие превосходили его по способностям, но никто не сделал больше него для России, хотя ни ему, ни его современникам не было дано видеть добрые плоды его трудов, а пришлось только испытывать терния, рассеянные по пути. Он погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнузданных, а составляющих глубочайшую язву современного человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах. Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты».

В. П. Мещерский, князь, консервативный публицист (1865 г.)¹:
«Тогда мы задавали себе вопрос: как объяснить это столь скоро наступившее разочарование в Государе?.. Увы, причин этому было много... Десять лет прошло с начала Его царствования... Сколько людей наговорили ему в эти 10 лет худого о худом и хорошем, и как мало, напротив, людей говорили ему хорошее о хорошем и в извинение худого. Печать на 1/4 говорила о благодарности и на 9/10 говорила во имя отрицания, обличения и осуждения. Подпольная и заграничная русская публицистика была полна доносами, обвинениями и злобою. Каждый день подавались Государю в разных видах все людские злые отзывы и злые сплетни... Это одна сторона. А другая еще понятнее. В первые дни своего царствования Государь только жил для мечтаний и желаний добра. Он мог, следовательно, ожидать от людей доверия и терпения к своим прекрасным и благолюбивым устремлениям. Но нет; едва он делал благое дело, никто не успевал еще сказать спасибо, – как начиналось нетерпеливое требование другого, еще и еще; нервная похоть к новому и к реформе была главным дви-

¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 264.

гателем всех; и что бы ни делал Государь, все дела встречала критика одних и нетерпеливые требования другого от других».

*Он же (1881 г.)*¹: «Обманутый, недоверчивый, разочарованный, Государь вошел в такую эру своей жизни, где отдавал уже себя под власть не столько людей, сколько какого-то рока, и тогда стал понятен тот полный шекспировского драматизма исторический момент, про который я рассказывал со слов покойного шефа жандармов, генерала Потапова, когда он (император. – *Н. Р.*) обратился к нему со словами: "Я, кажется, ему не сделал ничего доброго (так в оригинале. – *Н. Р.*), за что же он против меня?..".

<...> Добрый, нежный, чувствительный, восприимчивый ко всем оттенкам деликатности, переполненный самых благих намерений, как мог бы он насладиться своим царствованием, если бы к нему приобщены были все влияния серьезные вместо одного лживого влияния либералов, потребовавших от него, кроме беспочвенных реформ, насилия над его прекрасною и деликатною душою и сделавших его узником своих собственных страданий.

Оттого тяжелая ответственность перед историею своего народа за царствование Александра II и за его конец ложится на наших либералов. Они – и только они – сделали из Александра II мученика, страдавшего и царившего в мире, где ни он не понимал народ, и где народ его не понимал».

Русский консерватизм во второй половине XIX в.

Отношение консерваторов 1850-1870-х гг. к идее реформирования страны.

1. Концепция «либерально-консервативного синтеза».
2. Покушение Д. Каракозова на Александра II и рост популярности консервативной доктрины в общественном мнении.
3. Программные установки русского консерватизма 1880-1890-х гг. и их реализация во внутренней политике Александра III.
4. К. П. Победоносцев как идейный символ русского консерватизма.

Литература:

1. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М, 1964.

¹ Там же. С. 582.

2. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века. М., 1970.

3. Полунов А. Ю. Под властью обер-прокурора: государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

4. Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.

5. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: М. Н. Катков и его издания. М., 1978.

Задания:

1. Охарактеризуй суть концепции «либерально-консервативного синтеза».

2. Перечисли ключевые вопросы, волновавшие русскую консервативную мысль изучаемой эпохи.

3. Используя метод контент-анализа, выяви ключевые характеристики, при помощи которых можно описать влияние выстрела Д. Каракозова на формирование общественного мнения.

4. Заполни следующую таблицу:

Реализация программных установок
русских консерваторов в политическом курсе Александра III

Сферы политики	Требования консерваторов	Вариант практической реализации
Социально-политический курс		
Экономическая политика		
Политика в области культуры и образования		
Внешняя политика		

5. Из отзывов современников о К. П. Победоносцеве выдели метафоры, при помощи которых можно сконструировать его образ в общественном мнении изучаемой эпохи.

Оборудование:

Александр II [Видеозапись] / авт. и ведущий Л. М. Парфенов. Ч.1: антилиберализм при Александре.

Фотографии М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, титульного листа одного из номеров журнала «Русский вестник».

Репродукции картин И. Е. Репина «Каракозов перед казнью» и «Заседание Государственного совета».

Отношение консерваторов 1850-1870-х гг. к идее реформирования страны

Позиция историков

*А. В. Репников, современный российский историк*¹: «В России эпоха реформ 1860–1870-х гг. вызвала к жизни новый тип консерваторов-государственников. Их исходные теоретические установки отличались от идеологических и философских построений славянофилов, хотя и имели с ними некоторые общие черты. Апеллируя к традиционным ценностям, консерватизм проявил себя как антилиберальное течение, которое, с одной стороны, было направлено против демократической и социалистической доктрин, а с другой – допускало критику правящих властных структур. Это была критика справа, довольно резко обличавшая неспособность власти осознать и проконтролировать начавшиеся перемены и одновременно разработать систему мер, которая могла бы предотвратить радикальную ломку традиционных отношений. Консерваторы прекрасно осознавали, что модернизационный процесс невозможно остановить, но его можно и необходимо сделать контролируемым. Они также осознавали, что вслед за экономическими переменами рано или поздно должны последовать политические. Весьма характерно, что консерваторы сравнивали модернизационные процессы с речным потоком, а свои действия с построением плотины, для придания этому "потоку" нужного направления.

Ратуя за сохранение принципиально-сущностных основ традиционной системы отношений, консерваторы стремились разработать и предложить целостную систему мер, позволявших, по их мнению, осуществить плавный переход к новым социально-экономическим отношениям, без скачков и потрясений. Для консерваторов очень важно было сохранить то, что способствует устойчивости традиционного общества, одновременно позволяя ему динамично и безболезненно развиваться. Поэтому в условиях быстро меняющегося мира они стремились сделать особый акцент именно на обосновании преимуществ традиции, что, по их мнению, позволяло избежать "прорыва постепенности", на котором настаивали не только социалисты, но и радикально настроенные либералы.

¹ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 42.

Таким образом, в построениях консерваторов имелись постоянные и переменные константы. Постоянные (православная религия, монархическая власть, общественная иерархия) служили несущими опорами в здании российской государственности. Их радикальная "перестройка", а тем более "удаление" привели бы к крушению традиционной России. При этом консерваторы не были просто "охранителями", защищавшими постоянные константы от *любых* изменений. Они были еще и творцами. Термин "консервативное творчество" имеет полное право на существование. В рамки этого творчества вполне укладываются предложения Н. Я. Данилевского об объединении славян и разрешении восточного вопроса, попытки К. П. Победоносцева придать новый импульс религиозной жизни, проекты Л. А. Тихомирова относительно придания монархической системе большей устойчивости. И даже К. Н. Леонтьев, советовавший "подморозить Россию", не хотел ограничиваться только сохранением существующего миропорядка. Его внешнеполитические прогнозы, размышления о консерватизме и "охранительном социализме" поражали своей новизной и нетипичностью подхода. Консерватизм таким образом, ни в какой мере не является синонимом стагнации и противником *любого* развития социально-экономических отношений. Он играет роль "страховочного пояса" в общественно-политической жизни. Без этого "пояса" общество рискует потерять постоянные ориентиры и оказаться "по ту сторону добра и зла"».

*Т. А. Филиппова, отечественный историк*¹: «... весь XIX в. в Рос-предстает довольно целостным феноменом. Если что и переживало в тот период серьезные перемены, так это характер политической культуры. Разумея под политической культурой тот или иной тип политико-идеологического реагирования на вызов времени, мы видим, как существенно менялось соотношение либеральных и консервативных обертонов в звучании правительственного голоса... А ведь на деле, если отвлечься от традиционной российской "сдвинутости" таких понятий, как "либерал" или "консерватор", все различия между "либеральным" царствованием Александра II и "консервативной" эпохой Александра III проявятся не в стратегической сути, а в тактической форме — ставке на различные методы социально-политической стабилизации общества. В отсутствие легальной оппозиции в европейском смысле слова власть вынуждена была двигаться

¹ Политическая история России. С. 176–178.

зигзагообразным путем, дабы снабдить необходимые, но пугающие реформы сразу двумя педалями – "газ" и "тормоз". <...>

Оппонируя друг другу в конкретной политической практике, либеральная и консервативная доктрины гораздо сложнее соотносились друг с другом в политической культуре европейской цивилизации. Их основные постулаты – соответственно пропаганда преобразований и защита традиции – не противоречили (и не противоречат) друг другу в странах, где реформаторству повезло стать ценностной политической традицией. В этом контексте консерватор будет защищать значимость конечной (стратегической) цели – охрану стабильности общественного организма от социальных потрясений. Либерал же сделает упор на разработку и осуществление конкретных способов конструктивного, деятельностного продвижения к этой цели. Разделяя общие этические и правовые ценности, либерал и консерватор назовут их все же по-разному: то, что либерал определит как "закон", "порядок", "преступление", консерватор назовет "заповедью", "укладом", "грехом". <...>

События этого удивительного времени (эпохи Великих реформ. – *Н. Р.*), полного самых светлых надежд и ожиданий, стали конкретным, хотя и не во всем последовательным проявлением единства консервативных целей и либеральных методов в политической практике традиционной власти, стремящейся идти курсом модернизации. С позиций современной политической науки это был период, когда задача стабилизации режима в форме "консервативного обновления" осуществлялась с использованием энергичных приемов либерального преобразовательного проекта. Команду тогдашних реформаторов, закономерно воспринимавшихся русским обществом как либералы, сформировали представители – с европейской точки зрения – классической идеи государственного консерватизма. Ведь важнейшими постулатами этой идеи являются: упреждающая реформа как лучшая (ибо своевременная!) гарантия от революционных потрясений и опора на государство как абсолютную ценность, воплощающую мудрость истории и дух народа, без коих само реформаторство теряет всякий смысл».

*В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская и их соавторы*¹: «Курс на реформу был во многом неожиданным для консервативных сил. Они не были готовы к нему ни организационно, ни идеологиче-

¹ Русский консерватизм XIX столетия: идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская и др. М., 2000. С 422.

ски, и консервативный лагерь не сумел противопоставить реформистскому курсу никаких убедительных противодействий. Понимая бесперспективность упорного противодействия всяческим реформам, консервативные идеологи вырабатывают новую линию поведения, которая, прежде всего, признавала ликвидацию крепостного права, но означала стремление к сохранению помещиками всей или большей части земли, которую обрабатывали крестьяне. Можно сказать, что в эпоху Крестьянской реформы 1861 г. на первый план выходит (в рамках всего консервативного направления) либеральный консерватизм, хотя в целом землевладельческое дворянство было против реформы как таковой. Консерватизм, чтобы выжить как общественно-политическое течение, был вынужден перегруппировать свои силы и соразмериться с духом времени. Но переоблачение консерватизма было вынужденным и таило в себе горячее стремление будущего реванша».

Покушение Д. Каракозова на Александра II и рост популярности консервативной доктрины в общественном мнении

Позиция историков

Л. Г. Захарова, отечественный историк¹: «И выстрел Д. В. Каракозова у ворот Летнего сада грянул 4 апреля 1866 года. Этим актом революционного террора завершилось первое десятилетие царствования царя-реформатора. Известный английский журналист, корреспондент "Daily Telegraph" Э. Дайси, увидевший Александра II в 1866 г., оставил такую зарисовку: "Высокий, величественный, полный достоинства человек с ясно очерченными чертами лица и темными волосами, он мог бы, я думаю, быть назван королем королей". В расцвете физических и духовных сил, на вершине своей славы Александр II оказался в роли мишени. Человек храбрый, не раз доказавший свое бесстрашие, он был потрясен этим первым покушением. Не из страха за собственную жизнь: сознание, что стрелял в русского царя, в "помазанника Божия" русский человек, а не поляк, как ему сначала показалось, было откровением и превосходило его понимание. Многие современники констатировали, а позже историки подтвердили, что с этого времени в политике Александра II определился поворот к реакции.

¹ Захарова Л. Г. Александр II. С. 70.

Действительно. 1866 год стал вехой. Однако, не только в политике, но и в личной жизни царя. В 1865 г. в 22-летнем возрасте умер от туберкулеза старший сын и наследник престола великий князь Николай Александрович, воспитанник Кавелина, по общим отзывам, мягкий, гуманный, либеральный. Расшаталось здоровье императрицы Марии Александровны. После длительной внутренней борьбы Александр II дал волю своим чувствам к юной княжне Екатерине Михайловне Долгорукой, и в июле 1866 г. начался их роман. Он ничем не походил на прежние мимолетные увлечения и многочисленные связи императора, к которым привыкли все, не исключая императрицу. То была любовь 48-летнего зрелого мужчины к 18-летней обаятельной девушке. Их попытка расстаться на полгода, чтобы избежать скандала и остудить чувства, не помогла.

Пережитое в связи с покушением потрясение, раздвоенность в личной жизни и страсть, поглощавшая душевные и физические силы, отразились на внутреннем состоянии Александра II, его мировосприятии. Современники замечали, что император чаще, чем раньше, бывал задумчив, а иногда и апатичен, врачи в начале 1870-х годов говорили об истощении сил и предписывали лечение. Естественно предположить, что эти обстоятельства не могли не сказаться на отношении к делам: энергии и интереса поубавилось, зато возникли размышления над правильностью взятого курса».

*Р. С. Уортман, американский ученый*¹: «... выстрел Каракозова был воспринят, как нечто значительно более важное, чем отдельный акт насилия. Он подорвал фундаментальную для александровского сценария надежду, что дарование реформ и определенная свобода слова приведут к гармонии между образованным обществом и монархией. Консервативная пресса и влиятельные фигуры в правительстве указывали на покушение как на свидетельство наличия могущественных злонамеренных сил внутри России, которые лишь окрепли в либеральной атмосфере реформ. Хотя Александр продолжал действовать и думать в рамках своего сценария, его убежденность в своей правоте все уменьшалась, что подрывало доверие к его образу правления и у либералов, и у консерваторов... Когда Каракозова подвели к Александру, тот спросил его, не поляк ли он, на что получил ответ: "Русский". Когда общество узнало, что Каракозов был русский и дворянин, реакцией было чувство стыда и ошеломления».

¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Т. 2. С. 159.

*А. И. Володин. Б. М. Шахматов, советские ученые*¹: «Репрессивные меры, немедленно последовавшие за неудачным покушением ишутинца Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. на царя Александра II, прервали начавшийся было подъем социалистического движения в России. Высоко вверх поднимается волна "белого террора", символизирующая крайний разгул реакции. Прекратила существование организация Н. А. Ишутина – И. А. Худякова, были закрыты журналы "Современник" и, "Русское слово", начались разногласия в эмиграции, сначала был приостановлен, а затем и вовсе прекращен выпуск "Колокола", революционное подполье фактически вернулось к прежней кружковщине, на уровень студенческих землячеств. Попытки создания более крупных организаций, как, например, "Рублевое общество" Ф. В. Волконского и Г. А. Лопатина, очень быстро пресекались правительством».

Мнения современников

*Ф. И. Тютчев, поэт*²:

«Все этим выстрелом, все в нас оскорблено,
И оскорблению как будто нет исхода:
Легло, увы, легло позорное пятно
На всю историю русского народа!»

3. *К. Ралли, народник*³: «После выстрела Каракозова, 4 апреля в Петербурге начались тотчас аресты, хотя еще и не было известно имя человека, который стрелял в Александра II. Прежде всего полиция очистила все квартиры в доме Ипатова по Патриаршим прудам, потом все студенческие квартиры по Трехпрудному переулку, где жили Ишутин, Юрасов, Гремяченский и пр. Все эти люди знали Д. Каракозова, как знал и я, как знали многие, живущие в этой части Москвы, но ни один из них, абсолютно ни один не предполагал, что Каракозов будет стрелять в Александра II. Хотя в кружке этих людей, как и во многих кружках студенчества, часто говорилось, что следовало бы уничтожить этого государя за пресловутое освобождение крестьян,

¹ Володин А.И., Шахматов Б. М. Утопический социализм в России 1833–1883 гг.: (Краткий очерк) // Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 62.

² Тютчев Ф. И. Лирика. Т. 2. С. 173.

³ Ралли З. К. Воспоминания // Революционное движение 1860-х гг. М., 1932. С. 138.

которое затормозило революцию в России. Это последнее было почти общим мнением всей интеллигенции».

*С. М. Степняк-Кравчинский народник*¹: «После 1866 года нужно было быть слепым или лицемером, чтобы верить еще в возможность каких-нибудь улучшений иными путями, кроме насильственных. Революционное брожение явно усиливалось, и достаточно было малейшей искры, чтобы скрытое пока недовольство перешло во всеобщий взрыв».

*В. П. Мещерский, князь, консервативный публицист и издатель*²: «Как громом меня поразили три слова: в Государя стреляли! Никогда ничего ужаснее этих трех слов не слышал со дня рождения по эту минуту. Я не смел спросить: что дальше?.. Да и ни к чему было: швейцар ответил на вопрос, читая его в лице спрашивавших. "Слава Богу, мимо", – сказал он... Печальный факт, что Каракозов оказался из дворян, значительно усугубил нравственное впечатление от события 4 апреля. Немедленно нашлись люди, которые этим фактом воспользовались, чтобы пускать в обращение слух о связи Каракозова с дворянским сословием, потому что он явился исполнителем и орудием мести дворян за освобождение крестьян. Удивляться этому было невозможно, ибо такие слухи распространялись в темных и легковверных массах народа. Но нельзя было не удивляться тому, что эти же слухи ходили и в высших сферах петербургского общества. Одному из главарей либеральной партии приписывали следующие слова, во дворце сказанные: кто же, кроме дворян, на такую мерзость способен? Другой представитель либеральной партии, Н. А. Милютин, при мне говорил в одной гостиной: удивляюсь, что так многого ищут; нечего сказать: дворянин виноват – значит, дворянство виновато».

*Е. К. Брешко-Брешковская, народница, впоследствии одна из создателей и лидеров партии эсеров*³: «Выстрел Каракозова был ударом, поразившим одних, смутившим, вогнавшим в раздумья других. Пусть ругают и поносят Каракозова; пусть родные его стыдятся фамилии своей; пусть вся Россия распинается в преданности царю и поднося ему адреса и иконы! А он все-таки наш, наша плоть, наша кровь, наш брат, наш друг, наш товарищ!»

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. СПб., 1907. С. 11.

² Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 301.

³ Приведено по: Архив «Земли и воли» / Под ред. С. Н. Валка. М., 1932. С. 55–56.

*Д. А. Милютин, либерал, военный министр*¹: «С 4 апреля берет верх партия quasi-консерваторов или, вернее сказать, ретроградов. Представителем ее на первом плане был граф Петр Шувалов: к нему примкнули те личности, которые и прежде не сочувствовали либеральным реформам. Партия эта воспользовалась преступным выстрелом Каракозова, чтобы внушить государю недоверие ко всему, что было (сделано на славу его царствования, и под видом укрепления расшатанной будто бы самодержавной власти восстановить господство высшего сословия над массой».

К. П. Победоносцев как символ консервативной общественной мысли России второй половины XIX – начала XX в.

Позиция историков

*Эвенчик С. Л., советский историк*²: «Мировоззрение К. П. Победоносцева малооригинально и эклектично... Он теолог и метафизик... Его исторические взгляды не оригинальны... Победоносцев больше политик и практик, чем идеолог. Вера у Победоносцева подменена ханжеством, а разглагольствования о народности являлись пустым лицемерием. За этой маской все более активно выступает лицо запуганного крепостника, теряющего свои позиции, ненавидящего все проявления прогресса... Сохранить абсолютизм, укрепить его позиции с помощью церкви, силой искоренить, уничтожить, предупредить выступление врагов самодержавия – таковы идеи, пронизывающие мировоззрение К. П. Победоносцева».

*Н. А. Рабкина, историк конца XX в.*³: «После 1861 г., когда в России происходила поляризация политической мысли и формировалось крыло идеологов консервативного толка, Победоносцев одним из первых оказался именно в этом лагере, к чему он подготовлен был изначально: и происхождением, и воспитанием, и духом, и устоями родительского очага. К консерватизму склонял и весь психологический строй его лич-

¹ Милютин Д. А. Дневник, 1873–1875. М., 1947. Т. 1. С. 37.

² Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Уч. зап. / Москов. пед. ин-т им. В. И. Ленина. 1969. № 39. С. 108–109.

³ Рабкина Н. А. К. П. Победоносцев // Вопр. истории. 1995. № 2. С. 60–70.

ности. Умеренная дань, отданная политическому либерализму на рубеже 50–60-х гг. XIX в., была связана с общей модой на вольномыслие и негативной реакцией общества на мрачный финал внешней и внутренней политики Николая I. И юный Победоносцев, тяжело переживавший поражение России и ее внутренний кризис, не мог избежать влияния этого поветрия. Однако, стоило ему приобрести научный авторитет, прослыть знатоком английского парламентаризма, истории Англии и литературы, которую он читал в подлинниках, а отечественным реформам слегка захлебнуться в непросчитанных издержках, крайностях и волнениях – от крестьянских до студенческих, как Победоносцев изменил свои взгляды на судьбы России. Врожденный и воспитываемый в нем с младых ногтей русский "византизм" взял верх и в его лице приобрел постепенно своего выдающегося идеолога и практика. <...>

Великий инквизитор, созданный гением Достоевского, презирал людей, с высокомерием, цинично, недоверчиво относился к разуму человека. Эти черты были свойственны и обер-прокурору, они отразились и в мировосприятии, и в политической практике. Победоносцев свысока смотрел на своих современников, весьма скептически оценивал ординарный ум и слабоволие воспитанника-государя, приверженного к тому же тайному пороку – алкоголизму. Константин Петрович третировал в лучшие свои годы министров, иронизировал над многими писателями, не уважал собственный народ. Достойным соперником себе он ощущал, пожалуй, лишь Льва Толстого, боялся его широкой известности, влияния его свободной проповеди на общество. И, начав с восстановления против Льва Николаевича императорской семьи, с запрета публикации его сочинений, он кончил инсценировкой отлучения его от церкви, но именно тогда же и потерял магическое влияние на венценосных властителей России».

Мнения современников

*А. А. Блок, поэт*¹:

«В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простёр совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только – тень огромных крыл».

¹ Блок А. А. Возмездие // Блок А. А. Стихотворения и поэмы. Ташкент, 1986. С. 465.

*А. В. Амфитеатров, журналист*¹: «... читая Победоносцева, вы часто опускаете книгу в изумлении: где пишет этот человек? в каком веке он пишет? для кого он пишет?.. Ни одной непосредственной мысли, ни одной искры живого пылкого чувства, – все мертвые схемы, облеченные в риторику мертвого карамзинского слова... Какой это автор? Какой литератор? Это – просто экспроприатор заплесневелых библиотек... Ну, – вот Бэкон, вот Эмерсон, вот Карлейль... вот – ах, скажите, пожалуйста! – даже Герберт Спенсер. Но Победоносцев-то, Победоносцев-то где же? Где его мысль? Где его личность? Довольно гробокопательства, довольно глубокомыслия, заимствованного у покойников... Себя покажите – живого себя!»

*П. Н. Милюков, историк, либеральный общественный деятель*²: «Сухой, упрямый фанатик, получивший недаром прозвище Торквемады, принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию».

*М. Палеолог, посол Франции в России*³: «Русский Торквемада».

*С. Ю. Витте, министр финансов*⁴: «Это был человек, несомненно, высокодаровитый, высококультурный и в полном смысле слова человек ученый. Как человек он был недурной, был наполнен критикой разумной и талантливой, но страдал полным отсутствием положительного жизненного творчества; он ко всему относился критически, а сам ничего создать не мог. Замечательно, что этот человек не в сони был ничего воспроизводить ни физически, ни умственно, ни морально. Тем не менее, я должен сказать, что из всех государственных деятелей России, с которыми мне пришлось иметь дело во время моей государственной деятельности, К. П. Победоносцев был человек, наиболее выдающийся по своему таланту или, вернее, не столько по таланту, как по своему уму и образованию; мне было приятнее всего беседовать с Победоносцевым, гораздо приятнее, нежели со всеми остальными моими коллегами и другими государственными деятелями России, с которыми мне приходилось встречаться».

¹ Амфитеатров А. В. Победоносцев // Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996. С. 319–320.

² Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2. С. 57.

³ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 119.

⁴ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 200–201.

*И. А. Бердяев, философ*¹: «Умер К. П. Победоносцев. С ним так много связано, срослась с ним целая эпоха русской истории, даже более чем эпоха: в его личности и в его деле ярко воплотилась связь православия с государственным абсолютизмом. Победоносцев – знаменательный тип: искренний идеолог нашего исторического нигилизма, нигилистического отношения русской официальной Церкви и государства к жизни. Победоносцев – мыслитель неглубокий и не индивидуальный, идеи его сверхличны, слишком типичны, он разделяет их с теми историческими силами, которым служил, которые идеологически подпирал. Победоносцев вызывал к себе жгучую ненависть, он был надеждой темных сил, долгие, тяжкие годы был кошмаром русской жизни. Но, когда читаешь его, ненависть слабеет: звучат у него такие искренние ноты, искреннее смирение перед высшим, любовь к народному, романтическая привязанность к старому быту. В России немного было идейных и искренних защитников теократического самодержавия, особенно среди тех, которые стояли у власти и направляли государственный механизм. Победоносцев был из числа этих немногих».

*В. П. Мецкерский, князь, консервативный публицист*²: «Как государственный человек, Победоносцев представлял весьма интересное сочетание сильного светом и логикой критического ума с беспомощностью этого большого ума в области ответов на вопросы: что делать, что предпринять в пути. Он неопровержимо ясно и верно доказывал и говорил: "Вы заблудились, сбились с пути", но никогда не мог сказать, как же выйти на настоящий путь».

Этапы идейной эволюции народничества

1. Историки об интеллектуальных истоках народничества.
2. «Нечаевское дело» и его влияние на формирование общественного мнения.
3. Массовое хождение в народ (1874 г.).
4. Идеология и практика индивидуального террора в деятельности народнических организаций.

¹ Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России // Бердяев Н. А. Собр. соч. Париж, 1989. Т. 3. С. 196.

² Мецкерский В. П. Мои воспоминания. С. 738.

Литература:

1. Алексеева Г. Д. Народничество в России: идейные течения. М., 1990.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых. М., 1911.
4. Богучарский В. Я. Материалы для истории революционного движения в России в шестидесятых годах. СПб., 1906.
5. Володин А. Чернышевский или Нечаев? О подлинной или мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х гг. XIX в. / А. Володин, Ю. Карякин, Е. Плимак. М., 1976.
6. Итенберг Б. С. Движение революционного народничества: народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х гг. XIX в. М., 1965.

Оборудование:

Александр II [Видеозапись] / авт. и ведущий Л. М. Парфенов. Ч. 2: охота на царя: зарождение русского терроризма.

Студенческие видеофильмы или электронные презентации, посвященные идейным теоретикам народничества М. А. Бакунину, П. Л. Лаврову, П. Н. Ткачеву, Н. К. Михайловскому.

Репродукция картин И. Е. Репина «Арест пропагандиста», «Сходка», «Портрет Г. Гельфман».

Репродукция картины Б. М. Арцыбашева «Портрет В. Н. Фигнер».

Репродукция картин В. Е. Маковского «Арест нигилистов», «Зарисовки на судебном процессе первомайцев».

Репродукция картины Н. А. Ярошенко «Заклученный».

Репродукция картины А. А. Насветевича «Зарисовки на суде и казни первомайцев».

Задания:

1. Основываясь на материале, изученном в курсе «Отечественная история второй половины XIX в.», предложи свою интерпретацию философских, социально-экономических, социокультурных и идеологических истоков народничества. Изобрази их в виде схемы.

2. Предложи развернутый план ответа на вопрос о влиянии «нечаевского дела» на формирование общественного мнения.

3. Выяви метафоры, при помощи которых можно сконструировать образ С. Г. Нечаева в общественном мнении.

4. Сравни позицию историков и современников в оценке результатов массового хождения в народ. Проанализировав отзывы современников, уточни причины, от которых зависело их содержание. Постарайся ранжировать их по степени значимости.

5. На основе анализа мемуарного наследия народников и мнений исследователей выдели основные группы причин распространения идеи индивидуального террора.

6. На основе анализа визуальных источников, указанных в разделе «оборудование», охарактеризуй отношение общественного мнения к пропагандистской и террористической деятельности народников. Аргументируй свою точку зрения.

Ключевые понятия: утилитарный идеал, нигилизм, социокультурная инверсия, критически мыслящая личность, общинный социализм.

«Нечаевское дело» и его влияние на формирование общественного мнения

Позиция историков

*М. Могильнер, современный российский историк*¹: «Беллетристика была манящей вывеской параллельного мира, вербовавшей все новых и новых желающих переступить его порог. В автобиографиях революционеров, вступивших на эту стезю в 1870-х гг., нечаевский процесс и художественная литература фигурируют как равноценные факторы, определившие их жизненный выбор. По словам В. К. Дебагория-Мокриевича, пример Нечаева подтолкнул его к принятию тезиса "Цель оправдывает средства"... Материалы нечаевского процесса печатались в газетах, и будущие революционеры читали их как художественный текст. В результате художественная реальность оказалась для них не менее значимой, не менее подлинной, чем нехудожественная. Они не способны были критически отнестись к личности С. Г. Нечаева, поскольку в их тексте фигурировал художественный герой – идеальный революционер. Более того, как показали М. Одесский и Д. Фельдман, этот идеальный революционер изначально не мог ассоциироваться с понятием "террор". Современники, писавшие о нечаевском процессе, одновременно обсуждали события Парижской коммуны, и именно коммунарская, а не нечаевская практика воспринималась ими как террористическая. Возведенный в принцип государственного управления, воспроизведенный как цитата Великой Французской революции, террор Парижской коммуны был узнаваем и сохранял все свои положительные и отрицательные коннотации. Политические убийства, подготовлявшиеся тайным сообществом, не вписывались в существовавшие представления о терроре».

*А. А. Корнилов, русский историк конца XIX – начала XX в.*²: «На молодежь Нечаев производил чрезвычайное впечатление, прямо гипнотизируя ее, а благодаря своему чрезвычайному властолюбию он желал за-

¹ Могильнер М. Мифология подпольного человека: Радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 24.

² Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. С. 670–671.

хватить в руки все движение, и так как настоящих идейных данных у него для этого не было, то он попробовал сделать это внешними средствами, пустив в ход мистификации и целый ряд самых бессовестных обманов, которые в значительной степени ему удавались. Так, чтобы создать себе большой ореол, он распустил слух, что был арестован и бежал самым романтическим образом из крепости. Но на самом деле ничего подобного не было, он просто уехал из Петербурга за границу. Здесь, сблизившись с Бакуниным и Огаревым, он требовал от них, чтобы они его афишировали, и ... они оба попали под его влияние.

В основу системы, которую развивал Нечаев, был положен принцип крайнего политического иезуитизма. Нечаев считал, что революционер имеет право для своих целей наплевать на все нравственные принципы, имеет право всех обманывать, убивать и обворовывать, что ему не заказаны никакие пути, лишь бы они вели к его цели; при этом он считал выгодным и желательным в интересах прочности своей "организации" обеспечить себе возможность во всякое время компрометировать близких, окружающих его лиц. С этой целью он считал возможным выкрадывать их письма, записки, компрометирующие их документы в особенности, чтобы держать в руках даже таких лиц, которые в нем разочаровались».

Мнения современников

Н. П. Огарев, поэт, революционно-демократический публицист, в стихотворении «Студент. Юному другу Нечаеву» (1868 г.):

«Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.
И, гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,
Кликнуть клич по всем крестьянам —
От Востока до Заката:

"Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата –
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу".
Жизнь он кончил в этом мире –
В снежных каторгах Сибири.
Но весь век нелицемерен –
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
"Отстоять всему народу
Свою землю и свободу"».

Ф. М. Достоевский, русский писатель, в стихотворении «Светлая личность» (1872 г.):

«Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.
И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие края
Из царева каземата
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.
Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить вконец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мщенью
Церкви, браки и семейство –
Мира старого злодейство!»

*А. И. Успенская, сестра Веры Засулич, жена подсудимого нечаевца Успенского*¹: «Среди отданной Нечаевым моему мужу на хранение литературы была небольшая книжечка, напечатанная шифром, и в нерасшифрованном виде она была забрана при аресте мужа. Нечаев сказал мужу, что она заключает в себе "Исповедь революционера". На суде эта книжечка, уже расшифрованная, была прочитана, и она произвела как на подсудимых, так и на публику удручающее впечатление... Эта программа ... служила и служит до сих пор главным (?) пунктом обвинений и нападок на Нечаева. Составилось убеждение, что эту программу написал сам Нечаев, он же распространял ее среди молодежи и неуклонно действовал по этому катехизису. Таким образом, получилась "нечаевщина", синоним всего мерзкого, безнравственного, отталкивающего. В действительности же в России Нечаев этой программы не распространял, никто из подсудимых ее не читал, даже мой муж, ближе всех стоявший к делу. Как человек, несомненно умный, знавший русскую молодежь, Нечаев понимал, что подобной программой он не привлечет, а скорее оттолкнет ее от себя».

Хождение в народ

Позиция историков

*Е. Г. Плимак, И. К. Пантин, отечественные ученые*²: «Стержнем всего народнического восприятия крестьянства являлись аксиологические и этические представления, подчинявшие себе все другие аспекты, аксиологического сознания. Вера в народ исходила, другими словами, не столько из объективных качеств и нужд самого крестьянства (хотя практика и вынудила постепенно народников пойти к осознанию этих нужд), сколько из внутреннего нравственного стремления интеллигента-разночинца найти опору своей жизнедеятельности. «Народ» играл роль того "икса", при подстановке которого в "алгебраические формулы" народнического миропонимания все оно обретало внешнюю стройность и законченность. Именно в понятии "народ" сконцентрировалось все, что искала народническая интеллигенция: потребность в нравственном очищении, в растворении лично-

¹ Успенская А. И. Воспоминания // Былое. 1922. № 18. С. 37. Речь идет о предсловии «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева.

² Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 212–213.

го в надличном, в служении ближнему, с одной стороны, и глубокая вера в торжество социальной справедливости, начал "общинного" социализма – с другой. Такое личностно-психологическое настроение и поклонение было, естественно, обращено не к реальному, историческому, а к воображаемому народу, который к тому же обожествлялся... Надо ли говорить, что сконструированный и обоготворенный народническим сознанием "народ" не откликнулся на обращенные к нему проповеди и призывы?.. Не оправдались надежды семидесятников и на общинный эгалитаризм деревни – они увидели, что "хотя идея общего передела земли очень широко распространена в народной массе, но живет она в ней приблизительно так, как у евреев вера в пришествие мессии... Мессия придет, но когда – никому знать не дано", – скорее всего, это будет царская акция, как в эпоху реформы 1861 года.

<...> Объективный же результат "хождения в народ" в 1874–1875 годах был таков: "хождение в народ" обернулось "хождением по тюрьмам"; нередко пропагандистов выдавали властям и сами крестьяне. В середине 70-х годов было арестовано (по разным данным) от 4 до 6 тысяч революционеров».

Мнения современников

В. Н. Фигнер, революционерка, член исполкома «Народной воли»¹:
«При таких предзнаменованиях мы принялись за дело. Для крестьян появление фельдшерицы, лекарки, как они выражались, было диковинкой. Мужики шли к попам для разъяснения, для всех ли я представлена или только для баб. После разъяснения меня осадили пациенты. Бедный народ стекался ко мне, как к чудотворной иконе, целыми десятками и сотнями; около фельдшерского домика стоял с утра до позднего вечера целый обоз; скоро моя слава перешла за пределы трех волостей, которыми я заведовала, а потом и за пределы уезда. Не стесняемая надзором доктора, которого все время в моем участке не было, и получая непосредственно из управы от председателя столько медикаментов, сколько мне было надобно, я, быть может, помогала потому, что давала лекарства в надлежащем количестве; какая-нибудь несчастная баба шла ко мне пешком за 60–70 верст, страдая кровотечением; возвращаясь, она рассказывала, что, как только я прикоснулась к ней, кровотечение остановилось; другие привозили воды и масла, прося меня "наговорить" на них, так как слышали, что

¹ Фигнер В. Н. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 1. С. 162–164.

я хорошо "заговариваю" болезни; ко мне приводили седых, как лунь, стариков. 15-20 лет тому назад потерявших зрение и чающих перед смертью увидеть при моей помощи свет. Народу было в диковинку внимание, подробный расспрос и разумное наставление, как употреблять лекарство. В первый месяц я приняла 800 человек больных, а в течение 10 месяцев – 5 тысяч человек, столько же, сколько земский врач в течение года в городе, при больнице, с помощью нескольких фельдшеров. Если я помогла одной десятой из этих 5 тысяч человек, то за мои прегрешения они вымолят мне прощение у самого жестокого Иеговы. Этот громадный труд, конечно, был бы мне не по силам, если бы сестра Евгения не разделяла его со мной.

Вскоре нам удалось открыть школу. Евгения заявила крестьянам, что она возьмется даром обучать детей, пусть только присылают их: все учебные пособия у нас есть, отцам не придется покупать ни азбук, ни бумаги, ни перьев. У нее сейчас же собралось 25 человек учеников и учениц. Надо заметить, что во всех трех волостях моего участка не было ни одной школы. Когда жители села Ключевки, бывшие крепостные Устинова, выразили ему желание устроить училище, тот отсоветовал им, как вещь несвоевременную и дорого стоящую. Некоторые из учеников были привезены к Евгении из других сел и деревень иногда верст за 20. Кроме учеников маленьких были и взрослые, некоторые мужики просили заниматься с ними арифметикой, необходимой для всевозможных мирских и волостных учетов. Скоро сестра приобрела лестное название: "наша золотая учительша".

Покончив занятия в аптеке и школе, которая помещалась в том же фельдшерском домике, мы брали работу, книгу и шли "на деревню" к кому-нибудь из крестьян. В том доме в этот вечер был праздник; хозяин бежал к шабрам и родственникам оповестить их, чтобы и они пришли послушать. Начиналось чтение; в 10-11 часов хозяева все еще просили почитать еще. То были Некрасов, некоторые вещи Лермонтова, Щедрина, иногда статья толстого журнала, рассказы Наумова, Левитова, Галицинского, некоторые вещи по истории и т. д. Книг, доступных для народа, было так мало, что опытный в этом деле Иванчин-Писарев на мой вопрос мог рекомендовать мне суворинские: "Земля и народы, ее населяющие", "Земля и животные, на ней обитающие", и только. Каждый раз приходилось говорить об условиях крестьянской жизни, о земле, об отношениях к помещику, к властям: входить в крестьянские нужды, выслушивать их сетования, надежды; сочувствовать их горю, разделять симпатии и антипатии.

Иногда просили оставить книгу, чтобы еще раз прочесть понравившееся место или даже заучить его; приглашали прийти на сход, чтобы обличить кляузы писаря, его взяточничество, мошенничество старшины, чтоб защитить мир. Евгению все прочили в сельские писаря, обязанности которого тогда совмещал в себе Чегодаев, ненавистный мужикам; просили приходить на волостной суд и вообще почаще заглядывать в волостное правление, чтобы не давать писарю возможности ругаться, сквернословить, гнать мужиков в шею. "Он вас стыдится", – говорили крестьяне. Когда было, наконец, пора идти домой, то, прежде чем выйти от хозяев, каждый раз мы должны были дать торжественное обещание сделать детей их такими же "письменными", как мы сами.

Такая жизнь, такое отношение к нам простых душ, чающих света, имели такую чарующую прелесть, что мне и теперь приятно вспомнить ее: каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы не лишние. Это сознание своей полезности и было той притягивающей силой, которая влекла нашу молодежь в деревню; только там можно было иметь чистую душу и спокойную совесть, и если нас оторвали от этой жизни, от этой деятельности, то в этом были виноваты не мы.

Как подобает "новым" людям, мы старались вести жизнь самую простую. Не роскошь – тень роскоши была изгнана из нашего домашнего обихода; мы не употребляли белого хлеба, по неделям не видали мяса; каждый лишний кусок становился нам поперек горла среди общей бедности и скудости. Из 25 рублей жалованья, которое я получала, мы проживали 10–12, включая и плату женщине, которая вела наше скромное хозяйство. Нечего и говорить, что мы совершенно изгнали крестьянские приношения деньгами и натурой, столь обычные в деревне. Когда какая-нибудь бедная баба приносила свой скромный подарок – пару яиц, то, чтоб не показаться гордой, я принимала их и совала ей в руку мелкую монету, и так как я говорила: "Годится на свечи", т. е. на ее религиозную потребность, то не было случая, чтоб плата отвергалась.

Совестно выговорить, что жизнь, которая казалась нам естественной и должна бы назваться нормальной, была диким, раздирающим диссонансом в деревне; она нарушала ту систему хищения и бесовестного эгоизма, которая, начинаясь миллионами у подножия трона, спускалась по нисходящим ступеням до грошей сельских обывателей.

Деревенские хищники были мелки, ничтожны, жалки, но и бюджет крестьянина охватывал рубли, десятки рублей; его платежи (подуш-

ные, поземельные, земские, мирские) равнялись в отдельности копейкам, но далеко превосходили платежные силы его. При таких условиях урвать много, конечно, не было возможности; зато то, что урывалось, составляло последнее достояние неимущих – трудно расставаться с трудовыми грошами. Борьба из-за этих грошей с посторонними аппетитами наполняла жизнь деревни. Наше появление угрожало этим аппетитам. Когда к постели больного призывали одновременно меня и священника, разве мог он не торговаться за потребу? Когда мы присутствовали на волостном суде, разве не считал писарь четвертаков, полтинников или взяток натурой, которых мы лишали его? К этому прибавлялись опасения, что в случае злоупотребления, насилия или вымогательства мы можем написать жалобу обиженному и через знакомство в городе (с председателем, следователями) довести дело до суда, до сведения архиерея и.т. п. И деревенские пауки принялись за свою паутину. То недоверие, которое царило между властью, с одной стороны, и народом, обществом, интеллигенцией – с другой, давало готовое оружие, с которым трудно было бы не победить».

*А. И. Иванчин-Писарев, революционер-народник, публицист*¹: «Кружки самообразования и практической деятельности, появившиеся в начале 70-х годов в Петербурге, Москве и других городах, мало-помалу привели к мысли, что жизнь крестьян и рабочих может быть изменена к лучшему только в том случае, если они сами возьмутся защищать свои интересы и вести непосредственную борьбу с врагами своего благополучия. Отсутствие такой борьбы в данный момент объяснялось непониманием народа коренных причин всякого рода лишений и неумением организовать для защиты своих интересов. В "кружках" казалось, что на обязанности молодежи лежит "идти в народ" с целью выяснять ему отрицательные стороны существующего порядка вещей и наметить перспективы иной жизни, на социалистических началах.

Я думаю, что не было времени, когда молодежь так усердно занималась бы своим самообразованием, как в этот период, подготавливаясь к разрешению предстоящей задачи. С жадностью поглощались общественные науки, изучались законы, читались книги, журналы, газеты, составлялись рефераты и пр.

Наряду с заботами об умственной подготовке к "пропаганде", очень многие изучали ремесла, исходя из предположения, что работа

¹ Иванчин-Писарев А. И. Хождение в народ. М.; Л., 1929. С. 11–12.

"в черной шкуре" будет гораздо продуктивнее открытых сношений интеллигенции с рабочим людом.

"Хождение в народ" началось в 1872 г. и достигло наибольшего развития к лету 1874 г., когда сотни лиц, одушевленные идеей служить народу, ринулись в деревни и города осуществлять свою программу.

Увлечение "пропагандой", помимо искренней готовности принести пользу, находило почву и в уверенности, что последователи пропагандистов будут расти в геометрической прогрессии.

В журнале "Вперед" высказывалась, между прочим, мысль, что каждый пропагандист может легко приобрести десять адептов и привить им охоту самостоятельно продолжать дело, а этот десяток в свою очередь породит уже сотню последователей и т. д.

Наиболее горячие головы полагали, что при такой быстроте распространения революционных идей радикальный переворот в жизни народа может наступить не позже, как через пять лет...

Действительность обманула ожидания. Но она не породила отказа от сближения с народом, а заставила лишь искать иных путей, чтобы организовать его для борьбы за лучшее существование».

*Н. А. Чарушин, народник*¹: «В это оживленное и бурное время Петербург был покрыт многочисленными кружками молодежи, объединяемыми одним общим лозунгом "в народ!", но вкладывавшими в этот лозунг разное содержание...

Готовясь к крестовому походу с разными целями и заданиями, молодежь почти единодушно сходилась в одном: в народ надо идти не в образе интеллигента, которого, как барина, народ слушать не будет и отнесется к нему недоверчиво и даже враждебно; необходимо, поэтому, всякому, направляющемуся туда, отрешиться от культурных привычек и культурного облика и предстать перед народом в образе простого человека, всего лучше знающего какое-нибудь ремесло, полезное и нужное для народа. В этих видах ... устраивались различные мастерские, где молодежь усердно изучала то или другое ремесло, смотря по личной склонности или степени целесообразности для намеченной цели того или другого из них.

В эту зиму молодой Петербург кипел в буквальном смысле слова и жил интенсивною жизнью, подогреваемый великими ожиданиями. Всех охватила нетерпеливая жажда отрешиться от старого мира и

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1926. С. 156–157.

раствориться в народной стихии, во имя ее освобождения. Люди безгранично верили в свою великую миссию, и оспаривать эту веру было бесполезно. Это был в своем роде чисто религиозный экстаз, где рассудку и трезвой мысли уже не было места. И это общее возбуждение непрерывно нарастало до весны 1874 г., когда почти из всех городов и весей начался настоящий, поистине крестовый поход в российскую деревню, где вскоре же суровая российская действительность предстала перед нашими крестоносцами во всей своей беспощадности и быстро понизила высокую температуру, приводя многих и многих из них в тюремные застенки и к разочарованию даже в самом народе! И но был естественный финал, как результат иллюзорных представлений о народных массах, совершенно не подготовленных к восприятию тех идей, с которыми шли к ним, а также и неопытности самих пропагандистов, в большинстве своем не знавших этого народа и не умевших подойти к нему».

*Л. Г. Дейч, народник, позднее один из лидеров меньшевизма*¹: «Как известно, в начале 70-х годов минувшего столетия ... в разных концах России одновременно, нередко без всякого предварительного сговора, юноши и девушки с необыкновенным энтузиазмом бросались группами, парами и в одиночку "в народ". Для этого они рвали со всем, что недавно им было дорого, становясь подчас безжалостными к наиболее близким людям и себе самим. Они отказывались от представлявшейся им выгодной или даже блестящей карьеры, от профессий, дипломов, имуществ и пр. <...> Время, когда народ из состояния нищеты, невежества и унижения перейдет, благодаря проповеди молодых энтузиастов, в царство свободы, довольства и просвещения представлялось многим из них столь близким, что они готовы были ожидать его наступления чуть ли не через несколько лет.

Недолго продолжался этот своеобразный крестовый поход. Уже в середине лета 1874 г. в разных местах России начались многочисленные обыски и аресты, вызванные отчасти неопытностью и неосторожностью юных пропагандистов, главным же образом – доносами нескольких предателей и ренегатов. Случалось также, что и сами крестьяне приводили к начальству связанным юношу, явившегося к ним с проповедью нового учения... Но, как и средневековых крестоносцев, молодежь не останавливали ее тяжкие потери, и уже осенью того

¹ Дейч Л. Г. Хождение в народ: Из воспоминаний. Пг., 1920. С. 3–4.

года немногие уцелевшие от погромов, вместе с присоединившимися к ним новыми последователями, опять стали собираться в кружки, в которых обсуждался вопрос, каким способом продолжать деятельность в народе, чтобы не попасться на первых же шагах».

*А. М. Скабичевский, народнический публицист и издатель*¹: «Народничество 70-х годов вовсе не было чем-то однородным и определенным. Оно заключало в себе разные толки, между которыми были такие, которые взаимно друг друга исключали. Так, например, что было общего между народниками по учению Юзова и Червинского, требовавшими, чтобы народу ничего не навязывали, и посему отрицавшими всякую политическую деятельность, и народовольцами и чернопередельцами? Само хождение в народ имело разные цели: одни шли в города и веси, не задаваясь ничем более, как мирной проповедью социализма, подобно тому, как христиане первых веков распространяли всюду свое учение. Другие старались сеять в народе революционные идеи с целью приготовления его к восстанию. Третьи не ограничивались одною словесною пропагандою, а занимались устройством среди народа земледельческих интеллигентных колоний. Колонии эти заводились опять-таки с разными целями. Одни имели при этом целью на собственном примере показать народу образцы земледельческих ассоциаций. Другие же ограничивались лишь скромными целями осуществления своих личных индивидуально-нравственных идеалов святой жизни, основанной на почве оздоравливающего душу и тело земледельческого труда и братской взаимопомощи.

Следует при всем этом обратить внимание на те двоякого рода требования, с одной стороны духовные, с другой – физические, какие входили в течение 70-х годов в состав представлений идеального революционера. Так, с одной стороны, П. Л. Лавров, сам будучи своего рода ходячей энциклопедией по богатству знаний, внушал молодежи, что истинный революционер не должен ограничиваться случайно нахватаемыми идейками из популярных брошюр, а стараться запастись основательными сведениями по всем отраслям знаний. А. Н. Энгельгард убеждал, что если революционер хочет, чтобы народ питал к нему доверие и слушал его, он должен заслужить его уважение, а уважения он не заслужит, если будет выступать перед мужиком слабосильным баринком, а не таким же сильным и знающим мужицкое дело, как любой крестьянин».

¹ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.; Л., 1928. С. 309.

Идеология и практика индивидуального террора в деятельности народнических организаций

Позиция историков

*А. С. Ахиезер, современный социальный философ и историк*¹: «Ответом на либеральные реформы было появление в стране террористов-революционеров, после ряда неудачных попыток убивших Александра II. Этот зловещий и трагический акт свидетельствовал о том, что вырос слой интеллигенции, который стал ударной силой активизирующегося манихейства, воинственного, антигосударственного традиционализма. Появились люди, склонные противопоставлять обществу, существующей государственности, социальному разнообразию кровавый погром во имя Правды всеобщей уравнительности, готовые срезать, истребить все, что выше некоторого среднего уровня. Террор был симптомом нравственного разложения определенной исторической формы революционного движения в стране. Попытка обратиться к террору была реакцией на отказ народа, крестьянства признать революционную интеллигенцию как "свою". Отсюда стремление этой группы – осознанное или неосознанное – вызвать массовое всеобщее замешательство, убив тотем. Расчет был на то, что в результате всеобщего замешательства, необходимости обращения к новому тотему интеллигенция смогла бы занять место, заменить царя-тотем».

*А. А. Корнилов, русский историк конца XIX – начала XX в.*²: «[В России 1870-х гг. сложилась следующая ситуация]. С одной стороны, революционеры, убежденные в своем ослеплении, что удачное покушение на жизнь царя послужит сигналом для народной революции, которая коренным образом изменит все условия политической и социальной жизни в России, причем выбить их из этого ослепления было совершенно невозможно никакими доводами рассудка, а с другой стороны, размерявшееся правительство, не сумевшее найти для себя какой-либо точки опоры в населении, с нуждами и правами которого оно не привыкло считаться, судорожно принимавшее различные репрессивные меры, которые только обостряли борьбу не на жизнь, а на смерть».

¹ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 279.

² Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 2004. С. 711.

Л. Г. Косулина, Л. М. Лященко¹: «Народовольцев часто упрекают за то, что они сорвали принятие Зимним дворцом конституции [М. Т.] Лорис-Меликова, забывая при этом, что именно их борьба заставила Александра II одобрить этот проект. Кроме того, келейное обсуждение лорис-меликовского проекта приводило к тому, что общество не знало о нем ничего достоверного. Почему же народовольцы должны были верить очередным слухам о готовящихся преобразованиях?»

Неправомерны сегодняшние упреки в адрес революционеров по поводу их террористических методов борьбы. Прежде всего, террор народников прошел ряд стадий. Террор являлся способом агитации, когда В. Засулич стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова за то, что он приказал высечь арестованного, но еще даже не осужденного человека, это был протест против отсутствия гражданских прав в империи. Террор был мстью за погибших, замученных товарищей, защитой человеческого достоинства арестованных и осужденных. Лишь в конце 1870-х гг. революционеры провозгласили террор методом переустройства общества. К этому их подвела не столько народническая теория, сколько политика правительства упорно отказывавшегося от предоставления населению элементарных политических свобод. Абсурдно обвинение народовольцев в попытке узурпировать власть после удачного переворота. Организация боролась лишь за то, чтобы ее выслушали, дали свободно излагать свои взгляды. Вопрос же о власти, согласно народовольческой программе, должен был решаться на демократически избранном Учредительном собрании (Земском соборе). События 1 марта 1881 г. стали неизбежны тогда, когда был разрушен политический центр, нарушено хрупкое нарождающееся равновесие общественных сил. 1 марта оказалось обусловленным 20-летней историей взаимоотношений Зимнего дворца, бюрократии, общества и народных масс. Социально-политическая ориентация верховной власти, взаимоотношения чиновничества и остального населения империи не допускали иной развязки».

Авторы учебного пособия *«Политическая история России»*²: «"Народная воля" должна была выполнить роль детонатора взрыва, обязанного всколыхнуть крестьянскую массу, разрушить ее вековую инертность. Индивидуальный террор против "наиболее вредных"

¹ Косулина Л. Г., Лященко Л. М. История России. М., 1994. Ч. 2. С. 93–94.

² Политическая история России. С. 254.

правительственных чиновников, местной администрации, самого царя должен был подорвать "обаяние" противника, представлять непрерывные доказательства возможности борьбы против него, поднимать революционный дух народа, внушать веру в успех дела, формировать готовые к бою силы».

*В. А. Твардовская, современный историк*¹: «... было бы "серьезным просчетом" не принимать во внимание воздействие на революционеров политики самодержавия. Речь идет не только о репрессиях. Власть, если так можно выразиться, по-своему моделирует своих революционных противников. В облике российских революционеров различимы черты самодержавной власти: они столь же жестоки и непримиримы, не сомневаются в своем праве решать за народ его судьбу».

*В. А. Исаков, современный историк*²: «Объяснение того факта, что в течение длительного периода радикальные революционеры-социалисты неизбежно подходили к варианту диктаторской власти, кроется в условиях российской действительности: невозможности легальной оппозиции и, как следствие, необходимости действовать через заговор. Это выдвигало на первый план проблему централизованного революционного руководства, что накладывало отпечаток и на будущую власть. Инертность народных масс усиливала эту тенденцию, а характер самой самодержавной власти подсказывал, что в России реальна в тот период была лишь централизованная власть, строящая свои действия на насилии. Значение имело и то, что разрабатывали эти положения люди идейно убежденные и поглощенные единственной страстью – борьбой, в ходе которой происходила нравственная деформация, первым признаком чего было обесценение человеческой жизни».

*Н. А. Хренов, современный культуролог*³: «... революционер-интеллигент демонстрирует героический авантюризм, о чем свидетельствуют такие его признаки, как жажда героических деяний, иррациональная приподнятость настроения, экзальтация, опьянение борь-

¹ Освободительное движение в России: современный взгляд или приверженность традициям: (Материалы круглого стола) // Отечеств. История. 1999. № 1. С. 11.

² Исаков А. А. С. Радикальные социалисты России (1860 – первая половина 1880-х гг.) о будущей власти // Вопр. истории. 2004. № 10. С. 104.

³ Хренов Н. А. Смена поколений в границах культуры модерна: надежды, иллюзии, реальность // Поколение в социокультурном контексте XX в. М., 2005. С. 24.

бой. Перечисленные качества оказываются необычайно притягательными для молодых революционеров, которые и демонстрируют их. На рубеже XIX – начала XX в. в среде революционной интеллигенции незаметно произошел значимый переворот, а именно – столь характерный для русской культуры идеал христианского святого и подвижника сменяется образом революционного студента со столь свойственным ему революционным максимализмом. Подобно старчеству в христианстве, воплощением духовного опыта и руководства отныне начала играть учащаяся молодежь, что привело к так называемой духовной педократии, или господству детей».

Мнения современников

*Н. А. Морозов, народоволец*¹: «Я всей душой стремился к борьбе с самодержавием и монархизмом вообще, и наилучшим для этого средством считал способ Вильгельма Телля и Шарлотты Корде. Я только хотел обобщить этот способ в своеобразную систему "неопартизанства", имеющего исключительною целью обеспечить всем свободу слова, печати и общественных партий. Всякое другое средство борьбы представлялось мне безнадежным среди окружающего нас произвола и насилия, и всякая другая цель нецелесообразной, так как уже в то время я пришел к убеждению в психической неподготовленности полуграмотных масс современного мне поколения к социалистическому строю, требующего от населения высшей психики, чем существующая теперь, и надеялся только на интеллигентскую, а не демократическую республику. <...>

Все попытки пропаганды у членов кружка "Земля и воля" скоро кончились их гибелью, а из спасшихся значительная часть убедилась в необходимости бороться с оружием в руках с деспотизмом, погубившим их товарищей за проповедь идей, которые они считали справедливыми. В результате произошло то, что несколько членов петербургской группы "Земли и воли" стали, как я тогда выражался, не опартизанами, то есть превратились в боевую группу, боровшуюся с оружием в руках за политическую свободу для всех».

*М. Ф. Фроленко, народоволец*²: «[В 70-х – начале 80-х гг.] ... правительственный террор отнимал всякую возможность какой-либо деятельности и угрожал каждую минуту высылкой, тюрьмой, иногда

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1962. Т. 2. С. 411.

² Цит. по: Волк С. С. «Народная воля». М.; Л., 1966. С. 57.

за здорово живешь. Чем погибать из-за пустяков и мелочей, лучше совершить что-либо покрупнее, что, быть может, очистит атмосферу, разгонит нависшие над всеми тучи».

*А. И. Михайлов, народоволец*¹: «Товарищи единодушно высказались за предпочтительность мирной идейной борьбы, но тщетно они напрягали свои умственные силы, чтобы найти при существующем строе какую-нибудь возможность легальной деятельности. Таких путей не оказалось... Тогда избран был революционный путь».

*К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода*²: «Сегодня пущена в ход мысль, которая приводит меня в ужас. Люди так развратились в мыслях, что иные считают возможным избавление осужденных преступников от смертной казни. Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Слух этот дошел до старика гр[афа] Строганова, который приехал ко мне сегодня в волнении. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет. Этого быть не может, чтобы Вы перед лицом всего народа русского в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского Государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих, ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. Если бы это могло случиться, верьте мне, Государь, это будет принято за грех великий, и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу среди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество, да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности».

*К. К. Арсеньев, либеральный публицист*³: «Полагают ли они (террористы. – Н. Р.), что развитие русской жизни совершается по особым, ей одной только свойственным законам, что преступления, бесплодные везде, у нас приведут к какому-нибудь положительному результату? Припомним, что эпоха политических убийств началась именно тогда, когда не удались попытки распространения революци-

¹ Процесс 20-и народовольцев в 1882 г. Ростов-н/Д, 1906. С. 68.

² Цит. по: Волк С. С. «Народная воля». М.; Л., 1966. С. 57.

³ Арсеньев К. К. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1880. № 3. С. 398–399.

онных стремлений в среде народа, другими словами – когда агитаторы в отсутствии горючих материалов для насильственного переворота. Каким же образом они могут думать, что условия, которых им не удалось создать годами пропаганды, возникнут сами собою от выстрела или взрыва? Лицом к лицу с ними стоит все тот же, обманувший их ожидания народ, которого не сдвинуть с места порохом или динамитом... Общий исторический закон, доказываемый каждой страницей прошедшего: ограниченность роли, принадлежащей лицу в последовательном ходе событий... Порядок вещей, созданный веками, имеет слишком много точек опоры, чтобы разом пасть вместе с одной из них, хотя бы и самой главной».

*С. Н. Булгаков, философ, легальный марксист*¹: «Интеллигенция стала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы... Героизм – вот то слово, которое выражает основную сущность интеллигентского мировоззрения и идеала... Россия должна быть спасена, спасителем ее может и должен явиться интеллигенция вообще и даже имярек в частности, и помимо его нет спасителя и нет спасения. Ничто так не утверждает психологии героизма, как внешние преследования, гонения, борьба с ее перипетиями, опасность и даже гибель... Превращение русского юноши или вчерашнего обывателя в тип героический ... есть несложный, большею частью кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии человекобожества и quasi-научной "программы" какой-либо партии и затем соответствующая перемена собственного самочувствия, после которой сами собой вырастают героические котурны. В дальнейшем развитии страдания, озлобление, вследствие жестокости властей, тяжелые жертвы, потери довершают выработку этого типа, которому тогда может быть свойственно что угодно, только уж не сомнения в своей миссии».

Толстый журнал - основной институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения Российской империи во второй половине XIX в.

1. Институты формирования общественного мнения в пореформенной России.

¹ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 38–39.

2. Феномен толстого журнала. Роль журнальной прессы в формировании интеллектуального пространства империи.

3. Ведущие журнальные издания второй половины XIX в.

4. Методы содержательного анализа материалов журнальной прессы.

Литература:

1. Есин Б. И. История русской журналистики XIX в. М., 2003.

2. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1: журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв.

3. История русской журналистики XVIII–XIX вв. / под ред. А. В. Западова. М., 1973.

4. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

5. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.

Оборудование:

Александр II [Видеозапись] / авт. и ведущий Л. М. Парфенов. Ч. 2: история (создания журнала «Современник».

Фотографии обложек популярных общественно-политических ежемесячников изучаемой эпохи.

Фотографии редакторов и издателей Н. А. Некрасова, М. М. Стасюлевича, К. М. Станюковича, М. Н. Каткова, В. А. Гольцева и др.

Ксерокопии статей толстых журналов.

Домашнее задание:

1. Написать рецензию на редакционную статью одного из ведущих общественно-политических журналов изучаемой эпохи или подготовить обзор раздела «Внутреннее обозрение» в контексте изучения мировоззренческого направления выбранного издания.

2. Самостоятельно подготовить раздел ридера, посвященный одному из идейных лидеров «толстых журналов» изучаемой эпохи.

Задание:

1. Заполни следующую таблицу:

Ведущие общественно-политические ежемесячники второй половины XIX – начала XX в.

Название журнала	Годы издания	Редактор-издатель, ведущие сотрудники	Мировоззренческое направление, ключевые темы	Тираж, целевая читательская аудитория

Институты формирования общественного мнения в пореформенной России

*Р. Пайнс, американский историк*¹: «Интеллигенции были нужны учреждения, которые свели бы вместе единомышленников, позволили бы им делиться мыслями и завязать дружеские отношения на основе общих убеждений. В XIX в. в России было пять таких учреждений.

Старейшим был салон. Богатые помещики жили открытым домом, особенно в своих просторных московских резиденциях, которые создавали идеальные условия для неформальных контактов между людьми, интересующимися общественными делами. Хотя посещавшая салоны знать была по большей части поглощена сплетнями, сватовством и картами, иные салоны привлекали людей более серьезных и даже приобретали некий идеологический оттенок. Например, разногласия, впоследствии расколовшие интеллигентов на западников и славянофилов, впервые прорезались в салонных беседах и лишь позднее нашли дорогу в печать.

Вторым был университет. <...> В ту эпоху, когда родительская власть строго охранялась законом и обычаем, университет представлял собою естественный рассадник оппозиционной деятельности. Именно здесь юноши со всех концов империи впервые оказывались в относительной свободе и дружной компании сверстников, в которой молодежь составляла абсолютное и главенствующее большинство. Здесь они слышали, как вслух высказывают их собственные потаенные огорчения и мечты. Пришедшие туда без сильных общественных убеждений вскоре втягивались в водоворот общественной деятельности, выступления против которой грозили остракизмом: как и теперь, университет был тогда одним из наиболее эффективных средств насаждения умственного конформизма. В начале 1860-х гг. русские университеты были охвачены волнениями, и с тех пор "студенческое движение" сделалось постоянным элементом русской жизни. Протесты, стачки, обструкции и даже акты насилия против нелюбимых преподавателей и администраторов влекли за собой массовые аресты, исключения и закрытие университетов. Последние полвека своего существования старый режим находится в состоянии перманентной войны со своим студенчеством.

На протяжении всего XIX в. весьма популярным центром интеллектуальной деятельности служил кружок. Он появился еще в эпоху сало-

¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 343–346.

нов, когда образовалось несколько кружков для изучения Шеллинга, Гегеля и французских социалистов, и сохранился в эру господства университетов, когда салон уже перестал играть значительную роль в умственной жизни страны. Кружок являлся неофициальным собранием людей с общими умственными интересами, периодически встречающихся для совместных занятий и дискуссий. Во времена суровых репрессий они неизбежно принимали тайный и крамольный характер.

Четвертым важнейшим учреждением русской интеллигенции, не уступавшим по своему значению университету, был толстый журнал... Каждый журнал проводил определенную философско-политическую линию и рассчитывал на определенный читательский круг. Полемические споры между журналами, по цензурным соображениям облеченные в эзоповские формулировки, стали в России суррогатом открытой политической дискуссии. <...>

И, наконец, были земства. Эти органы самоуправления появились в 1864 г., отчасти для того, чтобы заместить власть бывших крепостников, отчасти чтобы взять на себя функции, с которыми не справлялась провинциальная бюрократия... У земств были кое-какие права налогообложения и полномочия использовать полученные средства для найма технических работников и специалистов, известных под названием "третьего элемента" и состоящих из учителей, врачей, инженеров, статистиков. В 1900 г. их было около 47 тысяч. Политическую ориентацию этой группы можно определить как либерально-радикальную, или либерально-демократическую, то есть социалистическую, но антиреволюционную и антиэлитарную. <...>

Общим для этих пяти учреждений было то, что они представляли обществу средства для борьбы с вездесущей бюрократией; по этой причине они делались основным объектом репрессий. В последние годы XIX в., когда монархия перешла в решительное контрнаступление против общества, на университеты, журналы и земства обрушились особенно чувствительные удары».

Феномен толстого журнала. Роль журнальной прессы в формировании интеллектуального пространства империи

Информация автора учебно-методического комплекса. Консолидирующая роль общественно-политических ежемесячников второй половины XIX – начала XX в. в процессе формирования, структурирования и трансляции общественного мнения неоднократно отмеча-

лась как их современниками, так и исследователями. Яркая оценка толстого журнала как инструмента формирования политических партий принадлежит одному из его первых исследователей – Л. Д. Троцкому, писавшему в 1923 г.: «Журналы наши были лабораториями, в которых вырабатывались идейные течения... Журнал в своем многообразии и своем единстве был наиболее приспособленным орудием для идейного сцепления интеллигенции»¹. Участие толстого журнала в структурировании общественного мнения и формировании идеологических, эстетических пристрастий образованной публики рассматривали родоначальники советской школы истории журналистики В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов, один из первых советских историков общественного мнения Б. П. Козьмин².

Социально-мобилизующая и идентификационная функции пореформенных общественно-политических журналов вновь стали предметом активного исследовательского интереса с начала 1990-х гг. В переведенной на русский язык известной работе американского историка Р. Пайпса «Россия при старом режиме» толстый журнал номинировался как основной институт репрезентации общественного мнения наряду с салоном, кружком, университетской аудиторией и др. Пайпсу принадлежит полубившаяся постсоветским историкам цитата, иллюстрирующая значение общественно-политических ежемесячников в процессе формирования имперского интеллектуального пространства: «Толстый журнал сыграл совершенно исключительную роль в развитии русского общественного мнения. Он разносил по всей огромной империи знания и идеи, которые в противном случае остались бы достоянием лишь двух столиц, и таким образом создавал объединяющие связи между людьми, живущими вдали друг от друга в провинциальных городках и деревенских поместьях. Именно на этой основе в начале XX в. в России с такой быстротой появились политические партии»³.

Специалист по социологии чтения А. И. Рейтблат детально исследовал причины «журнализации» русской литературы XIX в. Он выде-

¹ Троцкий Л. Д. Судьба толстого журнала // Литература и революция. М., 1923. С. 297–298.

² См.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930; Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40–50-х гг. Л., 1934; Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1948; Он же. «Русское богатство» (1880–1881 гг.) // Из истории революционной мысли в России. М., 1961.

³ Пайпс Р. Россия при старом режиме. С. 345–346.

лил следующие факторы, обусловившие популярность общественно-политических журналов в первые пореформенные десятилетия:

1) постепенное повышение уровня образования россиян, заимствование у столичного дворянства культурных, в том числе и поведенческих образцов провинциальными помещиками, чиновниками, разночинцами, в результате чего чтение становилось необходимым элементом образа жизни более широких слоев населения;

2) журналы являлись инструментом солидаризации сторонников того или иного идеологического направления, способствуя в условиях политической неразвитости формированию общественного мнения по актуальным вопросам окружающей действительности и мировоззренческой самоидентификации современников;

3) в условиях дифференциации культуры появилась потребность в посреднике между интеллектуальной элитой, ориентированной на просвещение населения, и читателями-неофитами, стремящимися получить оперативную трактовку всех научных, литературных и политических событий, – потребность, которую мог удовлетворить толстый журнал, осуществлявший связь между столицей и провинцией;

4) в связи со сравнительной дороговизной книг читателям проще было выбрать журнал и в дальнейшем обращаться только к нему, доверив редакции отбирать произведения для чтения;

5) тенденция к усилению злободневности, социальной ориентированности литературы сформировала читательскую потребность не просто в хороших, но и в новых, актуальных произведениях;

6) журнал отбирал, систематизировал из всего богатства и многообразия культуры наиболее важные тексты и в популярной, доступной форме транслировал их читателям, по сути, создавая новый текст, определяемый конструкцией и образом издания, определявшимися главным образом мировоззренческой ориентацией журнала¹.

Соотнося идеи А. И. Рейтблата с теорией символической власти и социальных полей французского социолога П. Бурдьё², можно утверждать, что в пореформенной России частные ежемесячные общественно-политические журналы, возникшие на основе неформальных объединений единомышленников, не только обслуживали потребности определенных политических сообществ, но и, как правило, сами

¹ См.: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991. С. 33–36.

² См.: Бурдьё П. Начала. М., 1994; Он же. Социология политики. М., 1993; Он же. О телевидении и журналистике. М., 2002. С. 91–140.

формировали и эти сообщества и их потребности. Существенный интерес представляют работы современных исследователей Н. Д. Потаповой, Т. Дашковой¹, использующих материалы журнальной прессы для деконструкции образа мира, сконструированного конкретными изданиями, и выяснения используемых ими способов социального программирования читательской аудитории. Фиксируя роль программы журнала в структурировании и репрезентации образа издания, значение заголовков, публицистических клише в практике манипулирования массовым сознанием, они подтверждают наблюдения П. Бурдые о том, что журналы (как одно из средств массовой информации), конструируя для своих читателей свой образ мира, осуществляли свое символическое господство. Отбирая и интерпретируя явления реальности, журналы участвовали в символической борьбе за восприятие читателями социального мира, заставляя их определенным образом увидеть и определенным образом оценить действительность².

Итак, отправными для нас стали идеи вышеупомянутых исследователей о том, что журналы консолидировали вокруг себя сторонников того или иного политического направления, способствуя политической идентификации современников; они являлись одним из основных каналов культурной коммуникации, формируя имперское интеллектуальное пространство.

Журнальный текст отражал коллективные представления еще и потому, что являлся результатом сотворчества, «интеллектуальной складчины» целой группы людей: автора, редактора, издателя, цензора и читателя³. Достаточно определенно эту мысль сформулировал один из идейных лидеров русской публицистики второй половины XIX в. Н. К. Михайловский, сам редактировавший один из популярнейших журналов народнического толка «Русское богатство»: «Журнал, а потом и газета определяли собою нередко и форму, и содержание произведений даже выдающихся талантов... Журналы и газеты клали или старались класть свои штемпеля на произведения ... писа-

¹ См.: Потапова Н. Д. Историческая периодика в ситуации языкового выбора // Исторические исследования в России – II: Семь лет спустя. М., 2003. С. 35–49; Дашкова Т. «Работницу» в массы: Политика социального моделирования в советских женских журналах 1930-х гг. // Новое литературное обозрение. 2001.

№ 50 (4). С. 184–192.

² См.: Бурдые П. Начала. С. 196–198.

³ См.: Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. С. 254.

телей, на журнальную или собственно редакторскую работу тратилась значительная часть сил выдающихся писателей»¹.

В числе обстоятельств, преобразующих авторский текст в журнальную публикацию коллективного «текста-источника», М. П. Мохначева называет: тип издания (научный, литературный, исторический и пр.); его программу (смысловой «организатор» и «координатор» текстовых интенций авторского текста); мировоззренческую ориентацию журнала; личность редактора-издателя, его «редакторские» стратегии, особенности его взаимоотношений с авторским коллективом; цензурную норму; особенности финансирования издания и его гонорарную политику².

Мысль о тенденциозности и идеологической детерминированности содержания ведущих общественно-политических журналов второй половины XIX – начала XX в. была аксиоматичной для подавляющего большинства историков общественного мнения и русской журналистики как дооктябрьского, так и советского, и постсоветского периодов. Много и подробно о влиянии направления журнала на отбор текстов для публикации рассуждали сами участники литературного процесса пореформенной эпохи. Воспоминания авторов толстых журналов пестрят упоминаниями о направлении, «проводимом» их изданием, фиксируя, таким образом, собственную политическую идентичность. «Много народу группировалось около "Русского богатства". Оно никогда не было партийным органом и всегда было органом направления», - вспоминал С. Я. Елпатьевский, активно сотрудничавший с журналом³. Строгое следование «своему направлению» рассматривалось как одно из необходимых условий популярности издания. Уже искушенный в тонкостях политической борьбы В. И. Ленин замечал в письме к Потресову 27 апреля 1899 г., критикуя ежемесячник «Начало», редактировавшийся П. Б. Струве: «Я не забываю, конечно, что при российских условиях нельзя требовать от журнала допущения одних *genossen* и исключения остальных, – но ведь такой журнал, как "Начало", все [же] не альманах, допускающий марксизм собственно из моды (а la "Мир божий", "Научное обозрение" и пр.), а орган направления. Поэтому для такого журнала обязательно бы налагать некоторую узду на ученых наездников и на всех "посторонних" вообще. Только тем и объясняется громадный успех "Нового слова"

¹ Цит. по: Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту. С. 36.

² Там же. С. 127–165.

³ Елпатьевский С. Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Л., 1929. С. 266.

(имеется в виду «марксистский» период журнала. – *Н. Р.*), что редакция вела его именно как орган направления, а не как альманах»¹.

Идейное направление журнала было одним из основных параметров характеристики его органами цензуры. В определенной степени типичен, с точки зрения иллюстрации цензорской риторики, отзыв цензора С. И. Коссовича об одном из ведущих толстых журналов: «"Вестник Европы" – журнал ежемесячный, один из старейших органов спокойного либерального направления. Традиции 60-х гг. выкристаллизовались на страницах этого спокойного органа, настаивающего на устоявшихся принципах»². Понимая зависимость таких оценок от личности цензора, уровня образования, политических пристрастий, особенностей его взаимоотношений с редакцией журнала и от массы других, порой случайных обстоятельств, замечу факт фиксации «направления» издания как одной из основных его системных, значимых с точки зрения власти характеристик.

Как уже было отмечено, «направленчество» толстых журналов способствовало политической идентификации, формированию группового самосознания, картины мира и системы ценностных ориентации современников, о чем свидетельствует многочисленная эпистолярная и мемуарная литература. Марксист Л. С. Федорченко, сосланный в Шенкурск Архангельской губ., так оценивал влияние марксистского «Нового слова» на своих единомышленников: «С появлением этого журнала, а также на придачу ему "Научного обозрения", все более и более делавшегося марксистским, мы буквально чувствовали себя на десятом небе. Каждая статья "Нового слова" подвергалась нами всестороннему обсуждению. В статьях Каменского-Плеханова затрагивались и ставились коренные философские вопросы: о роли личности в истории, об отношении свободы к необходимости... Производили впечатление статьи В. И. Ленина об экономическом романтизме, о Сисмонде и сисмондистах... То, что и чуждые марксизму журналы, вроде тогдашнего "Мира божьего" В. Острогорского, давали место статьям марксистов, вроде Крживицкого, Струве и др[угих], доказывало нам, что теория марксизма не только приобретает право гражданства в России, но и становится общественной силой, с которой должны считаться даже русские либералы, которые до тех пор были, как известно, в плену народнического эклектизма. Но это также

¹ Ленин В. И. Письма 1893–1904 гг. // Полн. собр. соч. М., 1964. Т. 46. С. 23.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 777. Оп. 4 (1893 г.). Д. 205. Л. 13.

говорило нам и о том, что Россия быстро бежит по капиталистическим рельсам, и что либеральной буржуазии выгоднее теперь щеголять в марксистском плаще»¹.

Итак, как свидетельствует рефлексия информированных современников, толстые журналы выражали групповые интересы «своего» политического направления, игнорируя или нивелируя индивидуальные варианты «иного» осмысления социально значимых вопросов. Журналы, декларировавшие отказ от «направленчества» и позиционировавшие себя как литературные органы «вне политики», в изучаемый нами период, как правило, имели недолгую биографию. В данном случае показательна судьба «Северного вестника», издававшегося первоначально как либерально-народнический журнал, затем перешедшего на позиции модернизма с весьма расплывчатой идейной программой. Журнал постепенно растерял своих подписчиков и, по меткому выражению его бывшего сотрудника И. П. Белоконского, «как и следовало ожидать, скончался естественной смертью: его перестали читать»².

Ведущие журнальные издания второй половины XIX в.

«Русский вестник»

Информация историков

Н. Н. Родигина, автор учебно-методического комплекса. Как и большинство авторитетных ежемесячных общественно-политических журналов второй половины XIX в., «Русский вестник» не обделен вниманием специалистов по истории общественного мнения и русской журналистики³.

В 1855 г. издателем университетской газеты «Московские ведомости», бывшим преподавателем логики старейшего российского университета М. Н. Катковым было подано прошение об издании журнала под названием «Русский вестник». Избранное Катковым название

¹ Федорченко Л. С. [Чаров Н.] В тюрьме и ссылке: Из воспоминаний 1895–1900 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 2 (51). С. 106–107.

² Белоконский И. П. В годы бесправия. М., 1930. С. 108.

³ См., например: Сементковский Р. И. М. Н. Катков: Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1892; Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888; Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889 и др.

уже было известно читающей публике, так как одноименные журналы издавались в 1808–1820 гг. и в 1824 г. в Москве С. Н. Глинкой, в 1841–1844 гг. в Санкт-Петербурге под руководством Н. И. Греча и Н. А. Полевого. Можно предположить, как и в случае с «Вестником Европы» М. М. Стасюлевича, что выбор названия позиционировал читающей публике идейную преемственность изданий, возможно, их ориентацию на конкретный сегмент читательской аудитории.

При содействии товарища министра народного просвещения П. А. Вяземского прошение М. Н. Каткова было удовлетворено, и с января 1856 г. журнал начал издаваться московскими либералами, в числе которых – Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, П. М. Леонтьев. Заметим, что за исключением библиотекаря Румянцевского музея в Москве Е. Ф. Корша, ближайшими сотрудниками Каткова стали его коллеги по университету профессора Кудрявцев и Леонтьев. Наряду с примером «Вестника Европы» это дает основания утверждать, что у истоков формирования идеологии двух ведущих течений общественной мысли пореформенной России – либерализма и консерватизма – стояла столичная профессура, сделавшая рупором трансляции своих идей толстые журналы. Таким образом, продолжалась сложившаяся во второй четверти XIX в. традиция, соединившая русскую университетскую науку с журналистским творчеством¹. В объявлении о сотрудниках будущего «Русского вестника» мы встречаем имена известных общественных деятелей и публицистов, впоследствии активно публиковавшихся в либеральном «Вестнике Европы»: А. Д. Галахова, С. М. Соловьева, А. Н. Пыпина и др.

Исследователи по-разному идентифицируют мировоззренческую платформу «Русского вестника» на начальном этапе его существования. Большинство специалистов по истории общественного мнения и русской журналистики XIX в. едины в том, что издание эволюционировало от умеренного либерализма к охранительству, консерватизму². В качестве причин трансформации идейного направления журнала называются: разочарование в первых результатах либеральных реформ; польское восстание 1863 г., поставившее под угрозу одну из

¹ См. Бак Д. П. «Теория искусства» и «самое искусство»; Московская журналистика 1830-х гг. и университетская наука // Москва и московский текст русской культуры. М., 1998. С. 26–62.

² См., например: Русский консерватизм XIX столетия. С. 223; Маслов В. С. «Русский вестник» и «Московские ведомости» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 217–232.

основных ценностей, декларируемых редакцией издания – целостность империи; студенческие волнения 1861–1862 гг., которые не могли не волновать университетских преподавателей; рост популярности радикальных, «нигилистических» идей среди молодежи.

В. А. Твардовская определяет политическую программу «Русского вестника» как попытку соединить «охранительную» идеологию с элементами либерализма, доказывает консервативный характер самих основ мировоззрения редактора-издателя и идейного лидера «Русского вестника» Каткова при всех его либеральных тенденциях¹.

Продуктивный подход к пониманию политического кредо издания представляет концепция либерально-консервативного синтеза, согласно которой политическая публицистика М. Н. Каткова воплощала модель либерально-консервативной политики. Ее суть заключалась в либерально-консервативном синтезе между самодержавной традицией русской государственности и необходимостью политической, экономической и социальной модернизации империи. Контролируемая правительством модернизация, активизированная посредством реформ, была мобилизована для того, чтобы избежать революционных потрясений и сохранить основы политического строя. Таким образом, речь шла о совмещении на идеологическом уровне либеральной тактики и консервативной стратегии в правительственной политической практике².

В первые годы своего существования (1856–1860) журнал выходил дважды в месяц, всего за год 24 книжки. С 1861 г. журнал стал ежемесячным изданием. По данным биографа Каткова Н. А. Любимова, которые В. А. Твардовская не без оснований считает явно завышенными³, в начале 1860-х гг. тираж «Русского вестника» равнялся 5700 экз.⁴ К началу 1890-х гг. тираж снизился до 1029 экз., что свидетельствует о падении популярности издания после смерти его издателя и идейного лидера М. Н. Каткова в 1887 г. Впрочем, интерес к журналу начинает падать еще в начале 1880-х гг., когда Катков передоверил работу в нем профессору Московского университета Н. А. Любимову, запустившему редакционную деятельность в связи с активным участием в разработке университетской реформы⁵.

¹ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 18–19.

² Политическая история России. С. 194.

³ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. С. 20.

⁴ Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. С. 128.

⁵ Русский консерватизм XIX столетия. С. 284.

В конце 1850-х – 1870-х гг. стоимость издания в столицах составляла 8 р., в провинции «с пересылкой и доставкой на дом» – 9 р. В начале 1880-х гг. в Москве журнал можно было приобрести за 15,5, а в провинции его годовая подписка равнялась 17 р.

Размышляя о проектировании редакцией издания образа читательской аудитории, можно сослаться на объявление о подписке на журнал в 1880 г., гласившее, что «служащим может быть делается рассрочка, за ручательством казначеев или начальства»¹. Напрашивается вывод о том, что наряду с обитателями «дворянских гнезд», редакция адресовала свою «интеллектуальную складчину», свой коллективный текст государственным служащим, чиновникам, пытаясь формировать их мировоззрение и влиять на социальное поведение.

Обозначая характер издания, его редакция презентовала его как журнал «учено-литературный и политический», заверяя потенциальных читателей в том, что «Русский вестник» «будет в нашей литературе деятелем усердным и честным, с твердыми и чистыми убеждениями, с полною верою в важность своего назначения как общественного органа мысли и слова»². Это не случайно: художественные произведения и критические статьи в контексте изучаемой эпохи рассматривались и как инструмент формирования общественного мнения, и как способ участия в политической жизни. Р. И. Сементковский писал по этому поводу, рассуждая о журналистике 1850–1860-х гг.: «Политическая печать еще безмолвствовала, но дух нового времени находил себе уже яркое выражение отчасти в беллетристических трудах наших корифеев, отчасти в критике их произведений»³.

Литературоведы и историки журналистики наглядно показали роль издания в литературном процессе второй половины XIX в. На страницах журнала впервые увидели свет произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы: «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» И. С. Тургенева, начало «Войны и мира», «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского и др.

Примечательно, что по программе журнала в литературном отделе, в первую очередь, предполагалась публикация «статей по всем отраслям знания, искусства, промышленности, путешествий», а уже затем – произведений изящной словесности, к которым относились

¹ Объявление о подписке на журнал на 1880 г. // Рус. вестник. 1880. № 1. С. 1.

² Цит. по: Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. С. 66–67.

³ Сементковский Р. И. М. Н. Катков. С. 26.

романы, повести, пьесы и стихотворения, а также критические статьи и библиографические заметки¹.

Сплошной просмотр годовых комплектов журнала позволяет мне, вслед за М. П. Мохначевой, охарактеризовать информационно-интеллектуальное поле журнала как историко-географическое политическое и библиографическое².

*Г. П. Измestьева. современный историк*³: «"Русский вестник" одним из первых выдвинул широкую программу преобразований, выступая за отмену крепостного права, развитие местного самоуправления, реформу суда, за расширение прав печати и отмену предварительной цензуры. Редактор использовал для этого личные связи и переписку с влиятельными лицами...

Журнал вскрывал пороки административной системы, ставил острые нравственно-эстетические и морально-этические вопросы; при этом предмет разговора редактор освещал знанием, неторопливой аргументацией, подчас юмором, но избегал ослеплять читателей фейерверком пышного критиканского словоизвержения.

Журнал демонстрировал умеренно-либеральные позиции. Редактор не был ни консерватором, ни либералом в узком смысле слова. Взгляд на реформы объяснен в февральской книжке "Русского Вестника" за 1862 г. в статье "К какой принадлежим мы партии?". Катков заявил, что он не собирается объявлять себя ни формальным консерватором, ни формальным прогрессистом, а желает быть тем и другим вместе, поскольку усовершенствование общества может быть успешным только при сохранении "зиждительных" элементов прошлого.

Вмешавшись в спор славянофилов и западников, редактор провозгласил, что в "настоящем своем положении" страна совершенно здорова и не нуждается в славянофильских или западнических глобальных переустройствах, чтобы идти по собственному коренному национально-особенному пути Православия, Самодержавия, Народности. Он считал, что Россия не противостоит европейскому миру и связана с ним европейской культурой, а начатые Александром II перемены придадут ей новые силы, приведут к усвоению самых высоких достижений европейской цивилизации. Успех зависит от того,

¹ РГИА.Ф. 777. Оп. 4 (1887 г.). Д. 111. Л. 136.

² Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. С. 258.

³ Измestьева Г. П. Михаил Никифорович Катков. С. 76–77.

насколько сохранятся при этом русские нравственные и государственные начала.

Реформы, сопряженные с отрицанием прежнего порядка вещей, принесли многим людям ощущение неуверенности в завтрашнем дне. Эпоха перемен воспринималось как "время сдвинутых устоев", когда "земля исчезает под ногами". Поступки и идеи, неприменимые в нормальном положении, стали казаться естественными. Это были годы социальной нестабильности, принесшие резкий рост преступности и числа самоубийств, в том числе в молодежной среде. В таких условиях, уверял Катков, монархические настроения способны сплотить людей различных сословий и вероисповеданий, объединить их в едином национальном порыве, в терпении и доверии к монарху, ведущему Россию по пути обновления.

Ввиду сказанного несоответствующим реальности следует признать утверждение Р. И. Сементковского, написавшего в конце XIX в., что взгляды Каткова можно определить как излишний либерализм в начале жизни и неумеренный консерватизм – в конце. Более объективно позицию Каткова в отношении к реформам отражают современные исследования: в его "охранительстве" отмечается стремление к реформированию в рамках государственной целесообразности, к изменениям созидательным, а не разрушающим, при сохранении истинных начал народной жизни. В содержании либерализма и консерватизма пореформенного времени XIX в. отмечено наличие позиций, сближающих оба направления. В современный научный оборот введено понятие "либеральный консерватизм", более всего соответствующее взглядам редактора "Русского вестника", а с 1863 г. еще и "Московских ведомостей"».

«Вестник Европы»

Информация автора учебно-методического комплекса. Истории журнала «Вестник Европы», личности его редактора-издателя, характеристике авторского коллектива посвящено солидное число специальных исследований¹.

¹ См., например: Арсеньев К. Пятидесятилетие «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1915. № 12. С. 1–14; Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70–80-х гг. XIX в.: Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; Кельнер В. Е. Человек своего времени: М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993; Лапшина Г. С. Русская пореформенная печать 70–80-х гг. XIX в. М., 1987 и др.

В 1865 г. в Главное управление по делам печати было подано заявление члена Ученого комитета при Министерстве народного просвещения М. М. Стасюлевича и члена Археологического общества Н. И. Костомарова с просьбой о разрешении издания «ученого» журнала «Вестник Европы». Учредители выбор заглавия соотносили со столетним юбилеем Н. М. Карамзина, издававшего в начале XIX в. журнал с таким же названием¹.

22 ноября 1865 г. было дано разрешение на издание журнала историко-политических наук с периодичностью четыре выпуска в год и стоимостью годовой подписки 8 р.², что соответствовало средней подписной цене на ежемесячные издания. Первоначальная структура издания включала в себя пять разделов и подразумевала освещение следующих вопросов: критические исследования важнейших проблем исторической науки и жизни; анализ лучших новейших исторических произведений, обзор научной литературы по истории и деятельности ученых исторических обществ и академий; анонс педагогической литературы и анализ методики преподавания истории, историческая хроника³. Издание мыслилось его создателями преимущественно как специализированный исторический журнал, освещающий, в частности, события новейшей политической истории. Таким образом, очевидны два типа дискурсов, репрезентируемых печатной трибуной русских либералов: исследовательский и публицистический, которые в определенной степени задавали жанры описания «сибирских» вопросов.

Специализация журнала во многом детерминировалась профессиональным составом его редакционного коллектива, костяк которого представляли известные профессора Петербургского университета К. Д. Кавелин, М. М. Стасюлевич, В. Д. Спасович, А. Н. Пыпин, Б. И. Утин, демонстративно ушедшие в отставку в 1861 г. в знак протеста против политики правительства в отношении студенчества. М. М. Стасюлевич стал главным редактором и издателем и оставался в этом качестве 42 года – по 1908 г.

Воспоминания Н. М. Ядринцева свидетельствуют об атмосфере эпохи, предшествующей созданию журнала, и степени авторитета университетских профессоров для представителей студенческого землячества сибиряков: «К университету подъезжали блестящие экипажи аристократов, жаждавших послушать знаменитого профессора. Ари-

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 86. Л. 1.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Ф. 777. Оп. 2 (1865 г.). Д. 102. Л. 2.

стократическая дама и гусар не гнушались аудитории. Неподдельный энтузиазм юношей выражался на лекциях. Я помню лекцию Н. И. Костомарова и других любимых профессоров, почти публичные. Университетский зал потряслся от восторга слушателей, юношей охватывал трепет. Они испытывали то, что испытывали люди под первым обаянием ораторов, мыслителей, проповедников истины и науки... Литература была также любимицей публики. Журналы и журнальные статьи играли огромную роль и расхватывались по выходе... Быть литератором было завидно, ни одно пятно еще не обесславilo литературную тогу... это было торжество и время поклонения интеллигенции»¹. У сибирской читающей публики редакция журнала ассоциировалась с носителями лучших университетских традиций².

Немаловажен тот факт, что люди, определявшие мировоззренческое направление журнала, были связаны взаимными симпатиями с идейными лидерами сибирской интеллигенции. Так, А. Н. Пыпин переписывался с Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным. М. М. Стасюлевичу писали Н. М. и А. Ф. Ядринцевы³. Областники пересылали в редакцию книги о Сибири, рекомендовали для публикации статьи сибирских корреспондентов. «Многоуважаемый Николай Александрович!.. Вышла "Сибирская библиография" [В. И.] Межова, и я написал ему, чтобы послал Вам экземпляр», – сообщал Ядринцев Пыпину в письме от 25 марта 1891 г.⁴ Типичным можно считать такое обращение Г. Н. Потанина вышеупомянутому адресату: «Прошу Вас взглянуть на статью г[осподина] Головачева, которую он намерен передать в "Вестник Европы", и решить, годится ли она для журнала. Без посторонней оценки он не решается нести в редакцию»⁵.

Вернусь к структуре и периодичности издания. С 1868 г. тематика журнала расширилась, и он стал ежемесячным. Первую часть каждого номера занимали беллетристика, статьи и очерки научного характера. Вторая часть под названием «Хроника» включала традиционные обозрения внутренней и иностранной жизни, литературную критику,

¹ Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания: Очерки первого сибирского землячества в Петербурге. Красноярск, 1919. С. 10.

² Институт русского языка и литературы, архив (ИРЛИ). Ф. 293 (М. М. Стасюлевич). Оп. 1. Д. 1696. Л. 51.

³ См., например: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 621 (А. Н. Пыпин). Д. 621, 687, 1027; ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 1631, 1632.

⁴ ОР РНБ. Ф. 621. Д. 1027. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 687. Л. 16.

библиографию и разного рода известия. В публицистической части журнала наиболее важным, насыщенным современными сведениями являлось «Внутреннее обозрение».

Мировоззренческое кредо издания и его позиционирование в общественно-политической жизни страны было достаточно определенно сформулировано его редактором-издателем в одном из писем, написанных еще до создания журнала в 1862 г. Он так определял место своих единомышленников в общественном движении: «Снизу считают нас ретроgrадами и почти что подлецами, а сверху смотрят чуть ни как на поджигателей. Теперь люди благоразумные, попавшись между двумя фанатизмами, без сомнения, отойдут совершенно в сторону и составят, так сказать, партию воздержания»¹. Расценивая демократическое движение (в том числе и представляющий его в русской периодической печати «Современник», редактируемый Н. А. Некрасовым) как слишком радикальное и революционное, а также отвергая ярый консерватизм и национализм катковских изданий пореформенного периода, Стасюлевич рассматривал свой журнал как общественную трибуну сторонников «третьего пути» – русского либерализма. Ему удалось привлечь к сотрудничеству в «Вестнике Европы» весь цвет либеральной публицистики того времени: Н. И. Костомарова, который до 1885 г. участвовал в редактировании журнала, С. М. Соловьева, А. Д. Галахова, Д. Л. Мордовцева, К. К. Арсеньева, Н. А. Котляревского, А. Н. Веселовского, Ф. Ф. Воропонова, А. Ф. Кони и др.

О степени популярности журнала свидетельствует его довольно большой тираж, доходивший в 1890-е гг. до 7000 экз.² Состав читательской аудитории журнала удачно отразил его цензор в ежегодном отчете в Главное управление по делам печати за 1878 г.: «"Вестник Европы", имеющий многочисленных читателей преимущественно среди высшего и образованного класса общества, является одним из влиятельных органов нашей периодической печати. Большинство серьезных статей "Вестника Европы" пишутся людьми талантливыми и специально изучавшими предмет, почему мнения, выражаемые ими, не могут проходить бесследно для общества. Как в этих серьезных статьях, так равно и в беллетристике и в прочих делах издания, взгляды редакции проводятся весьма осторожно. Тем не менее, взгляды эти совершенно ясны для постоянных читателей. "Вестник Европы" при всяком удобном случае стремится выставить неудовле-

¹ Цит. по: Кельнер В. Е. Человек своего времени. С. 19.

² Там же. С. 199.

творительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления»¹.

Замечу, что отношение цензуры к журналу зависело от многих обстоятельств: от общего направления правительственного курса в отношении печати, личности цензоров, их идеологических пристрастий и особенностей личных отношений со Стасюлевичем. Однако общим местом в отчетах чиновников является констатация западнической ориентации и умеренной оппозиционности журнала в отношении внутриполитических мероприятий правительства. Например, в отчете министра внутренних дел о предостережении журналу (1889 г.) читаем: «Общее направление журнала "Вестник Европы" определилось в течение последних восьми лет с достаточной ясностью: оно проникнуто систематическим, непримиримым недоброжелательством ко всем мероприятиям правительства, имеющим целью упрочение коренных основ нашего государственного устройства, водворение законного порядка в стране и отрезвление умов от ложных и вредных учений... Преклоняясь безусловно пред чуждыми нам западноевропейскими теориями и считая своим идеалом полное применение их на русской почве, "Вестник Европы" как бы вовсе утратил национальное чувство и понимание исторических задач России»².

«Северный вестник»

Информация автора учебно-методического комплекса. «Северный вестник» был основан в 1885 г. как «литературно-научный и политический» журнал с предварительной цензурой. Его первой издательницей была Л. В. Сабашникова, редактором – А. М. Евреинова, первая русская женщина, имеющая степень доктора права³. В истории «Северного вестника» специалисты условно выделяют несколько периодов⁴. Первый – с 1885 по начало 1890 г. – период редакторства Евреиновой, когда редакционное ядро составляли народники во главе

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 46.

² Там же. Оп. 1. Д. 425. Л. 65 об.–36.

³ Есин Б. И. Н. К. Михайловский и журнал «Северный вестник» в 80-е гг. // Из истории русской журналистики. М., 1959. С. 231.

⁴ См., например: Крутикова Л. В. «Северный вестник» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1965. Т. 2. С. 394–412; Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник» // Учен. зап. // Иванов, пед. ин-т. 1970. Т. 59. С. 51–89; Он же. Журнал «Северный вестник» и литературное народничество // Страницы истории русской литературы. М., 1971. С. 234–244.

с Н. К. Михайловским, покинувшим журнал из-за разногласий с Евреиновой в 1888 г. В это время в журнале сотрудничали Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, К. М. Станюкович, С. Н. Южаков, Н. Е. Каронин (Петропавловский), В. В. Лесевич и др. Впоследствии, в начале 1890-х гг., эта блестящая литературная плеяда формировала образ «Русского богатства». Очевидны преемственность «Северного вестника» второй половины 1880-х и «Русского богатства» 1890-х гг. — начала XX в., единство их позиций по многим ключевым вопросам российской, в том числе и сибирской действительности. Как справедливо замечено историком журналистики П. В. Куприяновским, ссылающимся на многочисленные свидетельства информированных современников, в период своего соредакторства Н. К. Михайловский (1886–1888 гг.) от каждого публикуемого материала требовал проведения «твердых общих принципов», стремился превратить журнал в свой партийный орган¹. Можно предположить, что значительная, если не преобладающая, часть подписчиков разделяла либерально-народнические воззрения, о чем свидетельствуют письма в редакцию журнала в поддержку Михайловского во время его публичного конфликта с А. Л. Волынским (1891 г.), а также падение числа подписчиков журнала (с 4000 в 1888 г. до 2200 в 1890 г.) после ухода Михайловского и его ближайших соратников. Не останавливаясь подробно на сути мировоззренческих противоречий либерального народника, продолжателя идей «шестидесятников», позитивиста Н. К. Михайловского и аполитичного идеалиста А. Л. Волынского (Флексера), в связи с тем, что они получили уже достаточное освещение в работах по истории журналистики², еще раз отметим, что читатели в 1880-х и даже в начале 1890-х гг. идентифицировали журнал с либерально-народнической идеологией. Позволю себе сослаться на письмо студента А. Корецкого в редакцию «Северного вестника», адресованного, судя по всему, Б. Б. Глинскому, сменившему А. М. Евреинову в качестве редактора: «В Вашем журнале появилась статья господина Волынского, которая вызвала во мне, читателе, негодование за ее отношение к Михайловскому. Вы, надеюсь, согласитесь со мною, что господин Михайловский составляет красу нашей литературы и как писатель, и как безупречный деятель. Это общее убеждение интеллигентных людей, надеюсь, разделяется и Вами. В таком случае Вы должны признать, что помещение статей в журналах, которые чита-

¹ Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник». С. 58.

² См.: Куприяновский П. В. Журнал «Северный вестник»... С. 234–244.

ются теми же читателями, есть вопиющий non sens. Ведь Вы в качестве редактора имели полную возможность не допустить в своем журнале статей, идущих вразрез с чувствами читателей, помимо всяких других соображений... Итак, долой Волынского из редакции "Северного вестника" и да здравствует Михайловский!»¹.

Второй период в истории журнала начинается с мая 1890 г., когда журнал переходит в руки группы пайщиков, в числе которых – литературный критик А. Л. Волынский. Б. Б. Глинский (гимназический товарищ А. Л. Волынского, впоследствии редактор «Исторического вестника» и автор одного из первых биографических сочинений о Н. М. Ядринцеве; известный либеральный экономист, прославившийся своими статистико-экономическими исследованиями сельского населения Западной Сибири А. А. Кауфман; дочь Я. Г. Гуревича – издателя специализированного журнала «Русская школа» – Л. Я. Гуревич; юристы М. И. Свешников и М. А. Лозинский и др.

В начале 1890-х гг. в журнале продолжали сотрудничать С. Н. Кривенко (до октября 1891 г.), А. М. Скабичевский (до мая 1891 г.). М. А. Протопопов, ранее сотрудничавший с журналом, вероятно, имея в виду идейную разношерстность и отсутствие единства в понимании стратегии и тактики редакционного комитета, заметил в 1892 г., что «Северный вестник» никак не мог определить своего места ни в природе, ни в жизни, ни даже в журналистике².

С декабря 1891 г. журнал переходит в полную собственность Л. Я. Гуревич. Фактическим руководителем и идеологом журнала становится А. Л. Волынский. В качестве официального редактора был приглашен М. Н. Альбов, ранее редактировавший беллетристический отдел, а с ноября 1895 г. в качестве редактора-издателя была утверждена Гуревич. В указанный период для журнала характерна редакционная политика «неприсоединения» к ведущим течениям общественной мысли. Среди исследователей истории «Северного вестника» широко распространено представление о том, что журнал становится трибуной русских модернистов. Современники неоднократно отмечали внутреннюю противоречивость и идейную разнохарактерность издания, которые проявлялись, прежде всего, в мировоззренческой рассогласованности различных его отделов. В критическом отделе атакам со стороны Волынского и его единомышленницы Гуревич подвергались все направления общественной мысли. Как было замечено ис-

¹ ИРЛИ. Ф. 563 (Редакция «Северного вестника»). Оп. 1. Д. 1. Л. 137–137об.

² Протопопов М. А. Письма о литературе // Рус. мысль. 1892. № 1. С. 41.

следовательницей Л. В. Крутиковой, руководители журнала дистанцировались и от либералов и консерваторов, и от либеральных народников и марксистов, обвиняя всех в философской ограниченности, утилитаризме и буржуазности¹. В качестве мировоззренческого кредо новой редакции «Северного вестника» определялось идеалистическое направление как научной, так и общественной жизни.

Однако данные декларации не мешали широкому привлечению к сотрудничеству либеральных публицистов А. С. Трачевского (с 1893 по 1898 г.), Л. А. Полонского (с 1893 по март 1896 г.), ведущих такие значимые, с точки зрения конструирования образа издания, разделы, как «Внутреннее обозрение», «Политическая летопись», ежемесячный обзор «Провинциальная печать». Работы П. В. Куприяновского свидетельствуют о том, что в середине 1890-х гг. в полемике между народниками и легальными марксистами редакция «Северного вестника» симпатизировала марксистам². При этом в беллетристическом отделе журнала продолжали сотрудничать тяготевшие к народничеству писатели Д. Мамин-Сибиряк, Ф. Нефедов, К. Баранцевич, А. Эртель. Специалисты по истории журнала отмечали, что статьи по социально-политическим и экономическим вопросам, помещаемые в отделах «Политическая летопись», «Провинциальная печать», «Областной отдел», мало чем отличались от публикаций либеральных «Вестника Европы», «Русской мысли», а в отдельных случаях и либерально-народнического «Русского богатства». О. В. Цехновицер убедительно доказал, что именно эти разделы журнала вызывали наибольшее раздражение цензуры, лояльно относившейся к публикациям символистов в литературном отделе³.

Эпистолярное наследие Л. Я. Гуревич, широко введенное в научный оборот благодаря работам П. В. Куприяновского и С. С. Гречишкина⁴, позволяет говорить об ориентации редакторов на юную читательскую аудиторию, включающую в себя студенческую и учащуюся молодежь. Это вполне закономерно, учитывая возраст самой изда-

¹ Крутикова Л. В. «Северный вестник». С. 402.

² См., например: Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник». С. 51–89.

³ См.: Цехновицер О. В. Символизм и царская цензура // Учен. зап. / Ленингр. ун-т. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 11. С. 279.

⁴ См.: Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник»; Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник / Рукописн. отд. Пушкинского Дома, 1976. Л., 1978. С. 3–29.

тельницы, которой в 1891 г., когда она стала собственницей журнала, было 24 года. О самоидентификации с «университетской» молодежью свидетельствует и письмо А. Л. Волынского А. А. Давыдовой – издательнице журнала «Мир божий», сообщающего о покупке пайщиками «Северного вестника»: «Люди, купившие "Северный вестник", – университетские люди, горячо чтящие лучшие университетские традиции»¹. В редакционной практике это отразилось в подписной компании 1896 г., когда плата за подписку для иногородних «учащих и учащихся» была снижена с 13,5 до 11 р.

Идеологический эклектизм не способствовал популярности издания у политически ангажированной читающей публики конца XIX в., что наряду с финансовыми затруднениями, сложными взаимоотношениями с цензурой, просчетами и разногласиями во внутриредакционной политике издания привело к его закрытию в 1898 г.

Информация и мнения современников

*Отзыв цензора о «Вестнике Европы» (1878 г.)*² : «„Вестник Европы“, имеющий многочисленных читателей преимущественно сред высшего и образованного класса общества, является одним из весьма влиятельных органов нашей периодической печати. Большинство серьезных статей „Вестника Европы“ пишутся людьми талантливыми и специально изучавшими предмет, почему мнения, выражаемые ими, не могут проходить бесследно для общества. Как в этих серьезных статьях, так равно и в беллетристике и в прочих отделах издания взгляды редакции проводятся весьма осторожно. Тем не менее, взгляды эти совершенно ясны для постоянных читателей. "Вестник Европы" при всяком удобном случае стремится выставить неудовлетворительность существующего устройства России и преимущества представительного образа правления... Подкладкою всему, что пишется в этом журнале, служит высокомерное и презрительное отношение к русской народности и благоговение перед всем западноевропейским... Несмотря на это, благодаря отсутствию резкостей как в постановке вопросов и обсуждении, так и в способах выражения, против "Вестника Европы" было предпринято незначительное, относительно, число карательных мер».

¹ ИРЛИ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1. Л. 261.

² Там же. Ф. 776. Оп. 3. Д. 87. Л. 46–46 об.

Отзыв цензора о «Русском вестнике» (1871 г.¹: «"Русский вестник", всегда безукоризненный в нравственном и политическом отношении, помещал по обыкновению на своих страницах серьезные исследования по разным вопросам и более или менее талантливые беллетристические произведения. Особенную пользу своим читателям он приносил своими трезвыми критическими отзывами о разных болезненных явлениях нашей литературы и общества, причем не оставлял без возражений оригинальных переводов и тех знаменитых заблуждений европейской науки, подобных, например, теории Дарвина, которые нигде не приобретают себе столько поклонников, сколько в нашем отечестве».

М. М. Стасюлевич, многолетний редактор-издатель «Вестника Европы»²: «Снизу считают нас ретроgrадами и почти что подлецами, а сверху смотрят чуть ни как на поджигателей. Теперь люди благоразумные, попавшись между двумя фанатизмами, без сомнения, отойдут совершенно в сторону и составят, так сказать, партию воздержания».

В. А. Гольцев, редактор журнала «Русская мысль», о задачах журнала³: «Содействовать живому и плодотворному росту личности на Руси и отстаивать наше самоуправление».

М. Н. Ремизов, один из ведущих сотрудников «Русской мысли», о мировоззренческом кредо своих соратников по журналу⁴:

«В ладье везем мы груз запретный
Гуманных нравственных идей
И "Русской мысли" клич заветный
К любви и равенству людей».

Программа журнала «Северный вестник»⁵:

«1. Отдел изящной литературы: повести, рассказы, романсы как оригинальные, так и переводные, письма знаменитых людей, поэзия и драматические произведения.

¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 5 (1872 г.). Д. 12. Л. 3 об.

² Цит. По: Кельнер В. Е. Человек своего времени: М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция. СПб., 1993. С. 19.

³ В. Г. [Гольцев В. А.] Внутреннее обозрение // Рус. Мысль. 1880. № 1. С. 89.

⁴ Цит. По: Гиляровский В. А. «Русская мысль» // Соч. М., 1989. Т. 3. С. 187.

⁵ ИРЛИ. 20. 246. Л. 35.

2. Отдел научный: как оригинальные, так и компилятивные научные статьи по всем отраслям практического и теоретического знания, как-то – по истории, народному хозяйству, земской медицине, гигиене, статистике, народному образованию, финансам, юриспруденции, философии, логике, расколу, народному быту и путешествиям. Кроме того, статьи по теории искусства, по художеству и музыке.

3. Отдел критики: критические этюды и критический разбор произведений публицистики, науки, искусства, художеств и музыки.

4. Областной отдел: корреспонденции и статьи, присылаемые из провинции и относящиеся к местной провинциальной жизни, ее интересов и местной литературы; события и новости внутренней политики. <...>

6. Отдел библиографии: новейшие книги, как русские, так и иностранные статьи, как по беллетристике, так и по прочим областям знания, искусства и художества.

Срок выхода – один раз в месяц. Подписная цена за год: без пересылки и доставки 12 руб., за полгода – 7 руб., с доставкой в СПб. – за год 12 руб. 50 к., за полгода – 8 руб., с пересылкой иногородним – за год – 14 руб., за полгода – 9 руб.».

Методы содержательного анализа материалов журнальной прессы

Информация автора учебно-методического комплекса. Для всех, кто изучает «вторую реальность», или образы реальности, отраженные на страницах периодической печати, приоритетное значение имеют методы реконструкции и интерпретации. Под *реконструкцией* подразумеваются усилия историка по восстановлению авторской логики и смысла произведений журнального дискурса. *Интерпретация* предполагает поиск мотивов, побудивших автора к созданию того или иного текста, посвященного реалиям русской жизни. Она основывается на рациональной логике исследователя, отражающей его личностные особенности (ценностные ориентиры, поведенческие сценарии, психологические черты и др.), предопределившие содержание его наблюдений, выводов, оценочных суждений.

Наряду с традиционными для отечественных историков методами реконструкции и интерпретации, целесообразно использование введенного в методический инструментарий представителями «новой интеллектуальной истории» метод *деконструкции* текстов журнального дискурса. Деконструкция понимается как критический метод анализа

смысла авторских текстов посредством расчленения и собирания заново их составных частей («предложений»). Если обычные интерпретации текстов сосредоточиваются на авторе и очевидном смысле работы, то задача деконструкции – «подорвать» значение автора, сосредоточиваясь на структуре текста, раскрыть имплицитные смыслы, значения в текстах, раскрывая их опорные и скрытые установки. Деконструкция приводит к выдвижению на первый план вместо поисков очевидных и официальных смыслов стратегии «подрывного» чтения. Применение метода деконструкции предопределяет обращение к активно востребованному современными литературоведами приему *внимательного, бесконечного чтения*, основанного на желании понять, как выбирались для текста речевые конструкции, каким образом определенная текстуальная стратегия воздействовала на язык и стилистику нарратива. Употребление данного приема позволяет вычленивать из текстов «коллективного автора» (редакции журнала) индивидуальные голоса конкретных творцов журнального дискурса.

Для выявления текстов на интересующую тему, определения их количественных параметров и основных тематизмов, выяснения тех контекстов, которые актуализировали значимые сюжеты на страницах конкретных периодических изданий, продуктивен такой исследовательский прием, как *сплошной просмотр* годовых комплектов журнала. Для выяснения устойчивых лексических клише слов и словосочетаний (слов-маркеров), раскрывавших содержание ключевых концептов, могут быть использованы элементы *контент-анализа* журнальных текстов.

При определении степени представленности публикаций на интересующую исследователя тему продуктивно применение *статистического метода* и приема *графической визуализации* полученных показателей (составление таблиц, диаграмм, графиков).

Университетская аудитория как институт формирования общественного мнения

1. Российские университеты как центры трансляции идей русской интеллектуальной элиты. Публичные лекции университетской профессуры.

2. Формы самоорганизации студенчества: землячества, научные сообщества, организации экономической взаимопомощи студентов.

3. Роль студенческих корпораций в формировании идентичности русской интеллигенции.

Литература

1. Аврус А. И. История российских университетов. М., 1998.
2. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004.
3. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социально-историческая судьба. М., 1999.
4. Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934.
5. Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России во второй половине XIX в. М., 1958.
6. Эймонтова Р. Г. Идеи просвещения в обновляющейся России (50-60-е гг. XIX в.). М., 1998.

Оборудование

Репродукции картин Н. А. Ярошенко «Студент» и «Курсистка».

Фотографии зданий ведущих российских университетов пореформенной эпохи.

Задания:

1. Сопоставь позиции исследователей и современников о влиянии университетов на культурную жизнь реформирующейся империи и на судьбы их выпускников. Отчего зависела оценка университетов современниками?
2. В виде схемы изобрази студенческие корпорации, существовавшие в России изучаемого периода, обозначь их основные функции.
3. В варианте гипотезы сформулируй свои предположения о роли студенческих корпораций в формировании идентичности русской интеллигенции.

Российские университеты как центры трансляции идей русской интеллектуальной элиты. Публичные лекции университетской профессуры

Позиция историков

*Н. Н. Никс, современная исследовательница*¹: «Атмосфера, царившая в университете в 1860–1870-е гг., способствовала укреплению связей между профессорами и студентами. Устав 1863 г. существенно расширил деятельность научных и студенческих обществ, снимал излишний контроль со стороны властей за внутренней жизнью университета и позволял студентам чувствовать себя в его стенах "хорошо и привольно". Отношения между воспитанниками и преподавателями

¹ Никс Н. Н. «Велик и благороден труд профессора»: (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX – начала XX в.). М., 2004. С. 15.

носили дружеский, семейный характер: не было учителей и учеников, разделенных сословными перегородками, всех объединяло увлечение мыслью, поиском научной истины. Университет был пронизан дружескими обществами, а регулярные встречи у профессоров дома (так называемые "среды", "пятницы" или "субботы") были неотъемлемой частью университетской жизни».

*Р. Г. Эймонтова. современная исследовательница*¹: «Распространение просветительских идей порождало особые надежды на университеты как на "рассадники просвещения". Многим людям, разделявшим такие идеи, университеты казались тем рычагом, при помощи которого можно будет поднять общий культурный уровень народа и тем самым его благосостояние. Разумеется, при всем объективно важном значении университетского вопроса такие представления были преувеличены. Однако для общественного сознания того времени они типичны».

Мнения современников

*Б. Н. Чичерин, выпускник, а впоследствии профессор Московского университета*²: «Научный интерес поддерживался и возбуждался в нас постоянными сношениями с новыми профессорами. С [Т. Н.] Грановским мы виделись часто. Он был у нас в доме на дружеской ноге... Он любил собирать у себя за обедом студентов, которые интересовали его. Он беседовал с ними, как с себе равными; разговор всегда был умный и оживленный, касающийся науки и университета, и всех вопросов дня... <...>

Университет дал мне все, что он мог дать: он расширил мои умственные горизонты, ввел меня в новые, дотоле неведомые области знания, внушил мне пламенную любовь к науке, научил меня серьезному к ней отношению, раскрыл мне даже нравственное ее значение для души человека. Я в университете впервые услышал живое слово, возбуждающее ум и глубоко западающее в сердце; я видел в нем людей, которые остались для меня образцами возвышенности ума и нравственной чистоты. Отныне я мог уже работать самостоятельно, занимаясь на свободе тем, к чему влекло меня внутреннее призвание. Я не воображал себе, что мое образование кончено, а, напротив,

¹ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX в. М., 1993. С. 75.

² Чичерин Б. Н. Воспоминания: Московский университет. М., 1922. С. 193, 221.

только думал о том, чтобы его новый путь я вынес из университета, потому никогда не обращался и не обращаюсь к нему иначе, как с самым теплым и благодарным воспоминанием».

*А. А. Кизеветтер, выпускник, а затем приват-доцент Московского университета*¹: «... каждую среду и субботу большая аудитория набивалась битком, выше всякой меры. Обливаясь потом и нажимая друг на друга, студенты терпеливо выстаивали до звонка; так велико было желание не пропустить лекции [В. О] Ключевского... С величайшим трудом протискиваясь сквозь густую толпу студентов, к кафедре стал приближаться как-то бочком, словно крадучись и за что-то цепляясь, невысокий брюнет с небольшой острой бородкой клинышком... На миг на нас взглянули через очки прекрасные черные глаза... Через несколько секунд зазвучал тихий, вкрадчиво-мягкий голос, с чрезвычайно характерными, несколько певучими переливами, благодаря которым почти каждое слово подавалось со своей особой интонацией, словно изваянное, осязаемо выпуклое».

*В. И. Вернадский, выпускник Санкт-Петербургского, профессор Московского университетов*²: «Университет имел для нас всех огромное значение. Он впервые дал свободный выход той огромной внутренней жизни, которая кипела среди нас и не могла проявиться в затхлых рамках гимназии. Выход в университет был для нас действительно духовным освобождением».

*И. М. Красноперое, бывший студент Казанского университета*³: «Мне хотелось скорее увидеть университет. Университет притягивал меня к себе своей наукой, книгами, которых в библиотеке, как мне говорили, было несколько тысяч».

*Н. М. Ядринцев, вольнослушатель Санкт-Петербургского университета, позднее – известный ученый, литератор и общественный деятель*⁴: «Не умолк еще гул после пушечного выстрела на Крымском полуострове, еще пахло дымом, и он не успел рассеяться, по-

¹ Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 47.

² Вернадский В. И. Страницы автобиографии. Л., 1987. С. 236.

³ Красноперов И. М. Записки разночинца. М.; Л., 1929. С. 64.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания.

добно туману, после кровопролитной войны, а над русской землею всходило яркое солнце, солнце новой жизни и обновления. Оно встретило нас, когда мы явились с нашей далекой родины в университеты в конце 50-х годов. Нечего говорить, что университет, особенно Петербургский, играл тогда роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениями новыми».

*Н. И. Пирогов, профессор Медико-хирургической академии*¹: «Сильной нравственной связи между коллегиею профессоров и студентами у нас почти никогда не было... Трудно верить, чтобы новый порядок вещей, и при автономии университета, скоро укрепил бы связь коллегии со студенчеством... Если же и при таких условиях коллегия возьмет на себя ответственность перед правительством за сохранение порядка между студентами, то это будет готовность, которой нельзя не желать успеха. Но для этого коллегия, прежде всего, должна восстановить свое нравственное влияние, а чтобы восстановить его, одной автономии мало...».

*Л. Ф. Пантелеев, студент Санкт-Петербургского университета начала 1860-х гг.*²: «... с понятием профессора у меня состоялось представление как о чем-то стоящем вне всякой критики; профессор для меня был то же, что и сама наука. Увы, прошло каких-нибудь месяца два, и от этой веры осталось почти одно воспоминание».

*Студенческая петиция 14марта 1887г.*³: «Мы желаем, чтобы устав университетов и других высших учебных заведений был основан на началах автономии, чтобы ректор, согласно университетскому уставу 1863 г., был избираем советом, чтобы были учреждены университетские и студенческие суды, а также признаны студенческие корпорации. Мы желаем, чтобы все, окончившие средние учебные заведения, без различия вероисповедания, общественного положения и без всяких тайных характеристик со стороны гимназического началь-

¹ Цит. по: Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М. 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 309.

² Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 47.

³ Цит. по: Мельгунов С. Студенческая организация 80-90-х гг. в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 11.

ства и полиции имели свободный доступ в университет. Наконец, мы уверены, что наряду с этим, нашим профессорам может быть дана свобода преподавания, прежде существовавшая по уставу 1863 г. Наше глубокое убеждение, что все эти последовательно проведенные изменения в смысле наших желаний будут содействовать развитию студенческой жизни, и только они могут обусловить нормальное течение ее. Мы настаиваем теперь же на уничтожении полицейской функции инспекции, понижении платы и пр. Впервые пользуясь возможностью изложить свои желания, не выходя из границ законности, мы твердо верим в то, что подобный способ выражения своих нужд войдет в обиход студенческой жизни».

А. С. Изгоев, публицист, профессор Новороссийского университета начала XX в.¹: «Студенчество – квинтэссенция русской интеллигенции. Для русского интеллигента высшая похвала: старый студент. У огромного большинства русских образованных людей интеллигентная (или, точнее, "революционная") работа и ограничивается университетом, по выходе из которого они "опускаются", как любят говорить про себя в пьяном угаре со слезой во время предрассветных товарищеских бесед.

О русском студенчестве в прогрессивных кругах принято говорить только в восторженном тоне, и эта лесть приносила и приносит нам много вреда. Не отрицая того хорошего, что есть в студенчестве, надо, однако, решительно указать на его отрицательные стороны, которых в конечном итоге, пожалуй, больше, чем хороших...<...>

Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренне любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству. <...>

Если чем памятны иной раз на всю жизнь наши университеты, то именно своим молодым товарищеским духом, интенсивной общественной жизнью, которая почти все время держит на высоком подъеме нервы нашего студента и не дает ему погрузиться в омут личных своекорыстно-карьерных интересов. В известной мере, повторяю, это правда. Но в то же время у нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный

¹ Изгоев А. С. Об интеллигентной молодежи // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910. М., 1991. С. 192–197.

возвышеннейших революционных порывов, не успевает получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца. И это обстоятельство заставляет думать, нет ли чего ложного в нашем студенческом идеализме, проводящем к таким печальным результатам, нет ли там иной раз вместо высокого духовного подъема просто опьянения гашишем, временно возбуждающим, но расслабляющим на всю жизнь? <...>

[После окончания университета] ... выходя из этой своеобразной младенческой культуры, русский интеллигент ни в какую другую культуру не попадает и остается как бы в пустом пространстве. Для народа он все-таки "барин", а жить студенческой жизнью и после университета для огромного большинства образованных людей, конечно, невозможно. И в результате вчерашний радикал и горячий поклонник общественного блага отрекается сегодня от всяких идей и всякой общественной работы. Пока он в университете, эта особая студенческая культура дает ему как будто очень много, но чуть только он оставил университетскую скамью, он чувствует, что не получил ничего.

"Буржуазную" науку он презирал, знакомился с нею лишь в той мере, насколько это было необходимо для получения диплома, составлял планы обстоятельного самообразования, но в итоге не научился даже толково излагать свои мысли, не знает азбуки физических наук, не знает географии своей родины, основных фактов русской истории. И сама университетская жизнь с ее сходками, кассами, обществами – была ли она настоящей общественной жизнью, или хотя бы подготовительной школой к ней? Или, быть может, вернее это было просто кипение, которое поглощало все время, давая только видимость содержания?»

Формы самоорганизации студенчества: землячества, научные сообщества, организации экономической взаимопомощи и пр.

Научные кружки

Г. И. Щетинина, советский историк¹: «Из научных обществ, получивших право на существование в конце 1880-х – начале 1890-х гг., явное преобладание было за обществами и кружками историко-филологического профиля. Достаточно перечислить их: Московское нумизматическое общество ([возникло] 4 марта 1888 г.), Историче-

¹ Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976. С. 155.

ское общество при Петербургском университете (18 октября 1889 г.), Неофилологическое общество при Петербургском университете (28 октября 1893 г.) и другие».

Мнения современников

*И. М. Красноперое, бывший студент Казанского университета*¹: «Думаю, центром студенческих соборищ был кружок историко-филологический, привлекавший к себе студентов из других факультетов: медицинского, естественного. У кружка была своя большая библиотека, состоявшая из книг научного и беллетристического содержания. Члены кружка собирались раз в неделю, по четвергам. Здесь обсуждались всевозможные вопросы, касающиеся науки, студенческой жизни, вопросы сочинений научного содержания. В библиотеку выписывались журналы "Современник", "Русский вестник", "Атеней", из газет: "Петербургские ведомости", "Искра"».

*Л. Ф. Пантелеев, в прошлом студент столичного университета*²: «... кружок, кажется, состоял исключительно из студентов историко-филологического факультета. На стороне кружка было огромное преимущество: почти все члены его имели уже очень солидную научную подготовку; они много читали и притом в подлиннике писателей, которых только что начинали переводить у нас. Бокль, например, был известен в кружке ранее, чем Тиблен стал выпускать его [на русском языке]. Читали и таких, как Фейербах, который никогда не появлялся в настоящем русском издании. Здесь я в первый раз узнал о тюбингенской школе, о Бауэре, Максе Штирнере».

Студенческие библиотеки

*Р. Г. Эймонтова, современный отечественный историк*³: «Процессу возникновения первых студенческих библиотек способствовали возросшие научные интересы студентов, их стремление найти ответы на волнующие вопросы современности. Университетские библиотеки, нередко весьма богатые, недостаточно комплектовались новыми изда-

¹ Красноперов И. М. Записки разночинца. С. 73.

² Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. С. 130.

³ Эймонтова Л. Ф. Русские университеты на грани двух эпох: От России крепостнической к России капиталистической. М., 1985. С. 261.

ниями. Они уже не удовлетворяли потребностей учащейся молодежи, к тому же количественно сильно выросшей. В связи с этим и стали возникать повсеместно частные студенческие библиотеки в стенах университетов, неподвластные университетскому начальству. Комплектовались они, прежде всего, той литературой, какой не доставало в казенных библиотеках, – общей периодикой и новыми книгами. Преимущество отдавалось тем, которые соответствовали идейным устремлениям молодежи, включая запрещенные и нелегальные издания».

Мнение современника

*И. А. Худяков, писатель*¹: «... эта читальная комната была самым счастливым шагом для общего развития. Здесь студенты, случайно запоздавшие на лекции или свободные по болезни или лености профессоров, могли проводить свободное время с пользой. Нечего и говорить, что читальная комната, в которой никто не видел водки, была прекрасным средством отвлекать студентов от трактиров и публичных домов и приурочить их к общественной мысли».

Землячества

Позиция исследователей

*В. И. Орлов, советский историк*²: «Объединениями, в которых встречались учащиеся всех высших учебных заведений Петербурга, были так называемые землячества. Цели этих объединений обыкновенно были туманны и неопределенны; некоторые из них ставили себе задачей взаимопомощь и самообразование, другие говорили о воспитании "гражданина", а, в сущности, все они являются выражением потребности в товарищеском общении...».

*А. Е. Иванов, современный историк*³: «Землячества являлись чисто российским самобытным молодежным явлением, являющимся и институциональным, и интеллигентским, органично укоренившимся в

¹ Худяков И. А. Записки каракозовца // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 246.

² Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 224.

³ Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX - начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. С. 44.

студенческой среде. Они были порождением, с одной стороны, российско-территориальной бескрайности, надолго разлучавшей студентов с родным домом, с другой – вопиющей бедности значительных студенческих масс. Эти два фактора и предопределили необходимость в институции, которая бы оказывала приехавшему из дальних краев на учебу молодому человеку, нередко подверженному ностальгическим чувствам одиночества, скорую моральную, посредством общения с земляками, и материальную поддержку».

*Б. В. Титлинов, советский историк*¹: «Понятия "студент" и "революционер" были почти синонимами, и тот не считался настоящим студентом, кого не били полицейские и жандармы, кто не отсидел своей порции в участке или тюрьме».

*В. И. Филянова, современный историк*²: «Потребности пореформенной России в высококвалифицированных специалистах привели к реформированию в области образования, что проявилось в увеличении числа высших, средних, начальных учебных заведений, в возросшем числе студентов-разночинцев. Постепенно бытовые, психологические, умственные черты разночинца становились типичными для студенчества пореформенной эпохи. Увеличение числа разночинцев не могло не сказаться на облике учащейся молодежи. Являясь социальным слоем, потерявшим свои корни (традиционное занятие, место жительства), разночинство являло собой пример "культурных маргиналов", лишенных каких-либо традиций и очутившихся в неестественных для себя условиях жизни... Учтем тот факт, что значительная часть студентов столичных вузов были выходцами из провинции, не имевшими в Москве или Петербурге ни знакомых, ни друзей. В. Р. Лейкина-Свирская в своей работе "Интеллигенция в России во второй половине XIX в." приводит такие данные: в 1877-1878 гг. из 1418 студентов Петербургского университета только 427 человек получили образование в Петербургском учебном округе. В Москве из 1568 студентов лишь 925 обучалось в московских средних учебных заведениях. Это один из факторов, порождавших студенческие общности, где быстрое признание находили революционные идеи, на-

¹ Титлинов Б. В. Молодежь и революция. Л., 1925. С. 6.

² Филянова В. Н. Социокультурные факторы возникновения субкультуры российского студенчества второй половины XIX в. Режим доступа: <http://hist.msu.ru/Science/LMNS2002/11.htm>.

пример, землячества. Особое внимание стоит уделить кружкам самообразования, многие из которых компенсировали недостаток семейного общения. Так, кружок [М. А.] Натансона своей целью ставил "нравственную помощь" приезжим студентам и вовлечение их в свое сообщество, чтобы не дать "погибнуть и заглохнуть из-за одиночества". Чаще всего кружки имели собственную библиотеку, где был представлен весь спектр литературы, знание которой необходимо молодому человеку, решившему принести свою жизнь в жертву народу. С первого курса студенты попадали в эти общности, быстро усваивая нормы субкультуры».

Мнение современника

*С. М. Степняк-Кравчинский, активный участник народнического движения*¹: «Русские университеты и гимназии – центры самой бурной и страстной политической жизни в начале семидесятых годов – испытывали на себе сильное влияние революционного движения, ибо студенты большей частью принадлежали к семьям мелкопоместных дворян и низшего духовенства, а те и другие бедны».

Русские литераторы – «властители дум» пореформенной молодежи

Занятие проводится после практического занятия, посвященного русской литературе как источнику формирования общественного мнения. Оно призвано расширить представления студентов об историческом контексте восприятия выдающихся произведений русской литературы изучаемой эпохи, познакомить с мнением историков и современников о причинах и результатах «литературного мифотворчества», его влияния на самоидентификацию русской интеллигенции.

1. Причины влияния литературы на выбор жизненных сценариев и социальное поведение русских интеллектуалов.

2. «Герой не нашего времени»: типологические черты Героя русской литературы второй половины XIX в. в мемуарном наследии современников.

Литература:

¹ Цит. по: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1978. С. 27.

а) обязательная

1. Могильнер М. Мифология подпольного человека: радикальный микроскоп в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999.
2. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М., 1991.
3. Колесникова Л. А. Мемуары революционеров 1870-х гг. об идейно-психологическом воздействии на них литературы // Вопр. истории. 2005. № 5. С. 96–105.

б) дополнительная:

1. Богданов В. Т. Из литературной полемики 60-х гг. Петрозаводск, 1941.
2. Богославская Л. П. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и женские артели 60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1974. С. 227–243.
3. Виленская Э. С. Революционное подполье в России в 60-х гг. XIX в. М. 1965.
4. Егоров Б. Ф. Очерки по истории русской культуры XIX в. // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 5. С. 245–276.
5. Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX в.: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. Новосибирск, 1999.
6. Пустовойт П. Г. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и идейная борьба 60-х гг. XIX в. М., 1964.
7. Чуковский К. И. Люди и книги шестидесятых годов: статьи и материалы. Л., 1934.

Ключевые понятия:

Социокультурный миф, субкультура радикальной интеллигенции, узурпаторский сценарий, беллетризация жизни.

Оборудование:

Студенческие видеофильмы или электронные презентации, посвященные классикам русской литературы изучаемой эпохи и их произведениям.

Фотографии русских писателей.

Задания:

1. Сопоставь версии исследователей о причинах эффективности влияния литературных текстов на биографии и нормы поведения пореформенной молодежи с собственной позицией по этому вопросу, сформулированной на основе прочтения источников и знания исторического контекста.
2. Основываясь на воспоминаниях современников, назови типичные черты «нового человека». Соотнеси их с характеристиками литературных героев, с которых они были «считаны».
3. Представь в виде коллажа результаты своего сравнения. Прокомментируй.

Позиция исследователей

*М. Могильнер, современный историк*¹: «... процесс чтения становился актом политической оппозиции. Мир беллетристики и поэзии, населенный "настоящими" людьми и пропитанный "настоящими" чувствами, становился нормативной реальностью, по правилам которой стремились жить интеллигентные читатели. Беллетризировались жизни конкретных людей, литературным образцам следовали буквально, как в случае с многочисленными подражателями героям Чернышевского. Так же буквально читали Тургенева: "Всякая девушка воображала себя Еленой, полпоколения захотело стать Базаровыми". Подобное растворение в литературе невозможно объяснить только универсальной для всего человечества неудовлетворенностью границами собственной биографии, стремлением к познанию "альтернативного я", обреченного, к несчастью или к счастью, на вечную экзистенциальную нереализованность. Интеллигенция не столько искала "альтернативное я", сколько пыталась дописать и придать некий смысл своей социальной биографии, которая, в силу как внешних, так и внутренних причин, не была изначально задана. Утрированная беллетризация жизни радикальной интеллигенции стала закономерным следствием ее неукорененности в настоящем. Однако она же явилась залогом интеллигентского отщепенчества, консервантом радикализма».

*М. В. Доронина, современный историк*²: «Исторически сложилось, что для русского социума, лишенного возможностей социальной свободы и поставленного в жесткие социально-политические условия, литература, а также литературная критика выполняли миссию нескольких составляющих культуры одновременно. В течение долгого времени литература была синонимом культуры и своеобразным инструментом преодоления различных нормативных границ (социальных, этикетных, нравственных).

Особое отношение к книге и к слову было всегда характерно для русской культуры. В конце XVIII – начале XIX века, с началом зарождения разночинной интеллигенции, престиж писательской деятель-

¹ Могильнер М. Мифология подпольного человека: Радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 31.

² Доронина М. В. Культура повседневности русской разночинной интеллигенции во второй половине XIX в.: соотношение «идеального» и «реального»: Автореф. дис. ... канд. ист. Наук. М., 2004. С. 23.

ности стал изначально выше. Для разночинца литератора выполняла функции аккультурации: легитимизации его нового статуса, "ускоренного" воспитания и образования, адаптации к социальной среде, во многом чужеродной, освоения новых культурных ролей. В литературе разночинцы видели максимально точное и прямое отображение действительности; мир литературы легко приравнивался к миру "реальному". О вымышленных персонажах судили как о живых людях, а о литературных ситуациях – как о подлинных жизненных событиях».

Э. С. Виленская, советский историк¹: «[Д. И.] Писарев и то, что тогда называлось "писаревщиной", и явились выражением некоего распутия, когда еще было рано судить о первых итогах крестьянской реформы, но когда стало ясно, что недавние надежды на революцию не оправдались. Тот образ Базарова, который был создан не столько И. С. Тургеневым, сколько интерпретацией Писарева, олицетворял это распутие. На вопрос, поставленный Чернышевским уже в Петropавловской крепости, "что делать?", ответил писаревский Базаров, этот "мыслящий реалист", удалившийся от общественных проблем (как пока что "нереальных") в область практических знаний, отвергавший служение народу и все же только ему и служивший».

Р. Стайтс, современный американский историк²: «В определенном смысле роман Н. Чернышевского "Что делать?" (1863) явился своего рода Библией для всех передовых русских женщин, стремившихся к независимости, которые думали и действовали как феминистки, революционерки или нигилистки. Феминисток он укрепил в их мнении о необходимости образования и экономической независимости, а также в нравственной обязанности помогать другим женщинам. Влияние книги было незначительным в среде радикалок, чьи жизненные интересы превосходили лишь стремление к женской эмансипации, которую они рассматривали как часть дела освобождения "народа". И все же, несмотря на цензуру, между строк явственно читалась как идея решительного преобразования российского общества, так и призыв к женщинам освободиться от социального гнета и присоединиться к когорте "новых людей", занятых подготовкой социальной революции. Непосредственное влияние роман оказал и на так

¹ Виленская Э. С. Н. М. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX в. М., 1979. С. 41.

² Стайте Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 135.

называемую нигилистскую точку зрения на женщин и секс – то есть на доктрину личной эмансипации и сексуальной свободы».

Э. А. Павлюченко, современный историк¹: «В 1860-х годах появился новый читатель, с общественными потребностями и интересами, соответственно им искавший и ценивший в литературе, прежде всего, нравственный, воспитательный, обучающий аспект, относившийся к писателю как к учителю жизни, пророку.

На литературных вечерах, ставших характерным явлением общественной жизни тех лет, даже простое упоминание таких слов, как "свобода", "деспотизм" и т. п., вызывало бурю среди собравшихся. При появлении популярного писателя на публике "стон стоял от криков восторга, аплодисментов и стучания стульями и каблуками". Н. В. Шелгунов брал на себя смелость утверждать, что "никогда ни раньше, ни после писатель не занимал у нас в России такого почетного места".

Понятно, что в такой обстановке никому и в голову не могло прийти отнести к роману Н. Г. Чернышевского "Что делать?" как к беллетристике. Для прогрессистов он – учебник жизни, новое Евангелие, для ретроградов – проповедь настоящего разврата во всех сферах жизни.

О влиянии романа Чернышевского на современников написано и сказано очень много. Но в чем секрет его особого успеха среди женщин? Наверное, в том, что Чернышевский первым в русской литературе указал конкретное дело, которого жаждала молодежь и, прежде всего, вырывавшиеся на свободу из душного плена домашних стен женщины, назвал конкретные пути и формы этого дела – производственные ассоциации, артели, которые, хотя и оказались на поверку утопическими, несбыточными, но в целом сильно активизировали женский пол. Наконец, читательницы романа уверовали в высокое предназначение женщины в обществе и в семье, но в семье нового типа, неизвестной дотоле, узнали о фиктивном браке – наиболее простом и доступном способе высвобождения из-под родительской власти».

Мнения современников

А. Панаева (Е. Я. Головачева), писательница²: «Я не запомню, чтобы какое-нибудь литературное произведение наделало столько

¹ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988. С. 93.

² Панаева А. Я. Воспоминания. М., 2002. С. 337–339.

шуму и возбудило столько разговоров, как повесть [И. С] Тургенева "Отцы и дети". Можно положительно сказать, что "Отцы и дети" были прочитаны даже такими людьми, которые со школьной скамьи не брали книги в руки. Приведу несколько фактов, рисующих состояние тогдашнего общества при появлении повестей Тургенева. Я сидела в гостях у одних знакомых, когда к ним явился их родственник, отставной генерал, один из числа тех многих недовольных генералов, которые получили отставку после Крымской войны. Этот генерал, едва только вошел, уже завел речь об "Отцах и детях".

– Признаюсь, я эту дребедень, называемую повестями и романами, не читаю, но куда ни придешь - только и разговоров, что об этой книжке ... стыдят, уговаривают прочитать... Делать нечего – прочитал... Молодец сочинитель; если встречу где-нибудь, то расцелую его! Молодец! Ловко ошельмовал этих лохматых господчиков и ученых шлюх! Молодец! Придумал же им название – нигилисты! Просто это значит глист!.. Молодец! Нет, этому сочинителю за такую книжку надо было бы дать чин, поощрить его, пусть сочинит еще книжку об этих пакостных глистах, что развелись у нас!

<...> Ожесточение родителей доходило до бесчеловечности, а увлечение детей до фанатизма. В одном семействе погибли разом мать и дочь; в сущности, обе любили друг друга, но в пылу борьбы не замечали, что наносили себе взаимно смертельные удары. Старшая дочь хотела учиться, а мать, боясь, чтобы она не сделалась нигилисткой, восстала против этого; пошли раздоры, и дело кончилось тем, что мать, после горячей сцены, прогнала дочь из дому.

<...> Таких печальных семейных разладов тогда было множество, и тургеневские "Отцы и дети" только усилили их, внося новые недоразумения. Тургенев сам это понял и в следующей повести "Новь" сделал попытку придать новому поколению некоторые примиряющие черты, но их уже никто не заметил. А как легко было Тургеневу с его огромным талантом и литературным авторитетом выяснить обеим сторонам их взаимные недоразумения и беспристрастно показать все неразумие ожесточенной борьбы из-за пустых внешних причин, которым придавалось столь важное значение».

*Е. Н. Водовозова, деятельница общественно-педагогического движения*¹: «Прежде чем порицать молодежь шестидесятых годов за

¹ Водовозова Е. Н. На заре жизни: Мемуарные очерки и портреты. М., 1987. Т. 2. С. 88–89.

то, что она так беспощадно сурово относилась к родителям, нужно вспомнить, что она вынесла из родительского дома, будь то помещичья или чиновничья среда. В первом случае дети видели полный произвол как над крепостными, так и над собою: тех и других пороли, тем и другим давали зуботычины и пинки, те и другие были существами совершенно бесправными, с тою только разницею, что дети дворян еще с раннего детства приучались ничего не делать и с молодых лет проматывать состояние, созданное трудом крепостных... Так же деморализована была и чиновничья среда: в ней дети с раннего возраста могли слышать о подхалимстве родителей перед начальством и невероятном взяточничестве; их заботливо обучали искусству снискивать себе благосклонность сильных мира сего и примерами доказывали им, как это необходимо для их будущего счастья и карьеры. Таким образом, молодое поколение вырастало, не получая добрых советов, не видя честных примеров, не воспитав в себе культурных привычек к самостоятельному мышлению, анализу и критике. Понятно, что многие из молодого поколения не могли разобраться в той массе идей, которые в освободительный период стали быстро распространяться в обществе, хотя многие из них были уже не новы. Но откуда же могла познакомиться с ними молодежь того времени, получившая жалкое образование в своих семьях, корпусах, институтах и семинариях? Вот потому-то в шестидесятые годы так часто спорили об идеях и вопросах, иногда самых элементарных, о многом рассуждали наивно, односторонне, а то и нелепо. Серьезному, всестороннему и правильному обсуждению мешало также и то, что весьма многие вопросы были тесно связаны со сложными социальными и политическими идеями, мало доступными тогда громадному большинству. Недостаток опытности и образования мешали молодежи понять, что их отцы оказались без вины виноватыми. О, если бы они поняли это, как многое смягчилось бы в их отношении к ним!»

*А. М. Скабичевский, литературный критик*¹: «Совершенно противоположно было отношение наше к роману Чернышевского. Носились слухи, что цензура разрешила печатание романа, рассчитывая, что, представляя собою нечто в высшей степени антихудожественное, роман наверное уронит авторитет Чернышевского, и песенка его бу-

¹ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М., 2001. С. 290–292.

дет спета... Но, увы, действительность не оправдала всех этих ехидных мечтаний. Хихикавшие и потиравшие руки не соображали, что молодежь будет искать в романе вовсе не каких-либо эстетических красот, а программы для своей деятельности, и отнюдь не верного изображения действительности, современной нам, а той, какой еще нет, но к осуществлению которой следует стремиться. Не принимали также в расчет, что обаяние вождя, каждое слово которого считалось в то время законом, удесят�лялось ореолом мученичества героя, голос которого раздавался из мрака казематов Петропавловской крепости. Я нимало не преувеличу, когда скажу, что мы читали роман чуть не коленопреклоненно, с таким благочестием, какое не допускает ни малейшей улыбки на устах, с каким читают богослужебные книги.

Влияние романа было колоссально на все наше общество. Он сыграл великую роль в русской жизни, всю передовую интеллигенцию направив на путь социализма, низведя его из заоблачных мечтаний к современной злобе дня, указав на него, как на главную цель, к которой обязан стремиться каждый. Социализм делался, таким образом, обязательным в повседневной будничной жизни, не исключая пищи, одежды, жилищ и пр.

Вследствие этого предписания – проводить социализм во всех мелочах повседневной жизни – движение в передовых кружках молодежи приняло сектантский характер обособления от всего общества, равнодушного к предписаниям романа. Как и во всякой секте, люди принадлежащие к ней, одни считались верными, избранниками, солью земли. Все же прочее человечество считалось сонмищем нечестивых пошляков и презренных филистеров. Между тем как лишь незначительное меньшинство увлекалось деятельностью с политическими целями, большинство ограничивалось устройством частной и семейной жизни по роману "Что делать?". Всюду начали заводиться производительные и потребительные ассоциации, мастерские швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежитий, семейные квартиры с нейтральными комнатами и пр. Фиктивные браки с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под ига семейного деспотизма в подражание Лопухину и Вере Павловне сделались обыденным явлением жизни, причем редкая освободившаяся таким образом барышня не заводила швейной мастерской и не рассказывала вещих снов, чтобы вполне уподобиться героине романа.

Желание ни в чем не походить на презренных филистеров простиралось на самую внешность новых людей, и, таким образом, появились те пресловутые нигилистические костюмы, в которых щеголяла молодежь

в течение 60-х и 70-х годов. Пледы и сучковатые дубинки, стриженные полосы и космы сзади до плеч, синие очки, фра-дьявольские шляпы и конфедератки, – Боже, в каком поэтическом ореоле рисовалось это в те времена и как заставляло биться молодые сердца, причем следует принять в соображение, что все это носилось не из одних только рациональных соображений и не ради одного желания опроститься, а демонстративно, чтобы открыто выставить свою принадлежность к сонму избранных. Я помню, с каким шиком и смаком две барышни уписывали ржавую селедку и тухлую ветчину из мелочной лавки, и я убежден, что никакие тонкие яства в родительском доме не доставляли им такого наслаждения, как этот плебейский завтрак на студенческой мансарде.

Что касается нашего кружка, то заплатили и мы дань всем этим веяниям. Так, многие наши чаепития ... были посвящены рассуждениям о том, какую снедь следует считать необходимостью, какую – роскошью. Икра и сардины подверглись единодушному запрещению. Относительно селедок и яблок голоса разделились, так как селедки входят в обычное меню обедов рабочих, а от яблок не отказывается последняя нищенка. Виноградные вина подверглись решительному ostracism; водка же и пиво получили разрешение потому, что для миллионов рабочего люда в этих напитках заключается единственная радость жизни. Табак же получил двойную санкцию: кроме того, что курят люди всех сословий, даже и такой ригорист, как Рахметов, и тот позволял себе выкурить сигару, да еще дорогую.

Само собой разумеется, что все это ограничивалось теорией. На практике же мы ни от чего не отказывались».

*С. М. Степняк-Кравчинский, участник народнического движения*¹: «Слово нигилизм было введено в обиход нашего языка, как известно, покойным Тургеневым, который окрестил этим именем особое умственное и нравственное течение, наметившееся среди русской интеллигенции в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов. Эта кличка не была ни остроумнее, ни вернее множества других, изобретенных тем же Тургеневым, не говоря уже о Щедрина. Но повезло ей, можно сказать, поистине не в пример со сверстниками. Из великого, до сих пор не вполне оцененного романа Тургенева, название это быстро перешло в обыкновенную разговорную речь. Слово нигилизм получило право гражданства сперва как бранная кличка, а потом как

¹ Степняк-Кравчинский С. М. Подпольная Россия. С. 3–5.

гордо поднятый ярлык той философской школы, которая одно время занимала самое видное место в русской интеллектуальной жизни... Настоящий нигилизм, каким его знали в России, был борьбой за освобождение мысли от уз всякого рода традиции, шедшею рука об руку с борьбой за освобождение трудящихся классов от экономического рабства. В основе этого движения лежал безусловный индивидуализм. Это было отрицание, во имя личной свободы, всяких стеснений, налагаемых на человека обществом, семьей, религией. Нигилизм был страстной и здоровой реакцией против деспотизма не политического, а нравственного, угнетающего личность в частной, интимной жизни.

...Первая битва была дана на почве религии. Но тут она не была ни продолжительна, ни упорна. Победа досталась легко, так как нет ни одной страны в мире, где бы религия имела так мало корней в среде образованных слоев общества, как Россия.

...Материализм стал господствующей религией образованного класса, и едва ли нужно говорить о том значении, которое освобождение от всяких религиозных предрассудков имело для всего дальнейшего развития революционного движения.

Но нигилизм объявил войну не только религии, но и всему тому, что не было основано на чистом и положительном разуме, и это стремление, как нельзя более основательное само по себе, доводилось до абсурда нигилистами 60-х годов. Так, они совершенно отрицали искусство как одно из проявлений идеализма. Здесь отрицатели дошли до геркулесовых столпов, провозгласивши, устами одного из своих пророков, знаменитое положение, что сапожник выше Рафаэля, так как он делает полезные вещи, тогда как картины Рафаэля решительно ни к чему не пригодны. В глазах правоверного нигилиста сама природа являлась лишь поставщицей материала для химии и технологии. "Природа не храм, а лаборатория, и человек в ней работник", – говорил тургеневский Базаров».

*Н. А. Чарушин, участник народнического движения*¹: «Произведения Тургенева всегда давали обильную пищу для жарких споров и обсуждений, о которых, в свою очередь, немало говорила и русская критика.

Но больше всего возбуждали эти прения "Отцы и дети" с их главным героем Базаровым. Последнего некоторые из нас принимали полностью, другие же, отдавая дань уважения силе и цельности его ума и смелости его отрицания, хотя и видели в нем представителя

¹ Чарушин Н. А. О далеком прошлом. М., 1926. С. 31–32.

грядущей молодой России, но представителя одностороннего, лишённого широких общественных идеалов, что нас уже не могло удовлетворять. Поэтому даже Рудин (не говоря уже об Инсарове и Елене в "Накануне"), этот провозвестник нового слова в пустыне и человек недееспособный, несмотря на все недостатки его характера, казался нам симпатичнее Базарова, в особенности же, когда мы узнали, что в неопубликованном конце этого романа автор заставляет умирать своего героя на парижских баррикадах.

В поисках художественного изображения типов новых людей, указывающих пути жизни, едва ли не самое сильное влияние имел на нас мало художественный роман "Что делать?" Чернышевского.

Новые люди этого романа с их новыми и человечными взаимоотношениями, в особенности в такой интимной и щекотливой области, как брачная, не могли не увлекать нас. Устраивая совсем по хорошему свою личную жизнь, они, что в особенности было ценно для нас, в то же время радостно уходили и в общественную жизнь, останавливая там свое внимание на обездоленном люде, которому они несли свет и знание, и новые основы трудовой жизни. Но все эти, несомненно, хорошие люди, заслуживающие подражания, в наших глазах совершенно ступеньвались перед таинственным и едва обрисованным Рахметовым, которого Чернышевский показывал нам как бы из-под полы, не дерзая открыть его во всей его целостности. Этим своим образом, таинственным и смутным, заставлявшим усиленно работать наше воображение, Чернышевский, уже изъятый из обращения и обреченный на полное молчание, из своего сурового заточения как бы говорил нам: "Вот подлинный человек, который особенно нужен теперь России, берите с него пример и, кто может и в силах, следуйте по его пути, ибо это единственный для вас путь, который может привести нас к желаемой цели". И образ Рахметова врезался в нашу память, он властно стал перед нашими глазами и тогда, когда мы и сами страстно искали лучших и верных путей жизни, помогая нам, поощряя нас на решительный шаг!».

*В. Н. Фигнер, участница народнического движения*¹: «Литература 60-70-х гг. была учительская. Так смотрело на нее каждое поколение, вступавшее в жизнь в эту эпоху. В литературе оно искало ответа на свои вопросы. Как жить? Чем жить?

Так смотрели на свою миссию писатели и отдавали ей свои силы.

¹ Фигнер В. Н. Речь на вечере памяти Н. А. Некрасова // Поли. собр. соч. М., 1929. Т. 1. С. 479.

Лавров говорил о долге народу; Михайловский – о борьбе за правду-истину и за правду-справедливость; Глеб Успенский – о каторжном труде крестьянина и его зоологической нравственности, которая одна только и могла сложиться в убогой, забитой деревне времен крепостного права. О той же убогой, забитой деревне говорила и вся поэзия Некрасова.

Все они действовали в одном направлении: будили интерес к общественной деятельности, к положению народа».

Сибирское областничество в 1850-е гг. – начале XX в.

1. Истоки формирования областнических идей.
2. Деятельность сибирского землячества в Санкт-Петербурге.
3. Основные постулаты областничества.
4. Н. М. Ядринцев как символ сибирского областничества.

Литература:

1. Серебренников Н. В. Дело сибирских сепаратистов с точки зрения власть предержащих // Дело об отделении Сибири от России. Томск, 2002. С. 4–8.
2. Сесюнина М. Г. Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества: (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества во второй половине XIX в.). Томск, 1974.
3. Шиловский М. В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г. Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск, 2004.
4. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-60-х гг. XIX в. Новосибирск, 1989.

Оборудование:

Фотографии лидеров сибирского областничества.

Фотографии с видами Томска, Иркутска, Омска второй половины XIX – начала XX в.

Задания:

1. Сопоставь мнения исследователей, идеологов областничества и охарактеризуй истоки формирования областнических идей.
2. Выдели основные требования областников. Как ты считаешь, насколько они были правомерны? Опираясь на конкретные факты из истории Сибири, обоснуй свою точку зрения.
3. Насколько типичной для студенческих корпораций пореформенной империи была деятельность сибирского землячества в Санкт-Петербурге?
4. Какая из приведенных оценок сущности областничества и его влияния на идейную жизнь Сибири представляется тебе наиболее убедительной? Предложи свой вариант характеристики изучаемого идейно-политического течения.

Истоки формирования областнических идей

*А. В. Ремнев, современный сибирский историк*¹: «Основой областнической теории стали стихийно пробуждавшийся у части сибирской интеллигенции местный патриотизм, эмоциональное восприятие проявлений неравноправия в отношениях центра и окраины. На сибиряков угнетающе действовало то, что многие реформы не были распространены на Сибирь, вызывали недовольство централизация в управлении, отток культурных сил из региона в столицы. Областнические настроения (доходя в своих крайностях до идей автономизма и даже сепаратизма) подогревались тем, что административная опека центра создавала на практике трудности в решении местных сибирских вопросов. Недостаточное, по мнению сибиряков, знание столичными чиновниками условий жизни Сибири приводило к принятию некомпетентных решений. На эффективности правительственных мероприятий в Сибири сказывались ведомственная разобщенность, засилье военно-бюрократических методов управления, отсутствие планомерности в действиях местных и центральных властей.

Значительным было воздействие на областников господствовавших в то время в русском освободительном движении федералистских идей. В числе идейных предшественников обычно называют ссыльных декабристов и петрашевцев, А. И. Герцена, М. А. Бакунина. Анализ публицистических статей, научных трудов и эпистолярного наследия идеологов сибирского областничества Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина свидетельствует о значительном влиянии на формирование и эволюцию их взглядов практики европейской колониальной политики, политических и экономических теорий того времени.

Питаясь чувствами нарождающегося сибирского патриотизма, областники творчески восприняли современные им федералистские и колониалистские теории, заложив основы регионализма не только как влиятельного общественного течения, но и как особого научного направления».

Мнение современников и участников

*Н. М. Ядринцев, главный идеолог областничества*²: «Литература и наука, явившиеся во всем ореоле, покорили навеки наши сердца, ибо

¹ Ремнев А. В. Колония или окраина? Сибирь в имперском дискурсе XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 135–136.

² Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания. С. 22–23.

мы видели их в самых лучших проявлениях. Мы понимали и читали литературу, как могучее орудие общечеловеческого прогресса, и не рассматривали ее с одной партийной точки зрения, не презирали ее за уродливые и временные явления. Мы считали человеческое слово за лучшее из средств для победы знания над невежеством, для торжества идеи, для завоевания человеческого права. Не удивительно поэтому, что многие из нас сделали писателями, и литература взяла многих в свои жрецы. Что мудреного, что многие до конца служили ей, полагая в этом главную задачу своего гражданского долга.

Время перелома, критики старых начал мы пережили живо, отдаваясь ему. Наши земляки, как я замечал, были весьма восприимчивы к новым теориям, к новаторству, из них выходили самые ревностные прозелиты новых направлений. Я могу объяснить это разве тем, что сибиряки вообще не имеют традиций, предрассудков, у них нет ничего позади и взор их устремлен вечно в будущее. Точно так же они не были лишены твердости и мужества в преследовании своих убеждений. Я почти не знаю из наших товарищей ренегатов и отступивших впоследствии от лучших традиций своей юности, и несчастный полупомешанный [Н. С.] Щукин составлял исключение. Наше поколение в общих теориях осталось на грани между 60-ми и 70-ми годами. Не восприняв крайностей последних, унаследовав самые светлые и лучшие верования первых, писатели моего времени перенесли эти лучшие надежды на свою родину и взлелеяли их. Теория 70-х и 80-х гг. только отвлекала сибиряков от их родины и почти не дала заметных деятелей на поприще литературы, исключая [И. А.] Куцевского, который был скорее продуктом нашего времени. Из общих литературных стремлений выродилась у нас и потребность служить нашему краю».

*Н. М. Ядринцев, в письме Н. К. Михайловскому*¹: «Областная идея, или служение народу, появилась и возбуждала жизнь "изнутри". из провинции в земцах, областных писателях и местных деятелях... Областной вопрос явился не из теории, а из практических требований самой русской жизни; эти требования нашли себе только подходящую теорию в западническом роде, согласуя лучшие идеалы со своими местными нуждами, с желанием служить народу своей области. Находясь космополитами во всех других отношениях, они совместили и любовь к своей местности и населению».

¹ ИРЛИ. Ф. 181 (Н. К. Михайловский). Оп. 1. Д. 806. Л. 2 об.

*Г. Н. Потанин, идеолог и руководитель областнического движения*¹: «Все эти наши размышления о местных делах происходили в рамках общего влияния русской прессы, в которой в то же время обнаружились два направления, выразившиеся в двух журналах: "Современнике" и "Русском слове". В рамках одного направления перед нами прошли [Н. Г.] Чернышевский, [Н. А.] Добролюбов и [М. А.] Антонович, в рамках другого – [Д. И.] Писарев, [В. А.] Зайцев и др. <...>

Это был самый разгар шестидесятых годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на нашу голову».

Деятельность сибирского землячества в Санкт-Петербурге

Информация современников и участников

*Н. М. Ядринцев, в юности – вольнослушатель Санкт-Петербургского университета*²: «Видя, как было все оживлено, как все искало дела, применения сил, слыша страстные речи о народе, о долге гражданского служения, мы не могли не перенестись мыслями к нашей родине и не задуматься об ее будущем. Мы представляли ее, в настоящем пустынную, бедную и убогую – нарядною и богатою в будущем; невежественную – образованной, усеянной школами; вместо несчастной, слышавшей только звон цепей и проклятия ссыльных, мы рисовали себе ее населенною, свободною, жизнерадостною и ликующею. <...>

Петербургский университет тогда представлял учреждение, какое другим поколениям уже не суждено было видеть. Он играл роль фокуса, отражавшего умственную жизнь всего общества, и был центром обмена идей между лучшими представителями старого поколения и восприимчивыми поколениями новыми».

*Г. Н. Потанин, о времени конца 1850-х – начала 1860-х гг.*³: «Три года, проведенные мною и Ядринцевым в Петербурге, были, может быть, самые важные в нашей жизни, это были годы нашего политического воспитания. В эти годы определялась наша индивидуальность,

¹ Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 114, 158.

² Ядринцев Н. М. Воспоминания о Томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 287, 292.

³ Потанин Г. Н. Воспоминания. Т. 7. С. 160.

дано было направление нашим политическим взглядам, было указано нам особое место в общественной деятельности».

*Г. Н. Потанин, о деятельности сибирского землячества в Санкт-Петербурге*¹: «Это были обыкновенные, в политическом отношении невинные студенческие журфики, на которые студенты собирались выпить пива и попеть студенческие песни... Ставили в обязанность каждому вернуться на родину, посвятить свою жизнь на изучение ее нужд, на распространение в Сибири прогрессивных идей и на соединение в ней новых условий жизни».

*Он же*²: «Тяжелые условия жизни в Петербурге и отсутствие надежды, что они изменятся к лучшему, привели меня к решению покинуть столицу и возвратиться на родину. Там, думалось мне, я скоро найду общественную работу по душе... Мы ехали на родину, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее сесть за культурную работу. Мы мечтали, что будем устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции; собирать пожертвования для вспомоществования молодым сибирякам, учащимся в столице, совершать ученые поездки по родине и собирать коллекции, наконец, писать в местных газетах о нуждах Сибири».

*Н. М. Ядринцев, о периоде конца 1850-х – начала 1860-х гг.*³: «В то время я бесконечно, страстно, горячо верил в свою родину. Чувство это было не совсем свойственное моим землякам, чувство новое, праздничное. Укромно и боязливо собирались мы в свой кружок во время пребывания в университете и часто говорили о своем возвращении домой. Возвращаться в дикое общество без веры, без надежды на будущее было немыслимо. Надо было создать эту веру, и она явилась сама собой... Мы начинали думать о будущем нашего края, и он удивительно как бы преображался... Он рисовался нам не жалкой тупой средой, но обширным, девственным краем, полным не описанных еще красот и прелестей; мы видели могучую жизнь населения, неисчерпаемые богатства природы... Земля, где, казалось, не было дела, преобразилась».

¹ Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Дело об отделении Сибири от России. С. 36.

² Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т.6. С. 162.

³ Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания. С. 24.

Анонимный автор журнала «Землеведение»¹: «В Петербурге в то время (в начале 1860-х гг. – *Н. Р.*) образовался из студентов-сибиряков кружок, поставивший себе целью изучение местных вопросов своего края и развивавший мысли о необходимости в Сибири университета, о распространении грамотности и увеличении с этой целью числа школ, о научных исследованиях, разборе местных архивов, собирании этнографических материалов, создании местной печати и т. п. Будучи деятельным участником этого кружка, Николай Михайлович в 1863 г. вместе с другими своими товарищами-сибиряками возвратился в Сибирь и с жаром занялся здесь изучением местных вопросов».

Основные постулаты областничества

Позиция историков

М. В. Шиловский, современный сибирский историк²: «... вплоть до 1917 г. правительство по отношению к Сибири проводило политику "государственного феодализма", составными элементами которой являлись:

Во-первых, монополия на землю и природные богатства региона, эксплуатация которых считалась исключительным правом государства или Кабинета его императорского величества. Сибирь практически не знала частной собственности на землю.

Во-вторых, преимущественно "штрафная" колонизация и ограничение вольнонародной вплоть до начала XX в.

В-третьих, аграрно-сырьевой характер развития экономики, слабо включенной в рыночные отношения. Неэквивалентный характер обмена товарами. По данным на 1884 г., торговый оборот крупнейшей для региона Ирбитской ярмарки выглядел следующим образом. Продано товаров европейских, в основном мануфактуры, на 41 932 тыс. рублей, сибирских (пушнина, кожи, сало, жир, щетина, мед, воск, масло, орех кедровый и т. д.) на 11 836 тыс. рублей и транзитного китайского чая еще на 7553 тыс. рублей... И даже в начале XX в. мероприятия царизма не шли дальше увеличения доходности сельского хозяйства и простейшей переработки сырья, вывоз которого вплоть до 1911 г. искусственно сдерживался Челябинским тарифным переломом.

¹ Николай Михайлович Ядринцев // *Землеведение*. 1894. № 2. С. 161.

² *Областничество и регионализм: Эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство*. Режим доступа: <http://oblastnichestvo.lib.tomsk.ru/page.php?id=2>.

В-четвертых, слабое развитие рыночных отношений порождало специфическое положение местной буржуазии, компрадорской по своей сути, нажившей капитал благодаря монополии и кабале, вызванными произволом местной администрации и неэквивалентным обменом.

В-пятых, произвол административных структур, формируемых выходцами из Европейской России, не связанных с интересами населения и рассматривающих "сибирскую службу" как способ личного обогащения...

В-шестых, слабое развитие образования, науки и культуры, вызывающее массовый отток молодежи в вузы европейской части страны и тормозящий формирование местной интеллигенции.

Данные обстоятельства дополнялись неравенством населения региона в плане гражданских прав по сравнению с жителями центральных губерний. Судебная реформа распространяется на Сибирь в 1897 г., а земские учреждения оставались предметом мечтаний сибиряков вплоть до 1917 г. ...

В этой обстановке в Сибири оформляется областническое движение как система взглядов части местной интеллигенции (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, С. С. Шашков, В. И. Вагин, А. В. Адрианов, Вл. М. Крутовский, И. И. Серебренников, П. В. Вологодский, Н. Н. Козьмин и др.) на прошлое, настоящее и будущее региона в качестве специфической области. Оно проделало длительную эволюцию, развивая концепцию территориальной самостоятельности Сибири во главе с областным (региональным) представительным органом – Областной думой, наделенной комплексом полномочий, аналогичных компетенции штата в федеральной системе США.

Рассматривая Сибирь в качестве колонии, сторонники движения выдвигали программу преодоления этого положения за счет стимулирования свободного переселения, ликвидации ссылки, "учреждения покровительства сибирской торговли и промышленности", непосредственного выхода сибирских товаров на мировой рынок, введения портофранко в устьях Оби и Енисея, организации судоходства по Северному морскому пути и привлечения иностранных инвестиций».

А. Н. Пытин, либеральный историк второй половины XIX в.¹: «Если и были действительно мечты о "сепаратизме", очевидно, они были столь неосуществимы, что были абсолютно безвредны; это была

¹ Пытин А. Н. Русская народность в Сибири // Вестник Европы. 1892. № 1. С. 280.

лишь форма юношеского поэтического идеализма, мечтательные подробности его должны были отпасть сами собою: юность прошла, но от прежнего идеализма осталось у лучших людей здоровое зерно в том горячем стремлении служить делу просвещения и общественного развития своей ближайшей родины. Это стремление сказалось потом в замечательных учено-литературных трудах и общественной деятельности многих людей этого поколения».

*Г. М. Круссер, советский журналист и общественный деятель*¹: «Сибирский сепаратизм 60-х годов и адмирал Колчак через полувековой период пожали друг другу руки, совместно работая по заданиям мировой интервенции над уничтожением рабоче-крестьянского государства».

*А. В. Даниленко, современный сибирский историк*²: «Изучая историю сибирского областничества, размышляя над ней, мы приходим к выводу, что оно, до известной степени, осталось "вещью в себе".

Так, высшая власть, по существу, первый и последний раз "заинтересовалась" им только в связи с "делом сибирского сепаратизма". Разумеется, что главные посылки областнической теории прошли мимо внимания официального Петербурга. И не только официального.

Предпринятая [Н. М.] Ядринцевым попытка с начала 80-х годов издавать в столице "Восточное обозрение" потерпела неудачу, и уже в конце десятилетия газета была вынуждена "перебраться" на сибирскую почву – в Иркутск. Объяснений тому можно найти массу, но факт, что интеллектуальный слой России Европейской оказался достаточно глух к сибирской проблематике.

Затруднительно найти и весомые примеры длительного и плодотворного сотрудничества областников с местной администрацией. Обычно вспоминается лишь довольно тесное сотрудничество Ядринцева с назначенным в середине 70-х гг. генерал-губернатором Западной Сибири Н. Г. Казнаковым. [В. И.] Вагин же в 50-е гг. вынужден был служить не в "столичном" Иркутске, а в захолустной Чите. Он при этом еще и испортил отношения с генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым. А [М. В.] Загоскин предпочитал "от-

¹ Круссер Г. М. Сибирские областники. Новосибирск, 1931. С. 52.

² Даниленко А. В. Сибирские областники: реалии, мифы и демифологизация // Восточно-Сибирская правда. 2003. 22 марта.

сизиваться" в селении Грановское, о котором и составил свой известный очерк¹...

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что фигуры далеко не первой величины откликались на произведения областников, оставляли о них свои воспоминания. Да и, признаемся, областническая мысль практически не попадает на страницы "профильных" сборников, имена областников не так уж часто фигурируют в работах, посвященных русской интеллигенции пореформенных десятилетий и начала минувшего столетия. А если преодолеть "сибирский патриотизм", то невольно придешь к заключению, что большинство областников края и силу ряда объективных причин "недотягивали" до планки европейской образованности, с высоты которой они могли бы сделать свои идеи достоянием интеллектуальной элиты всей России, да и Европы».

*Г. А. Бялый, современный литературовед*²: «Областничество – интерес к провинции, культурническая деятельность народнической интеллигенции по ее изучению и просвещению, своеобразная замена "хождения в народ"». Зарождение областничества Г. А. Бялый относит ко второй половине 1870-х гг., когда на страницах журналов «Отечественные записки» и «Дело» развернулась дискуссия о взаимоотношениях столицы и провинции, о литературе центральной и местной, о направлении деятельности интеллигенции (к центру или окраинам). В ходе этой дискуссии были определены ключевые постулаты народнического областничества: стремление изучить и «оживить» провинцию, создать новые культурные очаги, а в конечном итоге подготовить почву для широкого демократического движения.

Информация и мнения современников и участников

*Н. М. Ядринцев*³: «В интересах человечества, как и в интересах русской народности, наступает время призвать наши окраины к новой жизни, пробудить их общественные силы к самостоятельности и тем положить начало новому историческому периоду. Признание совершеннолетия общества, дарование ему гражданских прав, удовлетворение общечеловеческих стремлений есть священнейший долг метрополии по отношению ко всякой молодой развивающейся на ее ру

¹ См.: Загоскин М. В. Одна из сибирских общин (с. Грановское). Иркутск, 1891.

² Бялый Г. А. В. Г. Короленко. Л., 1983. С. 95.

³ Ядринцев Н. М. Трехсотлетие Сибири // Вестник Европы. 1881. № 12. С. 849.

ках страны: великая обязанность налагается на нее провидением перед лицом всего человечества и будущим истории».

*Он же*¹: «В нашем сердце было искреннее желание блага нашей забытой родине; нашею мечтой было ее просвещение, гражданское преуспеяние. В юношеских мечтах и желаниях многие местные вопросы еще были смутны и получили известную форму и жизнь только впоследствии.

Мы отвечали, что желаем Сибири нового гласного суда, земства, больше гласности, поощрения промышленности, большей равноправности инородцу. Что тут было преступного? Что было преступного горячо любить свою родину? Но здесь патриотизм был принят за сепаратизм. Что касается мечтаний и параллелей, что Сибирь когда-нибудь должна быть подобна Американским Соединенным Штатам, то эти мысли были высказаны по поводу чтения истории колоний и их отделения в виду несправедливостей метрополии. Об этом говорилось как о факте отдаленного будущего».

*Он же*²: «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины! На молодом, образованном поколении Сибири сосредоточиваются все наши надежды. Мы верим, что сибирское образованное молодое поколение создаст лучшую жизнь в Сибири. Будем же помогать этому молодому поколению всеми силами в его образовании, а когда придет время, вверим ему судьбу нашего общества!»

*Г. Н. Потанин*³: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои права и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России; воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя».

*А. П. Щапов, известный историк и общественный деятель, революционер-демократ*⁴:

¹ Ядринцев Н. М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России. С. 30.

² Ядринцев Н. М. Общественная жизнь в Сибири // Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. Красноярск, 1919. С. 9.

³ Письмо Г. Н. Потанина Н. С. Щукину (январь 1862 г.) // Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 59.

⁴ Приведено по: Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 30.

«Услышь хоть ты, страна родная.
Страна невольного изгнания.
Сибирь родная, золотая.
Услышь ты узника воззванье!

Пора провинциям вставать.
Оковы, цепи вековые
Централизации свергать,
Сзывать Советы областные!»

*Н. М. Ядринцев*¹: «Сибирь пережила все периоды, которые свойственны новооткрытым всем странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поисков золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и гражданские формы жизни создали в ней иные задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих. Задерживать гражданские потребности этого общества мы будем не в силах, хотя бы и хотели.

Необходимыми условиями дальнейшего существования этой страны ... являются: 1) колонизация и заселение; 2) право на безвозмездное пользование землею каждого прибывающего; 3) свобода земледельческого труда и поощрение развития местной промышленности; 4) облегчение и создание внутренних путей для обмена жизни на огромных расстояниях Востока; 5) предоставление полных прав гражданства жителям этих областей наравне с гражданами метрополии; 6) просвещение и простор духовной жизни...

В последнее время выдвигается несколько весьма видных местных потребностей и нужд этого общества, которые не могут остаться без ответа в государственной жизни России. Они состоят в распространении на Сибирь гражданских прав, которыми пользуются уже подданные Европейской России. Сибирское общество ждет введения земства, нового гласного суда, распространения образования, гарантий личности и лучшего общественного существования.

Дарование самоуправления, водворение правосудия и справедливости для этого несчастного края становится тем необходимее, что Сибирь в продолжение всего прошлого существования испытала

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С. 503.

ла много притеснений, несправедливостей и неустройств. Эти бедствия начались с воеводского управления; произвол господствовал в Сибири более, чем где-либо; край подвергался всевозможным злоупотреблениям, и жизнь его остается далеко не устроенной до последнего времени.

Между тем ныне выступают многочисленные общественные вопросы и нужды, требующие настоящего удовлетворения. К таким принадлежат: отмена уголовной ссылки, мешающей безопасности и развитию гражданской жизни, организация переселений, устройство быта инородцев, принятие мер против мироедства и кулачества, улучшение участи золотопромышленных рабочих и многие другие. Наконец, в крае является потребность умственной жизни, стремление к гласности, желание разрабатывать общественные нужды путем печати; общество желает гарантий для личности и защиты от местного произвола».

Н. М. Ядринцев как символ сибирского областничества

Информация и оценки современников

*Г. Н. Потанин, идеолог сибирского областничества, друг Ядринцева*¹: «Чем он только не был для своей Сибири! Он был и издатель, и публицист, и статистик, и фельетонист, и рассказчик, и сатирик, и этнограф и археолог».

*Б. Б. Глинский, историк второй половины XIX в., один из первых биографов Ядринцева*²: «Чуткий к общественным вопросам, разносторонне и обширно начитанный, Ядринцев увлекает собеседника, взвинчивает его нервы и твердой рукой направляет по намеченному пути. Резкости вы не найдете у него, в этом его отличие от крайних представителей той литературной среды, к которой он несомненно принадлежал. Эта совокупность писательских черт давала ему возможность помещать свои произведения и в "Голосе", и в "Вестнике Европы", и в еще более передовых журналах "Деле" и "Отечественных записках"....».

¹ Цит. по: Горюшкин Л. М. Главный труд Н. М. Ядринцева // Ядринцев Н. М. Сибирь как колония... С. 11.

² Глинский Б. Б. Н. М. Ядринцев: биографический очерк. М., 1895. С. 27–28.

*В. И Семевский, историк второй половины XIX в., исследователь Сибири*¹: «При других условиях Ядринцев мог бы сделаться заправским ученым, но у нас он стал выдающимся публицистом, и эта форма деятельности дала ему более сильное и широкое влияние в Сибири, чем могла бы дать специально ученая карьера; в своих статьях и книгах он учил все сибирское общество, всю сибирскую молодежь знать и любить свою родину, гуманно относиться ко всему ее разнообразному населению, без различия происхождения и вероисповедания, служить интересам народа...».

*А. А. Исаев, экономист второй половины XIX в., исследователь Сибири*²: «Н. М. Ядринцев не удовлетворялся одними кабинетными знаниями. Любя родину, он хотел знать ее не только со слов других, но и из книги жизни. Его воображение создавало тот идеальный образ общественного деятеля, который пробуждает дремлющие силы людей, направляет пытливість их ума на важнейшие вопросы современности, говорит с ними языком не только ученого, познавшего многое, но и гражданина, который многое пережил. Знать Сибирь, любить Сибирь, служить ей словом, пером и примером собрать воедино немногочисленные силы сибирской молодежи и поставить перед ней задачи, которые неотложно требуют решения, воспитать в этой молодежи нежную привязанность к суровой и пустынной родине – вот в чем состояло честолюбие покойного».

2. ТЕМАТИКА И ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Семинар № 1.

Публицистическое наследие К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова – источник изучения идей и идеалов пореформенного консерватизма

1. Общественно-политические взгляды К. П. Победоносцева в работе «Великая ложь нашего времени».

2. Политические идеалы М. Н. Каткова в публицистических статьях «Московских ведомостей».

¹ Семевский В. И. Несколько слов в память Николая Михайловича Ядринцева // Рус. мысль. 1895. № 1. С. 37.

² Исаев А. А. Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцев. СПб., 1895. С. 1.

Литература

а) обязательная:

1. К. П. Победоносцев: pro et contra: личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение Константина Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 1996.
2. Полунов А. Ю. Политическая индивидуальность К. П. Победоносцева // Вестн. / Москов. ун-т. Сер. 8: история. 1991. № 2. С. 42–48.
3. Рабкина Н. А. К. П. Победоносцев // Вопр. истории. 1995. № 2. С. 58–75.
4. Смолярчук В. И. Злой гений России: (К. П. Победоносцев) // Правоведение. 1990. № 3. С. 49–54.
5. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

б) дополнительная:

1. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев: (материалы к биографии) // Ист. вестник. 1907. № 4. С. 247–274.
2. Голубев С. А. Русские консерваторы: факты биографии и некоторые аспекты идеологии // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 137–150.
3. Гусев В. А. К. П. Победоносцев – русский консерватор-государственник // Социально-политический журнал. М., 1993. № 12. С. 80–88.
4. Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889.
5. Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888.
6. Преображенский И. В. Константин Петрович Победоносцев, его личность и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912.

Семинар № 2.

Художественная литература как источник формирования и отражения общественного мнения по ценностно значимым аспектам российской жизни

1. Современные подходы к анализу художественного текста как исторического источника.
2. Романы И. С. Тургенева как источник изучения общественной мысли России второй половины XIX в.
3. Влияние романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» на социальное поведение современников.
4. «Антинигилистический пафос» произведений Ф. М. Достоевского.

Ключевые понятия:

Критический реализм, иллюстративный подход, метод конструирования «типичных» образов и явлений, контент-анализ, слова-маркеры, антинигилистическая проза.

Литература

а) обязательная:

1. Могильнер М. Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999.
2. Цимбаева Е. Н. Исторический анализ литературного текста. М., 2005.

б) дополнительная:

1. Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопр. истории. 2003. № 4. С. 161–166.
2. Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982.
3. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестн. / Ленингр. ун-т. 1964. № 14. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 3. С. 76–84.
4. Румянцева М. Ф. Историческая наука и художественная литература: от модерна к постмодерну // История России XIX–XX вв.: новые источники понимания. М., 2001. С. 33–41.
5. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечеств. история. 2002. № 1. С. 40–49.

Публикации источников

- Тургенев И. С. Отцы и дети // Собр. соч.: в 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 151–336.
- Тургенев И. С. Рудин // Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. С. 7–130.
- Тургенев И. С. Новь // Собр. соч.: в 12 т. Т. 4. С. 7–168.
- Тургенев И. С. Дым // Собр. соч.: в 12 т. Т. 4. С. 173–430.
- Чернышевский Н. Г. Что делать? (любое издание).
- Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч.: в 12 т. М., 1982. Т. 5. С. 5–533.
- Достоевский Ф. М. Бесы (любое издание).

Задания:

1. Заполни следующую таблицу:

Образы «нового» человека
в русской художественной прозе второй половины XIX в.

Автор и название произведения	Литературные персонажи – носители образа	Внешний облик «новых людей»	Особенности их мировоззрения и системы ценностных ориентации	Характерные черты их поведения и отношений с другими людьми
1	2	3	4	5

1	2	3	4	5
Тургенев И. С. «Отцы и дети»				
Тургенев И. С. «Рудин»				
Тургенев И. С. «Новь»				
Тургенев И. С. «Дым»				
Чернышевский Н. Г. «Что делать?»				
Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание»				
Достоевский Ф. М. «Бесы»				

2. Заполни следующую таблицу:

Социокультурные характеристики второй половины XIX в.
в произведениях русских писателей (слова-маркеры)

Автор и название произведения	Эпоха либерального реформирования империи, 1850–1870-е гг.	Период «консервативной модернизации» страны, 1880–1890-е гг.
Тургенев И. С. «Отцы и дети»		
Тургенев И. С. «Рудин»		
Тургенев И. С. «Новь»		
Тургенев И. С. «Дым»		
Чернышевский Н. Г. «Что делать?»		
Достоевский Ф. М. «Преступление и наказание»		
Достоевский Ф. М. «Бесы»		

Семинар № 3.

Программные документы народнических организаций – источник изучения мировоззрения и системы ценностных ориентаций русской радикальной интеллигенции

1. Революционный террор в «Катехизисе революционера» С. Г. Нечаева.
2. Политические идеалы народников в программе «Земли и воли».
3. Мировоззренческие приоритеты народников в программных документах организации «Народная воля».

4. Обоснование террористической тактики «Народной воли» в работе Н. А. Морозова «Террористическая борьба».

Ключевые понятия:

Терроризм, народничество, социокультурный конфликт, социокультурная инверсия.

Литература

а) обязательная:

1. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
2. Одесский М. Поэтика террора / М. Одесский, Д. Фельдман. М., 1997.

б) дополнительная:

1. Баранов А. С. Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX в. // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 181–191.
2. Галактионов А. А. Идеология русского народничества / А. А. Галактионов, П. Ф. Никондров. Л., 1966.
3. Кан Г. С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997.
4. Олесич Н. Е. Морально-этические принципы радикальной интеллигенции // Интеллигенция и нравственность: (социологические очерки). М., 1993.
5. Пантин И. К. Революционная традиция в России / И. К. Пантин, Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос. М., 1986.
6. Щетинина Г. И. Идеинная жизнь русской интеллигенции, конец XIX – начало XX в. М., 1995.

Публикации источников

1. Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932.
2. Литература партии «Народная воля». М., 1930.
3. К 25-летию 1881–1906: дело 1 марта 1881 г.: процесс Желябова, Перовской и др. СПб., 1906.
4. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: документ, публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997.

Задания:

1. На основе анализа текста «Катехизиса революционера» С. Г. Нечаева выйди слова-маркеры, с которыми употребляется слово «террор».
2. Предложи свой вариант реконструкции ценностных приоритетов лидера «Народной расправы», «считывающихся» из «Катехизиса революционера». Ранжируй их по степени значимости со ссылками на источник.
3. На основе содержательного анализа программных документов народнических организаций «Земля и воля», «Народная воля» заполни следующую таблицу:

Мировоззренческие приоритеты народников в программах организаций
«Земля и воля» и «Народная воля» 1870–1880-х гг.

Обсуждаемые вопросы	«Земля и воля»	«Народная воля»
Отношение к народу		
Отношение к революции		
Политические идеалы		
Задачи партии		

Семинар № 4.

История женского движения второй половины XIX – начала XX в. в женских мемуарах и эпистоляриях

1. Причины популярности женского движения в России.

2. Формы проявления активности «интеллигентных» женщин: стремление к получению высшего образования, профессиональная и благотворительная деятельность, участие в общественных и политических организациях, поиски новых воспитательных моделей и др.

3. Современницы о внешнем облике, системе ценностей и особенностях поведения «новых» женщин.

Ключевые понятия:

Феминизм, нигилизм, эмансипация, тендерная идеология, женский вопрос, женское движение.

Литература

а) обязательная:

1. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении от Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

2. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой: (материалы к библиографии). М., 2002.

3. Стайте Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004.

б) дополнительная:

1. Айвазова С. Г. Идейные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 125–133.

2. Ефремова Н. П. Шестидесятницы // Вопр. истории. 1978. № 9. С. 78–92.

3. Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1866–1917). Иваново, 1994.

4. Юкина И. Нигилистки // Женщины в социальной истории России. Тверь, 1997. С. 47–52.

Публикации источников

1. Брешко-Брешковская Е. К. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1918. № 10–12.
2. Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.; Л., 1928.
3. Водовозова Е. Н. На заре жизни: мемуарные очерки и портреты. М., 1987. Т. 2.
4. Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931.
5. Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1961.
6. Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. М., 1966.
7. Панаева А. Я. Воспоминания, 1824–1870. М., 2002.
8. Пименова Э. К. Дни минувшие. Л.; М., 1929.
9. Штакеншнейдер Е. А. Дневники и записки (1854–1886). М.; Л., 1934.
10. Штрайх С. Я. Героиня романа «Что делать?» в ее письмах // Звенья. М. 1934. Т. 3–4.
11. Шелгунов Л. П. Из далекого прошлого. СПб., 1901.
12. Фигнер В. Н. Запечатленный труд: воспоминания: в 2 т. М., 1964.

Задания:

1. На основании избранного для анализа источника сформулируй «авторскую» версию причин общественной активности женщин пореформенной эпохи.
2. Из источников личного происхождения выпиши названия, годы деятельности и лидеров женских организаций. Как их участницы определяли их задачи?
3. Заполни следующую таблицу:

Образ «новой» женщины по источникам личного происхождения
второй половины XIX – начала XX в.

Параметры реконструкции образа	Слова-маркеры
Внешний облик	
Занятия	
Отношение к образованию	
Отношение к браку и семье	

Семинар № 5.

Женский вопрос на страницах «толстых» журналов второй половины XIX – начала XX в.

1. Либеральная «версия» женского вопроса: «Вестник Европы» и «Русская мысль».
2. Демократические журналы «Современник» и «Отечественные записки» о женском вопросе в России.
3. Народнический отклик на «вызов» эпохи: женский вопрос на страницах либерально-народнического издания «Русское богатство».

Литература

а) обязательная:

1. Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917): учеб. пособие. М., 2000.
2. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50-60-е гг. XIX в. Л., 1984.
3. Ковалева И. Н. Женский вопрос в России в 50-60-х гг. XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 118–127.

б) дополнительная:

1. Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1868–1884. Л., 1986.
2. Куприяновский П. В. История журнала «Северный вестник» // Учен. зап. / Иванов, пед. ин-т. 1970. Т. 59. С. 51–89.
3. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX в.: учеб. пособие. М., 2004.
4. Никитина М. А. «Вестник Европы» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.: буржуазно-либеральные издания (1890–1904). М., 1982. С. 4–43.
5. Старикова Е. В. «Русская мысль» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX в.: буржуазно-либеральные и модернистские издания (1890–1904). М., 1982. С. 44–90.
6. Теплинский М. В. «Отечественные записки», 1868–1884: история журнала. Южно-Сахалинск, 1966.

Публикации источников

а) библиографические указатели:

1. Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки», 1868–1884: указатель содержания. М., 1971.
2. Борщевский С. «Отечественные записки», 1868–1884: хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов. М., 1966.
3. Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой: (материалы к библиографии). М., 2002.
4. Каталог журнала «Вестник Европы» за двадцать пять лет (1866–1890). СПб., 1891.
5. Дополнительный каталог журнала «Вестник Европы» за истекшее пятилетие (1891–1895) с алфавитным указателем имен авторов. СПб., 1895.

б) ежемесячные общественно-политические журналы:

1. Вестник Европы: историко-политический и литературный журнал / ред.-изд. М. М. Стасюлевич (до 1908 г.). СПб., 1866–1918. С 1868 г. ежемес.

Русская мысль: научный, литературный и политический журнал / издатель В. М. Лавров. М., 1880–1918. Ежемес.

3. Русское богатство: литературный, научный и политический журнал / с 1880 г. издавался народнической артелью (Н. Н. Златовратский. Г. И. Успенский, В. М. Гаршин, С. Н. Кривенко и др.), с 1893 г. ред. – В. Г. Короленко и Н. К Михайловский. СПб., 1876–1918. Ежемес.

Задания:

1. На основе работы с библиографическими указателями в журналах, принадлежащих к различным направлениям общественной мысли, выбери и прочитай по одной статье, посвященной женскому вопросу, и заполни следующую таблицу:

Особенности освещения женского вопроса в либеральной и демократической журнальной прессе второй половины XIX – начале XX в.

Общественно-политическое направление журнала	Название, год, номер журнала, страницы	Автор и название статьи	Краткое содержание статьи, с цитатами, подтверждающими идеи автора
Либеральное			
Демократическое			
Либерально-народническое			

2. Напиши рецензию на одну из прочитанных статей, взяв за образец критические статьи, опубликованные в разделе «Библиография» «толстых» журналов.

3. МАТЕРИАЛЫ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Материалы для изучения темы «Публицистическое наследие К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова – источник изучения идей и идеалов пореформенного консерватизма»

К. Л. Победоносцев. «Великая ложь нашего времени»¹

«I.

Что основано на лжи, не может быть правдой. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений.

¹ Приведено по: Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М., 2004. С. 437-477.

Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции, идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции – и проникла, к несчастью, в русские безумные головы. Она продолжает еще держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь ее с каждым днем изобличается все явственнее перед целым миром.

В чем состоит теория парламентаризма? Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и приводит ее в действие. Это идеальное представление. Прямое осуществление его невозможно: историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноразличные под одним государственным знаменем, наконец, разрастается без конца государственная территория: непосредственное народоправление при таких условиях немыслимо. Итак, народ должен переносить свое право владения на некоторое число выборных людей и облекать их правительственной автономией. Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать еще меньшее число доверенных лиц – министров, коим предоставляется изготовление и применение законов, раскладка и собирание податей, назначение подчиненных должностных лиц, распоряжение военной силой.

Механизм – в идее своей стройный; но для того, чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия. Машинное производство имеет в основании своем расчет на непрерывно действующие и совершенно равные, следовательно, безличные силы. И этот [демократический] механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились вовсе от своей личности; когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы притом представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий. Вот при таких условиях действительно машина работала бы исправно и достигла бы цели. Закон действительно выражал бы волю народа; управление

действительно исходило бы от парламента: опорная точка государственного здания лежала бы действительно в собраниях избирателей, и каждый гражданин явно и сознательно участвовал бы в правлении общественными делами.

Такова теория. Но посмотрим на практику. В самых классических странах парламентаризма он не удовлетворяет ни одному из вышепоказанных условий. Выборы никоим образом не выражают волю избирателей. Представители народные не стесняются нисколько взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикою противной партии. Министры в действительности самовластны; и скорее они насилуют парламент, нежели парламент их насилует. Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от нее могущественное личное влияние или влияние сильной партии. Они располагают всеми силами и достатками нации по своему усмотрению, раздают льготы милости, содержат множество праздных людей на счет народа и притом не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают раздачей всякой благодетели с обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение. В действительности министры столь же безответственны, как и народные представители. Ошибки, злоупотребления, произвольные действия – ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьезной ответственности министра? Разве, может быть, раз в пятьдесят лет приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный сравнительно с шумом торжественного производства.

Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей. Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого. Испытывая в течение веков гнет самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живет под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия. Что же вышло в результате? Вышло то, что *mutato*

nomine все осталось, в. сущности, по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей натуры, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и склонности. Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству.

На фронте этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага»? Но это ни что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я. По смыслу парламентской фикции представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат в своей программе и в речах своих ссылается постоянно на вышеупомянутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он ни что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом для сбора голосов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать. Тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы — в угоду одним, в угрозу другим: длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, образующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание... Жалкое человечество! Поистине можно сказать: *mundus vult decipi decipiatur*.

Вот как практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более чем всякий иной, достоин их доверия. Из каких побуж-

дений выступает он на это искательство? Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу. Вообще, в наше время редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага; это натуры идеальные, а такие натуры не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского бытия. Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдет заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на выборных собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы. Такой человек раскрывает себя и силы в рабочем углу своем или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдет искать популярности на шумном рынке. Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые ее влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев. Лучшим людям, людям долга и чести противна выборная процедура, от нее не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистические натуры, желающие достигнуть личных своих целей. Такому человеку не стоит труда надеть на себя маску стремления к общественному благу, лишь бы приобрести популярность. Он не может и не должен быть скромн, ибо при скромности его не заметят, не станут говорить о нем. Своим положением и тою ролью, которую берет на себя, он вынуждается лицемерить и лгать; с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходиться, брататься, любезничать, чтобы приобрести их расположение, должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их, должен подлаживаться под самые пошлые наклонности и предрассудки массы для того, чтобы иметь большинство за себя. Какая честная натура решится принять на себя такую роль? Изобразите ее в романе – читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли.

Выборы – дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику. Кандидат не состоит в прямом отношении к своим избирателям. Между ним и избирателями посредствует комитет, самочинное учреждение, коего главною силою служит нахальство. Искатель представительства, если не имеет еще сам по себе известного имени, начинает с того, что подбирает себе кружок приятелей и споспешников; затем все вместе производят около себя ловлю, т. е. приискивают в местной аристократии богатых и не крепких разумом обывателей и успевают уверить их, что это их дело, их

право и преимущество стать во главе руководителями общественного мнения. Всегда находится достаточно глупых или наивных людей, поддающихся на эту удочку, и вот, за подписью их, появляется в газетах и наклеивается на столбах объявление, привлекающее массу, всегда падкую на следование за именами, титулами и капиталами. Вот каким путем образуется комитет, руководящий и овладевающий выборами – эта своего рода компания на акциях, вызванная к жизни учредителями. Состав комитета подбирается с обдуманном искусством: в нем одни служат действующей силой – люди энергические, преследующие во что бы ни стало материальную или тенденциозную цель; другие – наивные и легкомысленные статисты – составляют балласт. Организуются собрания, произносятся речи; здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает известность, нарождается кандидатом для будущих выборов или при благоприятных условиях сам выступает кандидатом, сталкивая того, за кого пришел вначале работать языком своим, фраза – и ни что иное, как фраза, господствует в этих собраниях. Толпа слушает лишь того, кто кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе понятия и наклонности.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а на самом деле избирается излюбленный меньшинства, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, тогда как большинство, как песок, ничем не связано, и потому бессильно перед кружком или партией. Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности падает на того, кто нахальнее суется вперед. Казалось бы, для кандидата существенно требуются образование, опытность, добросовестность в работе, а в действительности все эти качества могут и не быть; они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторою пошлостью, нередко действующею на массу. Скромность, соединенная с тонкостью чувства и мысли, для этого никуда не годится.

Так нарождается народный представитель, так приобретает его полномочие. Как он употребляет его, как им пользуется? Если натура у него энергическая, он захочет действовать и принимается образовывать партию; если он заурядной натуры, то сам примыкает к той или другой партии. Для предводителя партии требуется, прежде всего, сильная воля. Это свойство органическое, подобно физической

силе, и потому не предполагает непременно нравственные качества. При крайней ограниченности ума, при безграничном развитии эгоизма и самой злобы, при низости и бесчестности побуждений человек с сильной волей может стать предводителем партии и становится тогда руководящим, господственным главой кружка или собрания, хотя бы к нему принадлежали люди, далеко превосходящие его умственными и нравственными качествами. Вот какова по свойству своему бывает руководящая сила в парламенте. К ней присоединяется еще другая решительная сила – красноречие. Это тоже натуральная способность, не предполагающая ни нравственного характера, ни высокого духовного развития. Можно быть глубоким мыслителем, поэтом, искусным полководцем, тонким юристом, опытным законодателем и в то же время быть лишенным действенного слова; и наоборот, можно при самых заурядных умственных способностях и знаниях обладать особливим даром красноречия. Соединение этого дара с полнотою духовных сил есть редкое и исключительное явление в парламентской жизни. Самые блестящие импровизации, прославившие ораторов и соединенные с важными решениями, кажутся бледными и жалкими в чтении, подобно описанию сцен, разыгранных в прежнее время знаменитыми актерами и певцами. Опыт свидетельствует непрерываемо, что в больших собраниях решительное действие принадлежит не разумному, но бойкому и блестящему слову, что всего действительнее на массу не ясные, стройные аргументы, глубоко коренящиеся в существе дела, но громкие слова и фразы, искусно подобранные, усиленно натверженные и рассчитанные на инстинкты гладкой пошлости, всегда таящиеся в массе. Масса легко увлекается пустым вдохновением декламации и под влиянием порыва, часто бессознательного, способна приходить к внезапным решениям, о коих приходится сожалеть при хладнокровном обсуждении дела.

Итак, когда предводитель партии с сильной волей соединяет еще и дар красноречия, он выступает в своей первой роли на открытую сцену перед целым светом. Если же у него нет этого дара, он стоит, подобно режиссеру, за кулисами и направляет оттуда весь ход парламентского представления, распределяя роли, выпуская ораторов, которые говорят за него, употребляя в дело по усмотрению более тонкие, но нерешительные умы своей партии: они за него думают.

Что такое парламентская партия? По теории, это союз людей, одинаково мыслящих и соединяющих свои силы для совокупного осуществления своих воззрений в законодательстве и в направлении госу-

дарственной жизни. Но таковы бывают разве только мелкие кружки: большая, значительная в парламенте партия образуется лишь под влиянием личного честолюбия, группируясь около одного господствующего лица. Люди, по природе, делятся на две категории: одни не терпят над собою никакой власти, и потому необходимо стремятся господствовать сами; другие, по характеру своему страшась нести на себе ответственность, соединенную со всяким решительным действием, уклоняются от всякого решительного акта воли; эти последние как бы рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство. Таким образом, люди самые талантливые подчиняются охотно, с радостью складывая в чужие руки направление своих действий и нравственную ответственность. Они как бы инстинктивно "ищут вождя" и становятся послушными его орудиями, сохраняя уверенность, что он ведет их к победе и нередко к добыче. Итак, все существенные действия парламентаризма отправляются вождями партий: они ставят решения, они ведут борьбу и празднуют победу. Публичные заседания суть ни что иное, как представление для публики. Произносятся речи для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма: редкая речь вызывает сама по себе парламентское решение в важном деле. Речи служат к прославлению ораторов, к возвышению популярности, к составлению карьеры, но в редких случаях решают подбор голосов. Каково должно быть большинство, это решается обыкновенно вне заседания.

Таков сложный механизм парламентского лицедейства, таков образ великой политической лжи, господствующей в наше время. По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике господствуют пять – шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью. По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса. По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на практике они под предлогом народного блага и на счет его имеют в виду преимущественно личное благо свое и друзей своих. По теории – они должны быть из лучших, излюбленных граждан, на практике – это наиболее честолюбивые и нахальные граждане. По теории – избиратель подает голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике – избиратель дает голос за человека, которого по большей части совсем не знает, но о котором натверждено ему реча-

ми и криками заинтересованной партии. По теории – делами в парламенте управляют и двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике – главные движущие силы здесь – решительная воля, эгоизм и красноречие.

Вот каково в сущности это учреждение, выставляемое целью и венцом государственного устройства. Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят, не давая себе труда взглянуться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабеваает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться...

II.

Много зла наделали человечеству философы школы Ж. Ж. Руссо. Философия эта завладела умами, а между тем вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала.

На том же ложном основании стоит и господствующее ныне учение о совершенствах демократии и демократического правления. Эти совершенства предполагают совершенную способность массы уразуметь тонкие черты политического учения, явственно и раздельно присущие сознанию его проповедников. Эта ясность сознания доступна лишь немногим умам, составляющим аристократию интеллигенции; а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы – *vulgus*, и ее представления по необходимости будут "вульгарные".

Демократическая форма правления самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия ее суть проявления единой воли, без этого немислимо никакое правительство. Но в каком смысле множе-

ство людей или собрание народное может проявлять единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками вроде таких, например: "воля народная", "общественное мнение", "верховное решение нации", "глас народа – глас Божий" и т. п. Все эти фразы, конечно, должны означать, что великое множество людей по великому множеству вопросов может придти к одинаковому заключению и постановить сообразно с ним одинаковое решение. Пожалуй, это и бывает, возможно, но лишь по самым простым вопросам. Но когда с вопросом соединено хотя малейшее усложнение, решение его в многочисленном собрании возможно лишь при посредстве людей, способных обсудить его по всей сложности и затем убедить массу к принятию решения. К числу самых сложных принадлежат, например, политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных. В таких вопросах, очевидно, нет ни малейшей возможности рассчитывать на объединение мысли и воли в многолюдном народном собрании; решения массы в таких вопросах могут быть только гибельные для государства. Энтузиасты демократии уверяют себя, что народ может проявлять свою волю в делах государственных. Это пустая теория, на деле же мы видим, что народное собрание способно только принимать по увлечению мнение, выраженное одним человеком или некоторым числом людей; например, мнение известного предводителя партии, известного местного деятеля или организованной ассоциации, или, наконец, безразличное мнение того или другого влиятельного органа печати. Таким образом, процедура решения превращается в игру, совершающуюся на громадной арене множества голов и голосов; чем их более принимается в счет, тем более эта игра запутывается, тем более зависит от случайных и беспорядочных побуждений.

К избежанию и обходу всех этих затруднений изобретено средство – править посредством представительства, средство, организованное, прежде всего, и оправдавшее себя успехом в Англии. Отсюда, по установившейся моде, перешло оно и в другие страны Европы, но привилось с успехом, по прямому преданию и праву, лишь в Американских Соединенных Штатах. Однако и на родине своей, в Англии, представительные учреждения вступают в критическую эпоху своей истории. Самая сущность идеи этого представительства подверглась уже здесь изменению, извращающему первоначальное его значение. Дело в том, что с самого начала собрание избирателей, тесно ограни-

ченное, присылало от себя в парламент известное число лиц, долженствовавших представлять мнение страны в собрании, но не связанных никакою определенной инструкцией от массы своих избирателей. Предполагалось, что избраны люди, разумеющие истинные нужды страны своей и способные дать верное направление государственной политике. Задача разрешалась просто и ясно: требовалось уменьшить до возможного предела трудность народного правления, ограничив малым числом способных людей собрание, призванное к решению государственных вопросов. Люди эти являлись в качестве свободных представителей народа, а не того или другого мнения, той или другой партии, не связанные никакою инструкцией. Но с течением времени мало-помалу эта систему изменилась под влиянием того же рокового предрассудка о великом значении общественного мнения, просвещаемого будто бы периодическою печатью и дающего массе народной способность иметь прямое участие в решении политических вопросов. Понятие о представительстве совершенно изменило свой вид, превратившись в понятие о мандате или определенном поручении. В этом смысле каждый избранный в той или другой местности почитается уже представителем мнения, в той местности господствующего, или партии, под знаменем этого мнения одержавшей победу на выборах, это уже не представитель от страны или народа, но делегат, связанный инструкцией от своей партии. Это изменение в самом существе идеи представительства послужило началом язвы, разъедающей всю систему представительного правления. Выборы с раздроблением партий приняли характер личной борьбы местных интересов и мнений, отрешенной от основной идеи о пользе государственной. При крайнем умножении числа членов собрания большинство их, помимо интереса борьбы и партий, заражается равнодушием к общественному делу и теряет привычку присутствовать во всех заседаниях и участвовать непосредственно в обсуждении всех дел. Таким образом, дело законодательства и общего направления политики, самое важное для государства, превращается в игру, состоящую из условных формальностей, сделок и фикций. Система представительства сама себя оболживила на деле.

Эти плачевные результаты всего явственнее обнаруживаются там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но включает в себе разнородные национальности. Национализм в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления. При-

мечательно, что начало национальности выступило вперед и стало движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии. Довольно трудно определить существо этой новой силы и тех целей, к каким она стремится, но несомненно, что в ней – источник великой и сложной борьбы, которая предстоит еще в истории человечества, и неведомо к какому приведет исходу. Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание иметь свое самостоятельное управление со своею, нередко мнимой, культурой. И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своем, отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особою политической жизнью. Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы и не одною только силой, но и уравниванием прав и отношений под одною властью. Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для нее разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей – не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению. Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление – очевидным тому примером служит в наши дни австрийский парламент. Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при ее разноплеменном составе. Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар – все-российский парламент! Да не будет.

III.

Указывают на Англию, но к этим указаниям можно бы, кажется, применить пословицу "Слышали звон, да не знают, где он". Социальная наука в последнее время принялась вскрывать исторические и экономические ключи, откуда истекают особливые учреждения англосаксонской и отчасти скандинавской расы, сравнительно с учреждениями остальных европейских народов. Англосаксонское племя, с тех пор, как заявило себя в истории и доньше, отличается крепким развитием самостоятельной личности. И в сфере политической,

и в экономической этому свойству англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и теми несравненными успехами, коих оно достигло своею энергетическою деятельностью и влиянием своим в обоих полушариях. Этой энергией личности успело оно в начале своей истории осилить чуждые норманнские обычаи своих победителей и утвердить быт свой на своих началах, которые сохраняются и доныне. Существенное отличие этого быта состоит в отношении каждого гражданина к государству. Каждый привыкает с юности сам собою держаться, сам устраивать судьбу свою и добывать себе хлеб насущный. Родители не обременены заботой об устройстве судьбы детей своих и об оставлении им наследства. Землевладельцы держатся своих имений и сами стремятся вести на них хозяйство и промыслы. Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле. Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения. Вот на каком корне сами собою исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот почему ее парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землею; вот почему и голос их может считаться, в достаточной мере, голосом земли и органом национальных интересов.

Прочие народы Европы образовались и выросли совсем на ином основании, на основании общинного быта. Свойство его состоит в том, что человек не столько сам собою держится, сколько своею солидарностью с тем или другим общественным союзом, к которому принадлежит. Отсюда, с ходом общественного и государственного развития, слагается особливая зависимость человека от того или иного семейного или общественного союза, и в конце концов, от государства. Эти союзы, быв вначале крепкими учреждениями – семейными, политическими, религиозными, общественными – крепко держали человека в его жизни и деятельности, и ими, в свою очередь, делалось все общественное и государственное устройство. Но эти союзы с течением времени или распались, или утратили свое некоторое господственное значение, однако люди продолжают по-прежнему искать себе опоры и устройства судьбы своей и благосостояния – в семье своей, в своей корпорации и, наконец, в государственной власти (все равно, монархической или республиканской), возлагая на нее

же вину своих бедствий, когда этой опоры по желанию своему не находят. Словом сказать, человек стремится к одной из этих властей пристроить себя и судьбу свою. Отсюда, в таком состоянии общества, оскудение людей самостоятельных и независимых, людей, которые сами держатся на ногах своих и знают, куда идут, составляя в государстве силу, служащую ему опорой, и напротив того, крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его соками, и не столько дают ему силы, сколько от него требуют. Отсюда крайнее развитие в таких обществах, с одной стороны, чиновничества, с другой – так называемых либеральных профессий. Отсюда, при ослаблении в нравах самодеятельности крайнее усложнение отправления государственной и законодательной власти, принимающей на себя заботу о многом, о чем каждый для себя должен бы заботиться. В таком состоянии общество мало-помалу подготавливает у себя благоприятную почву для развития социализма, и привычка возлагать на государство заботу о благосостоянии всех и каждого обращается, наконец, в безумную теорию социализма государственного. В таких-то условиях своего социального развития все континентальные государства с англосаксонского образца учредили у себя представительное правление, иные еще при всеобщей подаче голосов. Очевидно, что при описанном составе общества и при легком отношении его к общественному делу оно не может выделить из себя истинных, верных представителей земли и прямых ее интересов. Отсюда печальная судьба таких представительных собраний и тяжкое, безысходное положение власти правительственной, которая неразрывно с ними связана, и народа, судьбы коего от них зависят.

Что же сказать о народах славянского племени, отличающихся особливим у себя развитием общинного быта, при крайней юности своей культуры, о Румынии и о несчастной Греции? Сюда, поистине, представительные учреждения внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя в иных случаях жалкую карикатуру Запада, напоминающую басню Крылова "Мартышка и очки".

IV.

Величайшее зло конституционного порядка состоит в образовании министерства на парламентских или партийных началах. Каждая политическая партия одержима стремлением захватить в свои руки правительственную власть, и к ней пробирается. Глава государства уступает политической партии, составляющей большинство в парламенте; в таком случае министерство образуется из членов этой партии и ра-

ди удержания власти начинает борьбу с оппозицией, которая усиливается низвергнуть его и вступить на его место. Но если глава государства склоняется не к большинству, а к меньшинству, и из него избирает свое министерство, в таком случае новое правительство выпускает парламент и употребляет все усилия к тому, чтобы составить себе большинство при новых выборах и с помощью его вести борьбу с оппозицией. Сторонники министерской партии подают голос всегда за правительство; им приходится во всяком случае стоять за него — не ради поддержания власти, не из-за внутреннего согласия в мнениях, но потому, что это правительство само держит членов своей партии во власти и во всех сопряженных со властью преимуществах, выгодах и прибылях. Вообще, существенный мотив каждой партии — стоять за своих во что бы то ни стало или из-за взаимного интереса, или просто в силу того стадного инстинкта, который побуждает людей разделяться на дружины и лезть в бой стена на стену. Очевидно, что согласие в мнениях имеет в этом случае очень слабое значение, а забота об общественном благе служит прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов. И это называется идеалом парламентского правления. Люди обманывают себя, думая, что оно служит обеспечением свободы. Вместо неограниченной власти монарха мы получаем неограниченную власть парламента с той разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли, а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством; но как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента. Тем еще менее можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от нее. Напротив того, именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею развращается, ибо главный мотив этой игры есть стремление к власти и к наживе. Политическая свобода становится фикцией, поддерживаемой на бумаге параграфами и фразами конституции; начало монархической власти совсем пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяя беспорядок и насилие в обществе, вместе с началами безверия и материализма, провозглашая свободу, равенство и братство — там, где нет уже места ни свободе, ни равенству. Такое состояние ведет неотразимо к анархии, от которой общество спасается одной лишь диктатурой, т. е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении».

*М. И. Катков. Из передовых статей
«Московских ведомостей» за 1963 г.¹*

«Москва, 12 апреля. Мы называем себя верноподданными. Мы воздаем должный почет Царю как верховному лицу, от которого все зависит и все исходит. Но не в эти ли минуты понимаем мы все значение Царя в народной жизни? Не чувствуем ли мы теперь с полным убеждением и ясностью зиждительную силу этого начала, не чувствуем ли, в какой глубине оно коренится, и как им держится, как замыкается им вся сила народного единства? Кому не ясно теперь, как дорого это начало для всякого гражданина, любящего свое отечество? В ком живо сказалось единство отечества, в том с равною живостью и силою сказалась идея Царя; всякий почувствовал, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свои обычаи; есть целые страны с своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в единстве государства, в единстве верховной власти – в Царе, в живом всеповершающем олицетворении этого единства.

В России есть господствующая церковь, но в ней же есть множество всяких исключаяющих друг друга верований. Однако все это разнообразие бесчисленных верований, соединяющих и разделяющих людей, покрывается одним общим началом государственного единства. Разноплеменные и разноверные люди одинаково чувствуют себя членами одного государственного целого, подданными одной верховной власти. Все разнородное в общем составе России, все, что, может быть, исключает друг друга и враждует друг с другом, сливается в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду, где имеет силу Царь Русской земли. Никакие изменения в нашем политическом быте не могут умалить или ослабить значение этой идеи. Все

¹ Приведено по: Катков М. И. Собрание передовых статей «Московских ведомостей», 1863 г. М. 1897. С. 67.

преобразования, какие совершаются и будут совершаться у нас, могут послужить только к ее возвышению и усилению...»

«**Москва, 22 апреля.** Нельзя сказать, чтобы Россия до сих пор поступала слишком стремительно и слишком увлекалась патриотическим пылом своих обитателей. Никак нельзя сказать, чтобы до сих пор наша печать обнаружила чрезмерную раздражительность народного чувства под влиянием тех угроз и оскорблений, которые сыпались на наше общество со всех сторон, в то время когда оно менее чем когда-либо заслуживало подобного обращения. Увы! Напротив, наше равнодушие, наше молчание, наше непоколебимое спокойствие удивило иностранцев и послужило для них признаком (к счастью, обманчивым) нашего полного нравственного упадка.

И в печати, и в законодательных собраниях одним из самых сильных аргументов против нас было то, что Россия будто бы находится теперь в совершенном разложении, что целые классы народонаселения исполнены революционных элементов, что внутри Империи готово вспыхнуть повсеместное восстание, что целые области ежеминутно готовы отложиться, и что при малейшем толчке все это громадное тело рассыплется в прах.

К стыду нашему, иностранцы на этот раз не из ничего сочиняли свои взгляды на Россию: кроме обильного материала, доставлявшегося им польскими агитаторами, иностранцы могли черпать данные для своих заключений и в русских источниках. Никогда, нигде умственный разврат не доходил до такого безобразия, как в некоторых явлениях русского происхождения. Для иностранцев довольно было иметь хотя бы поверхностное понятие о том, что печаталось по-русски, например, в Лондоне, и знать при том, что весь этот отвратительный сумбур, невозможный ни в какой литературе, пользовался в России большим кредитом, что русские люди разных сословий пилигримствовали к этим вольноотпущенным сумасшедшего дома, питались их мудростью и возлагали на них надежды в деле обновления своего отечества.

До иностранцев доходили слухи о не менее диких явлениях во внутренней русской литературе, развивающейся под благословением цензуры, о состоянии наших учебных заведений, об удивительных проектах перестройки всех существующих отношений, о процветании всевозможных бредней, какие когда-либо и где-либо приходили в голову эксцентрическим и больным умам, и о том, что все эти нелепости не встречали себе сильного противодействия в общественной среде, и иностранцы заключали, что в этой среде нет ни духа, ни силы, что наш

народ вырожден, что он лишен всякой будущности. Стоило любому иностранному наблюдателю, а таких не могло не быть в канцеляриях разных европейских посольств, стоило немного прислушаться к тому, что серьезно говорилось в Петербурге, присмотреться к тому, что там делалось вокруг, чтобы вынести полное убеждение в совершенном разложении нашего общественного организма. Мог ли иностранный обозреватель подозревать, что атмосфера, в которой он производил свои наблюдения, есть атмосфера фальшивая? Мог ли он думать, что все это не более как кошмар, сон дурной ночи, причиненный неумеренным употреблением гашиша? Прежде Россия была для иностранного наблюдателя страной загадок, — и действительно ни об одной стране не было столько мифических сказаний, как о России. Но в последнее время наблюдатель считал себя вправе думать, что слово загадки найдено, и что таинственная страна стала ему ясна во всей своей безнадежности. Иностранный наблюдатель крепко уверился, что Россия есть призрак, и должна исчезнуть как призрак. Если же в нем оставалось какое-нибудь сомнение в этом, то оно должно было уступить заявлениям *русских агитаторов*. Наши агитаторы сначала выставляли себя только ожесточенными противниками правительства и пламенными друзьями народа, и обещали ему фантастические благополучия, подобно революционерам всех стран и народов. Иностранный наблюдатель видел в этом явлении более или менее ему знакомое, и, не объясняя себе причин, удивлялся только тому, что весь этот вздор в русской цивилизации пользуется кредитом. Но вот теперь дело становится ему яснее и убедительнее. Наши революционеры обнажили перед ним все красоты свои, и он отступает перед этою картиной со стыдом и омерзением. Он видит перед собою нечто небывалое и неслыханное. В иностранных газетах приводятся избранные красоты из русско-лондонских изданий, в которых еще так недавно, к стыду нашему, многие русские люди слышали призывный голос обновляющейся России, и иностранные публицисты вчуже приходят в негодование, цитируя места из "Колокола", и вчуже до некоторой степени отстаивают если не нынешнее, то, по крайней мере, прошлое значение русского народа от нареканий со стороны его собственных вырожденков. Мало того, что эти вырожденки перешли открыто в лагерь врагов России, мало того, что они всячески стараются пособлять польскому восстанию, и осыпают циническими ругательствами русских, выразивших за границей робкое сочувствие русскому делу подпискою в пользу раненых русских воинов, — они ругаются над русским народом вообще...».

Материалы к семинарскому занятию
«Программные документы народнических организаций –
источник изучения мировоззрения и системы ценностных
ориентаций русской радикальной интеллигенции»

С. Г. Нечаев. «Катехизис революционера» (апрель – август 1869 г.)¹

«Отношение революционера к самому себе.

1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

2. Он в глубине своего существа не на словах только, а на деле разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то только для того, чтобы его вернее разрушить.

3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказывается от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения. Для этого, и только для этого, он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает он денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя, во всех возможных слоях. Цель же одна – наискорейшее и наивернейшее разрушение этого поганого строя.

4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции.

5. Революционер – человек обреченный. Беспощадный для государства и вообще для всего сословно-образованного общества, он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует или тайная, или явная, но непрерывная и непримиримая война не на жизнь, а на смерть. Он каждый день должен быть готов к смерти. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 244–248.

6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение – успех революции. Денно и ночью должна быть у него одна мысль, одна цель – беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неутомимо к этой цели, он должен быть всегда готов и сам погибнуть и погубить своими руками всё, что мешает ее достижению.

7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции.

8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционером, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи-революционеры, стоящие на одинаковой степени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать их единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

10. У каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных. На них он должен смотреть, как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой

капитал, которым он сам и один, без согласия всего товарищества вполне посвященных, распоряжаться не может.

11. Когда товарищ попадает в беду, решая вопрос, спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем – с одной стороны, а с другой – трату революционных сил, потребных на его избавление, и на которую сторону перетянет, так и должен решить.

12. Принятие нового члена, заявившего о себе не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

Отношение революционера к обществу.

13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-нибудь человека, принадлежащего к этому миру, в котором – всё и все должны быть ему ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения – он не революционер, если они могут остановить его руку.

14. С целью беспощадного разрушения революционер может, и даже часто должен, жить в обществе, притворясь совсем не тем, что он есть. Революционеры должны проникнуть всюду, во все слои, высшие и средние, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в третье отделение и даже в Зимний дворец.

15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие нумера убрались прежде последующих.

16. При составлении такого списка и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти ... полезными, способствуя к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерою пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны

быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, и такие, внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство, и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

17. Вторая категория должна состоять именно из тех людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов, или личностей, не отличающихся особенным умом и энергиею, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием и силою. Надо их эксплуатировать всевозможными путями: опутать их, сбить их с толку, и, овладев, по возможности, их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, связи, богатство и сила сделаются, таким образом, неистощимой сокровищницей и сильной помощью для разных революционных предприятий.

19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так, чтоб возврат был для них невозможен, и их руками мутить государство.

20. Пятая категория – доктринеры, конспираторы и революционеры в праздно глаголющих кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практичные головоломные занятия, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

21. Шестая и важная категория – женщины, которых должно разделить на три главных разряда. Одни – пустые, бессмысленные и бездушные, которыми можно пользоваться как третьей и четвертой категорией мужчин. Другие – горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесфразного и фактического революционного понимания. Их должно употреблять как мужчин пятой категории. Наконец, женщины совсем наши, то есть вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Они нам товарищи. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшее сокровище наше, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение революционера к народу.

22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. Но убежденное

в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможно только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобращению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию.

23. Под революциею народною товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образцу – движение, которое, всегда останавливаясь перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другою и стремились создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России.

24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, вырабатывается из народного движения и жизни. Но это – дело будущих поколений. Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

25. Поэтому, сближаясь с народом, мы, прежде всего, должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-миroeда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу – вот вся наша организация, конспирация, задача».

Устав организации «Земля и воля» (дополненная редакция 1876 г.)¹

«§ 1. Организация имеет своею ближайшею целью осуществление народного восстания, в возможно ближайшем будущем, во имя народных желаний, каковы они есть в данную минуту.

§ 2. До первого конгресса (§ 41) организация представляет собою "основной кружок" тесно сплоченных между собою людей. Кружок

¹ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 41–43 .

этот делится на группы или общины, как территориальные, так и по специальностям (§ 26–30).

Примеч.: Избрание той или другой местности для деятельности известной группы, а также составление групп по специальностям определяется программой кружка.

А. Основные принципы организации.

§ 3. Безусловное принесение каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий, и даже своей жизни.

§ 4. Согласие каждого члена с общею программой практической деятельности и обязательство действовать в ее духе.

§ 5. Отсутствие частной собственности среди членов основного кружка.

§ 6. Соблюдение полнейшей тайны относительно всех внутренних дел организации.

§ 7. Подчинение меньшинства большинству и члена кружку.

§ 8. Так как организация имеет в виду сплочение всех полезных делу русских революционных сил, то во всех делах организации по возможности исключаются личные симпатии и антипатии к людям, как непереносимое условие совместной деятельности.

§ 9. Цель оправдывает средства.

Примеч.: Исключая тех случаев, когда употребленные средства могут подрывать авторитет организации (§ 14).

Б. Ближайшие задачи основного кружка.

§ 10. Образование групп территориальных и по специальностям, признаваемых необходимыми общею программой деятельности основного кружка.

§ 11. Привлечение в организацию возможно большего количества революционных сил, средств и связей.

§ 12. Контроль за деятельностью всех групп и каждого члена в отдельности.

Примеч.: Личная жизнь каждого настолько подлежит общему контролю, насколько это может представиться важным в данном практическом случае.

В. Обязанности и взаимные отношения членов основного кружка.

§ 13. Все члены основного кружка совершенно полноправны.

§ 14. Каждый член основного кружка обязан всеми силами поддерживать честь и влияние как всей организации, так и отдельных членов ее.

§ 15. В случае каких-либо личных столкновений между членами основного кружка дело решается третейским судом из членов основного же кружка. Решение этого суда обязательно для тяжущихся.

§ 16. Члены основного кружка, с которыми связано обществ[енное] имущество или соединены какие-нибудь важные связи, должны беречь себя и по возможности не принимать участия в опасных предприятиях.

§ 17. Каждый член основного кружка избирает себе род деятельности или вступает в ту или другую группу по собственному влечению; в тех же случаях, когда для известной функции не находится желающих исполнять ее по собственному влечению, кружок может обязать принять на себя эту функцию всякого, на кого падет его выбор (большинством).

§ 18. Каждый член основного кружка, состоящий в какой-либо группе или при какой-либо специальности, если пожелает оставить эту группу или эту специальность, должен заявить о своем намерении основному кружку по крайней мере за два месяца, и до истечения этого срока он не вправе покидать свое место.

Примеч.: Понятно, это обязательно в том только случае, когда присутствие кого-либо из членов основного кружка на данном месте необходимо...

Д. Состав групп, их задачи и организация.

§ 26. Количество и характер групп определяются общемою программой кружка.

§ 27. Задачи групп – выполнение частей общей программы кружка и предприятий, которые ею предусматриваются.

§ 28. Группы пользуются полной самостоятельностью в своих местных и внутренних делах.

§ 29. Внутренняя организация каждой группы может быть своеобразна; но члены основного кружка, входящие в состав местных или специальных групп, сохраняя в тайне свое участие в основном кружке, стараются создать организацию групп в духе и в интересах основного кружка.

Примеч. Свои отношения к основному кружку они объясняют членам группы, как отношения 2-х групп, связуемых через их посредство.

§ 30. Группы, как территориальные, так и по специальностям, образуются членами основного кружка или членами-сепаратистами (§ 31), которые соединяют вокруг себя полезных и умелых людей и вступают с ними в обязательные отношения. <...>

И. О сношениях.

§ 45. Наилучшею формою сношений кружком признаются личные свидания и сообщения: но так как подобного рода сношения не всегда возможны, то в таких случаях допускается шифрованная переписка через верные адреса.

§ 46. В случаях же особенной важности никакая переписка отнюдь не должна быть допускаема: все дело должно вестись через прямое посредство своих людей.

§ 47. Члены основного кружка, состоявшие в местных или специальных группах, должны стараться о том, чтобы вся переписка группы возлагалась на лиц, наиболее практичных и опытных в этом деле.

§ 48. Шифры и пароли, существующие для сношений между членами основного кружка, не должны быть известны никому, кроме членов основного кружка.

§ 49. Изменение устава и внесение в него поправок и дополнений может быть делаяемо не иначе, как с ведома и согласия по крайней мере 2/3 всего числа членов основного кружка.

§ 50. Следовать этому уставу обязательно для каждого из членов основного кружка».

***Устав Исполнительного комитета партии «Народная воля»
(редакция Н. А. Морозова)¹¹***

«§ 1. В Исполнительный комитет может поступать только тот, кто согласится отдать в его распоряжение всю свою жизнь и все свое имущество безвозвратно, а потому и об условиях выхода из него не может быть и речи.

§ 2. Всякий новый член Исполнительного комитета предлагается под ручательством трех его членов. В случае возражений на каждый отрицательный голос должно быть не менее трех положительных.

§ 3. Каждому вступающему читается этот устав по параграфам. Если он не согласится на какой-нибудь параграф, дальнейшее чтение

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 347–349.

должно быть тотчас же прекращено, и баллотирующийся может быть отпущен только после того, как даст слово хранить в тайне все, что ему сделалось известно во время чтения, до конца своей жизни. При этом ему объявляется, что с нарушившим слово должно быть поступлено, как с предателем.

§ 4. Члену Исполнительного комитета может быть дан отпуск, срочный или на неопределенное время, по решению большинства, но с обязательством хранить в тайне все, что ему известно. В противном случае он должен считаться за изменника.

§ 5. Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний, и ни в каком случае не может назвать себя членом Комитета. Комитет должен быть невидим и недостижим. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую свою связь с Комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества.

§ 6. Член Комитета имеет право с ведома организации поступать в члены посторонних тайных обществ, чтоб по возможности направлять их деятельность в духе Комитета или привлекать их к нему в вассальные отношения. При этом он имеет право хранить в тайне их дела, пока они не вредят целям Комитета, а в противном случае немедленно должен выйти из такого общества.

§ 7. Никто не имеет права назвать себя членом Исполнительного комитета вне его самого. В присутствии посторонних он должен называть себя лишь его агентом.

§ 8. Для заведывания органом Исполнительного комитета выбирается на общем съезде редакция, число членов которой определяется каждый раз особо.

§ 9. Для заведывания текущими практическими делами выбирается распорядительная комиссия из трех человек и двух кандидатов в нее на случай ареста какого-либо из трех до нового общего съезда. Комиссия должна лишь строго исполнять постановление съездов, не отступая от программы и устава.

§ 10. Для хранения документов, денежных сумм и т. д. назначается секретарь, который должен держать в тайне место, где они хранятся.

§ 11. Член Исполнительного комитета может привлекать посторонних сочувствующих лиц к себе в агенты с согласия распорядительной комиссии. Агенты эти могут быть первой степени – с мень-

шим доверием, и второй – с большим, а сам член Исполнительного комитета называет себя перед ними агентом третьей степени».

***Программа организации «Земля и воля»
(окончательная редакция, апрель 1878 г.)¹***

«Конечный политический и экономический наш идеал – анархия и коллективизм. Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельною и сильною только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историею экономического и политического народного идеала, а с другой – что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что, если бы желания и стремления народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в России, мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т. е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту.

По нашему мнению, они сводятся к четырем главнейшим пунктам:

1. Правовые народные воззрения признают несправедливым тот порядок, при котором земля находится во владении тех, которые ее не обрабатывают. По народному понятию, "земля – божья", и каждый земледелец имеет право на землю в том количестве, которое он своим трудом может обработать. Поэтому мы должны требовать перехода всей земли в руки сельского рабочего сословия и равномерного ее распределения. (Мы убеждены, что две трети России будут владеть землею на общинном начале).

2. Что касается политического идеала, то мы признаем, что в русском народе существует стремление к полному мирскому самоуправлению, хотя относительно междуобщинных и внешних отношений вряд ли существуют в народе одинаковые определенные воззрения. По нашему мнению, каждый союз общин определит сам, какую долю общественных функций он отдаст тому правительству, которое каждая из них образует для себя. Наша обязанность только стараться уменьшить возможно более эту долю.

3. В области религиозной в народе русском замечается веротерпимость и вообще стремление к религиозной свободе, поэтому мы должны добиваться полнейшей свободы исповеданий.

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 395–397.

4. В состав теперешней "Российской империи входят" такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, каковы, например: Малороссия, Польша, Кавказ и проч. Следовательно, наша обязанность – содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желаниям.

Таким образом, "Земля и Воля", служившая девизом стольких народных движений, служившая принципом организации при заселении тех наших окраин, куда еще не проникало влияние современного этим заселениям русского правительства, эта формула, по нашему мнению, и теперь служит наилучшим выражением народных взглядов на владение землею и устройство своего общежития. Признавая невозможным привить народу, при настоящих условиях, другие, с точки зрения отвлеченной, может быть, и лучшие идеалы, мы решаемся написать на своем знамени исторически выработанную формулу "Земля и Воля".

Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота и притом возможно скорейшего, так как развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь (благодаря протекторату и стараниям русского правительства) разных язв буржуазной цивилизации угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания по вышеуказанным вопросам.

Указанное противоречие между народным идеалом и требованиями правительства создавало и создает в России ту массу крупных и мелких народных движений, сект религиозно-революционного характера, а подчас и разбойничьих шаек, которые выражают собою активный протест русского народа против существующего порядка. Но эта борьба с организованной силой государства ... оказывается слишком неравною, тем более, что народ в значительном большинстве разьединен и так обставлен со стороны разных властей, а главным образом со стороны экономической, что ему и очень мудрено подготовить и противопоставить правительственной организации широкую народную организацию.

Из предыдущего вытекают две главные общие задачи, на которые должно быть устремлено все внимание русской соц[иально]-революционной партии:

1) помочь организоваться элементам недовольства в народе и слиться с существующими уже народными организациями революционного характера, агитацией же усилить интенсивность этого недовольства и

2) ослабить, расшатать, т. е. дезорганизовать силу государства, без чего, по нашему мнению, не будет обеспечен успех никакого, даже самого широкого и хорошо задуманного плана восстания.

Отсюда таковы наши ближайшие практические задачи:

А. Часть организаторская.

а) Тесная и стройная организация уже готовых революционеров, согласных действовать в духе нашей программы, как из среды интеллигенции, так и из среды находившихся в непосредственном соприкосновении с нею рабочих.

б) Сближение и даже слияние с враждебными правительству сектами религиозно-революционного характера, каковы, например, бегуны, неплательщики, штунда и проч.

в) Заведение возможно более широких и прочных связей в местностях, где недовольство наиболее заострено, и устройство прочных поселений и притонов среди крестьянского населения этих районов.

г) Привлечение на свою сторону по временам появляющихся в разных местах разбойничьих шаяк типа понизовой вольницы.

д) Заведение сношений и связей в центрах скопления промышленных рабочих, заводских и фабричных.

Деятельность людей, взявшихся за исполнение этих пунктов, должна заключаться, в видах заострения и обобщения народных стремлений, в агитации в самом широком смысле этого слова, начиная с легального протеста против местных властей и кончая вооруженным восстанием, т. е. бунтом. В личных знакомствах, как с рабочими, так и с крестьянами (в особенности с раскольниками) агитаторы, конечно, не могут отрицать важности обмена идей и пропаганды.

е) Пропаганда и агитация в университетских центрах среди интеллигенции, которая в первое время является главным контингентом для пополнения рядов нашей организации и отчасти источником средств.

ж) Заведение связей с либералами с целью их эксплуатации в свою пользу.

3) Пропаганда наших идей и агитация литературою: издание собственного органа и распространение листовок зажигательного характера в возможно большем количестве.

Б. Часть дезорганизаторская.

а) Заведение связей и своей организации в войсках и главным образом среди офицерства.

б) Привлечение на свою сторону лиц, служащих в тех или других правительственных учреждениях.

в) Систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок».

Программа Исполнительного комитета партии «Народная воля»¹

«По основным своим убеждениям мы – социалисты и народники. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а, стало быть, и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, проходит предварительно через сознание и волю народа. Народное благо и народная воля – два наши священнейшие и непрерывно связанные принципа.

1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства, экономического и политического. Как рабочий – он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин – он лишен всяких прав; вся русская действительность не только не соответствует его воле, но он даже не смеет ее высказывать и формулировать, он не имеет возможности даже думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до тупости, забитости, нищенства, до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, поли-

¹ Литература партии «Народная воля». С. 49–51.

цейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемые, его старые, традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей - снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-первых, того, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его воле и наклонностям; во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, общие нам и народу.

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным остановиться именно на ней.

3) Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному Собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей.

Подчиняясь вполне народной воле, мы, тем не менее, как партия, сочтем долгом явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее будем защищать в Учредительном Собрании. Эта программа следующая:

- 1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;
- 2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;
- 3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы;
- 4) принадлежность земли народу;
- 5) система мер, имеющих передать в руки рабочих нее фабрики и заводы;
- 6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;
- 7) всеобщее избирательное право, без сословных и имущественных ограничений;
- 8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу, и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие.

Ввиду изложенных целей деятельность партии располагается в следующих отделах:

- 1) Деятельность пропагандистская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризовать во всех слоях населения идею демократического политического переворота как средства социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии. Критика существующего строя, изложение и уяснения переворота и общественной реформы составляет сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись и наивозможно широких размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного Собрания. Формами протеста могут быть сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адреса, отказ от уплаты податей и пр.

- 2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в заговоре партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со

стороны правительства, администрации и т.п. имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к делу силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федеративного союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях населения. По отношению к перевороту особенно важны администрация и войско. Не менее серьезное внимание партия должна обратить на народ. Главная задача партии в народе – подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто-народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения. Ввиду этого каждый член партии в народе должен стремиться занять такое положение, чтобы иметь возможность защищать крестьянские интересы, помогать их нуждам, приобрести известность честного и благожелательного крестьянству человека и поддерживать в народе репутацию партии, защищать ее идеи и цели.

5) Организация и совершение переворота.

Ввиду придавленности народа, ввиду того, что правительство частными усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее. <...>

6) Избирательная агитация при созвании Учредительного Собрания.

Каким бы путем ни произошел переворот – как результат самостоятельной революции или при помощи заговора – обязанность пар-

тии – способствовать немедленному созыву Учредительного Собрания и передаче ему власти Временного Правительства, созданного революцией или заговором. При избирательной агитации партия должна всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто-мирских людей.

Руководящие принципы действий Исполнительного Комитета определяются отношением лиц и общественных групп таким образом:

1) По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным.

2) Все оппозиционные элементы, даже не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту.

3) Лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными: их личность и имущество – неприкосновенны.

4) Лица и общественные группы, сознательно и деятельно помогающие правительству в нашей с ним борьбе, как вышедшие из нейтралитета, принимаются за врага».

Н. А. Морозов. «Террористическая борьба»¹

«Подобно тому, как первоначальные силы природы просты и немногочисленны, но проявляются в миллионах самых разнообразных и причудливых форм, так и внутренние причины революции вечно одни и те же, хотя каждый раз она является в мире в новом неожиданном виде.

Когда в глубокой древности могучие леса покрывали современную Европу, и только одинокие замки феодалов возвышались здесь и там, отделенные друг от друга громадными пространствами; когда больших городов было немного и армии королей не достигали значительных размеров; когда пути сообщения были одинаковы и для королевского войска, и для восставшего народа, а вооружение было с обеих сторон почти одно и то же, – революционные движения проявлялись в форме больших крестьянских восстаний... Но время шло, – феодализм, дробивший средневековое государство, мало помалу падал, короли получили в свое распоряжение громадные материальные средства и войска, сгущение населения и поднятие уровня потребностей цивилизованных классов привели к улучшению путей сообще-

¹ Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. С. 413–415.

ния между центрами и провинцией, – и крестьянские движения стали подавляться в самом их зародыше.

Между тем развитие мануфактуры привело к скоплению рабочего люда в городах, и центр революционной жизни перешел к городскому населению. Кривые, узкие, извилистые улицы и переулки прежних городских предместий, стиснутые, как ущелья, между рядами противоположных домов, из окон которых могли просовываться с одной стороны на другую жерди для просушки белья, как нарочно были созданы для баррикад. Многочисленность трудящегося народа, его близость к центру врагов и происходящая отсюда возможность нанести им решительный удар увеличивали вероятность победы и давали восставшему народу уверенность в своих силах.

И вот победоносная революция пронеслась в новом виде над миром, разбивая старые цепи, разрывая прежние путы и ниспровергая в прах отжившие кумиры.

В настоящее время в беспредельных равнинах России, с ее редкими деревнями и сравнительно незначительными рабочими городками, где разрозненность крестьянского населения мешает сорганизоваться большому деревенскому восстанию, а незначительность городского пролетариата не представляла до сих пор серьезной опасности для правительства, начинающаяся революция приняла совершенно своеобразные формы. Лишенная возможности проявиться в деревенском или городском восстании, она выразилась в "террористическом движении" интеллигентной молодежи.

И крестьянские движения, и восстания городского пролетариата, и современная борьба интеллигенции с правительством в России, все это только разные формы одной и той же революции. Вечно одна и та же, она только меняла свои формы сообразно условиям времени.

Как каждая революция начиналась с развития подготовительных идей, так и русское движение проявилось, прежде всего, в самоотверженной проповеди нового идеально-прекрасного строя жизни. Начавшись в 1872 г. пропагандой среди рабочего населения Петербурга, это движение вскоре перешло к провинциальному населению. В крестьянской сермяге, с посохом в руках и котомкой книг за плечами, отряхнув с ног прах дряхлого мира, шли пропагандисты по селениям и деревням своей необозримой родины. Не было губернии, куда не заходили бы они со своею проповедью. Движение быстро росло, и летом 1874 г. пропаганда охватила почти всю Европейскую Россию. Но как ни неожиданно было это движение для правительства, послед-

нее немедленно приняло против него свои меры, и к концу 1874 г. почти все пропагандисты томились в казематах в ожидании ссылки, каторги или бесконечного заключения в центральных тюрьмах.

В 1875 г., потерпев окончательное поражение в деревнях, движение снова направилось к городскому люду для того, чтобы действовать через него в деревне, но и здесь оно было задушено правительством; почти все пропагандисты этого периода и рабочие, следовавшие за ними, были схвачены при первых шагах своей деятельности...

В 1876–1877 гг. настало затишье, изредка прерываемое противоправительственными демонстрациями мирного характера и двумя — тремя революционными попытками в том или другом направлении. Продолжать прежний путь, не обращая внимания на преследования правительства, было очевидно невозможно. Волей-неволей приходилось сводить с ним счеты. И вот мало-помалу начались таинственные убийства правительственных деятелей.

24 января 1878 г. раздался выстрел в петербургского градоначальника Трепова в его приемной; этот выстрел сделался точкой перелома во всей последующей борьбе. Начиная с этого момента, движение определялось и пошло почти без уклонений к своей уже ясно поставленной цели. Не известные ни обществу, ни правительству личности все чаще и чаще стали появляться, словно из-под земли, и устранять с дороги того или другого из правительственных деятелей. Совершив казнь, они исчезали без следа. Так были убиты Мезенцев, Кропоткин, Рейнштейн и несколько других... Ни обыски, ни аресты, массами практикуемые правительством, не привели ни к чему. Правительство решилось испытать систему белого террора и приговорило бежавшего из ссылки Бобохова к повешению... Как бы в ответ на этот зверский приговор на следующий же день раздался выстрел в Дрентельна...

С этого времени события становятся все более и более грандиозными. Глава реакции и руководитель преследований, царь, делается мишенью для революционеров, и против него направляются почти все попытки. 2 апреля 1879 г. Соловьев дал по нему свои пять выстрелов и погиб. Испуганный царь поспешил уехать в Ливадию. Россия была разделена между пятью генерал-губернаторами. Наступил мрачный период казней.

Все лето 79 г. прошло как страшное затишье перед грозой. В ноябре царь решился уехать из Ливадии, и на дороге был встречен взрывом динамита. Аресты усилились снова, но также не дали никаких положительных результатов. Правительство, смотревшее на аре-

стованных прежде социалистов как на заложников, стало вымещать на них свою злобу. Снова произошло несколько казней. В ответ на это 5 февраля в самом Зимнем дворце под столовою императора был произведен взрыв динамита, убивший 10 человек из его стражи, контузивший и ранивший 53-х.

Назначена была диктатура Лорис-Меликова и встречена при самом своем начале покушением Млодецкого. Правительство стало заигрывать с либеральными и консервативными элементами общества, стараясь привлечь их на активную борьбу с революционерами. Наступил период лицемерного либерализма и скрытой жестокости. Таков общий характер совершавшейся до сих пор революции.

Сначала отрывочная, несистематичная, более самозащита, чем нападение, она делалась все грознее и последовательнее и предъявила, наконец, правительству свои первые ясно сформулированные требования.

Какова вероятная судьба этой новой формы революционной борьбы, которая могла бы быть названа "террористической революцией"? Чтобы ответить более или менее положительно на этот вопрос, надо бросить общий взгляд на смысл движения и его условия.

Положение дел таково: во главе государства стоит всемогущее правительство с его шпионами, тюрьмами и пушками, с его миллионами солдат и добровольных слуг, и ведающих, и не ведающих, что творят, правительство, в борьбе с которым были бессильны все народные восстания, все открытые революционные попытки молодежи...

Против этой громадной организации, стягивающей железными когтями всю страну, способной по одному мановению своего повелителя раздавить и уничтожить десятки тысяч его явных врагов, подавленный, по живучий элемент населения — интеллигентная русская молодежь — выдвигает горсть людей, незначительную по числу, но сильную и страшную своей энергией и неуловимостью. В этой кучке сосредотачивается вся активная, непосредственная революционная борьба.

Напору всемогущего врага она противопоставляет непроницаемую тайну. Ей не страшны его многочисленные шпионы, потому что ее оберегает от них ее способ борьбы, не требующий сближения с посторонними малоизвестными личностями, немногочисленность ее рядов, которая позволяет ей выбирать к себе в товарищи только людей испытанных и надежных... И III отделение знает, как мало ее членов попадалось в руки правительства по милости его шпионов!

Ей не страшны штыки и армии правительства, потому что она и не ищет столкновения с этой слепой неосмысленной силой, бьющей

кого велят. Эта сила страшна только для явного врага. Против тайного она совершенно бесполезна. Ей страшна только ее собственная неосторожность, которая может погубить отдельных ее членов, но и эта гибель будет временной. Враждебные правительству элементы лучшей части населения выдвинут взамен новых деятелей, которые будут продолжать их дело.

Она бессмертна, потому что ее способ борьбы входит в жизнь, делается традиционным.

В руках подобной "кучки людей" тайное убийство является самым страшным орудием борьбы. "Вечно направленная в одну точку злая воля делается крайне изобретательной, и нет возможности предохранить себя от ее нападения»... Так говорили русские газеты по поводу одного из покушений на жизнь императора. И это верно: человеческая изобретательность бесконечна...

Перед 19 ноября никто бы не поверил, что, несмотря на все меры, принимаемые полицией при возвращении императора из Ливадии, можно подвести подкоп под железную дорогу; перед 5 февраля никто бы не поверил, что заговорщики могут проникнуть во дворец. Но террористическая борьба именно и представляет то удобство, что она действует неожиданно и изыскивает способы и пути там, где этого никто и не предполагает. Все, чего она требует для себя – это незначительных личных сил и больших материальных средств. Она представляет совершенно новый прием борьбы.

Массовые революционные движения, где люди нередко встают друг против друга в силу простого недоразумения, где народ убивает своих собственных детей, в то время, как его враги из безопасного убежища наблюдают за их гибелью, – она заменяется рядом отдельных, но всегда бьющих прямо в цель политических убийств. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция представляет поэтому самую справедливую из всех форм революции.

Она представляет в то же время и самую удобную ее форму. С незначительными силами она дает возможность обуздывать все усилия до сих пор непобедимой тирании. "Не бойтесь царей, не бойтесь деспотических правителей, – говорит она человечеству, – потому что все они бессильны и беспомощны против тайного, внезапного убийства!"

Таков смысл совершающегося в России движения. Никогда в истории не было еще столь выгодного положения для революционной партии и столь удачно выбранных приемов борьбы. И если вместе с

существующей теперь террористической группой возникает в России целый ряд самостоятельных террористических обществ, которые, узнав друг друга в борьбе, соединятся в одну общую организацию, которая со всех сторон откроет свои действия против правительства; если тяжелая двух-трехлетняя борьба русских террористов оставила в молодежи хотя какие-нибудь традиции, то нет сомнения, что скоро наступят последние дни монархизма и насилия, и откроется широкая дорога для социалистической деятельности в России...

Террористическое движение в России имеет еще одну отличительную черту, которую не замечаем мы, его современники, но значение которой громадно. Она одна способна сделать целый перелом в истории революционной борьбы.

Ненависть к народным угнетателям всегда была сильна в человечестве, и уже не раз самоотверженные люди ценою своей собственной гибели пытались уничтожить жизнь того, в ком олицетворялось насилие. Но каждый раз они погибали и сами. Акт человеческого правосудия над тираном совершался, но вслед за ним наступало и возмездие.

Среди гробового молчания подавленного народа поднималась кровавая плаха, приносилась кумиру монархизма человеческая жертва, и народная Немезида снова опускала свою едва поднятую голову. И удовлетворенное на миг чувство высшей справедливости сейчас же помрачалось гибелью великодушного и самоотверженного человека. Самая мысль о цареубийстве стала, наконец, казаться чем-то страшным, трагическим. Она скорее вызывала представление о безнадежном отчаянии, о великодушном самоубийстве, чем о непримиримой борьбе с угнетением... Она говорила людям о страшных нравственных страданиях, о невыносимой внутренней ломке, которую пришлось пережить цареубийце прежде, чем он, окончив расчет с жизнью, шел на свой подвиг, и делала этот подвиг исключительным, недостижимым, ненормальным. Цари знали, что таких самоубийц-героев мало, — и потому, оправившись от первого потрясения, снова продолжали свои насилия.

Совсем не то современная террористическая борьба. Здесь правосудие совершается, но исполнители его могут остаться и живы. Исчезая бесследно, они могут снова бороться с врагом, снова жить и работать для своего дела. Мрачное чувство не примешивается к сознанию восстановленного человеческого достоинства.

То была борьба отчаяния, самопожертвования; это — борьба силы с силой, равного с равным; борьба геройства против гнета, знания и

науки – против штыков и виселиц. Она не говорит уже человечеству о безнадежности и самоубийстве. Нет, она говорит ему о могучей любви к свободе, способной сделать человека – героем, способной придавать людям исполинскую силу совершать почти нечеловеческие дела.

Цари и деспоты, угнетающие народ, уже не могут жить спокойно в своих раззолоченных палатах. Среди грома музыки, среди восторженных криков бесчисленной толпы, за десертом изысканного обеда им кажется: вот-вот – земля обрушится под ногами и невидимый мститель оглушительным взрывом динамита даст знать врагам свободы, что их час пробил...

Нетрудно угадать, каким путем должна идти террористическая борьба, чтобы вернее достичь своей цели.

За периодом активной деятельности наступает всегда период утомления, когда наименее утомленная сторона представляет побежденной свои требования. Мы уже доказывали, что положение террористической партии в борьбе гораздо выгоднее положения правительства, благодаря великой идее, воодушевляющей ее, тайне, окружающей ее деятельность, и тому оружию борьбы, которое она употребляет для своей цели. При таких условиях победа рано или поздно неизбежна, и правительство должно будет удовлетворить представленные противниками требования.

Каковы могут быть эти требования?

Рассмотрим наше прошлое. Русское революционное движение всегда ставило своей целью перемену не только политического, но и экономического строя, без которого немыслима полная политическая свобода для рабочего населения. Проповедь в народе идей социализма – вот орудие, которое избрала для достижения своей цели русская социалистическая партия со времени своего возникновения в начале 70-х годов. Террористическое движение было результатом преследований правительства, сделавших пропаганду чрезвычайно затруднительной, если не невозможной. Очевидно поэтому, что террористическая борьба немедленно прекратится, как только социалисты завоюют для себя фактическую свободу мысли, слова и действительную безопасность личности от насилия, эти необходимые условия для широкой проповеди социалистических идей. Наступит период затишья террористической борьбы, движение молодежи, снова направится в народ, и безжизненные формы современной государственной иерархии в том или другом виде просуществуют до тех пор, пока сознавший, наконец, свои права и восстав-

ший массаами народ не сметет их со своей дороги и на развалинах современного экономического и общественного порядка не устроит новый, лучший строй, основанный на требованиях всеобщей свободы и справедливости.

Нет сомнения, что косвенным продуктом террористической борьбы в России до ее окончания будет, между прочим, и конституция. Уверившись в негодности полиции и жандармов при новой форме революционной борьбы, правительство попыбует привлечь к себе сторонников из классов, заинтересованных в поддержке существующего экономического строя. Наступит время императорского парламента, при котором под покровом общественной воли будет практиковаться такое же бесцеремонное насилие, как в настоящее время в Германии. Правительство будет иметь несколько более сторонников, но уничтожит ли это возможность бороться по-прежнему? Нетрудно увидеть, что - нет.

Чем могут быть полезны правительству буржуазные элементы? Очевидно – только выслеживанием крамолы. Но шпионство и доносы развились уже в России до такой степени, что нет возможности рассчитывать на их дальнейшее увеличение при каких угодно изменениях форм правления. Не говоря о множестве предательств, происходивших в обществе за последние годы, в массе анонимных писем, которыми бывало завалено III отделение при всяком политическом убийстве, мы видали 12–14-летних мальчиков, доносящих на своих знакомых, у которых им удалось заметить какую-нибудь подозрительную книгу. При таких условиях нам нет надобности доказывать, что все подпольные типографии и террористические дела существовали больше незнанием о них теперешних "либеральных" элементов, чем их заведомым покровительством. Мы уже не говорим о таких случаях борьбы, как подкоп под Московско-Курскую железную дорогу или взрыв в Зимнем дворце, где неизбежность доноса очевидна при первом подозрении окружающих как при конституционных, так и неконституционных порядках. Если склонность буржуазных элементов к доносам не устраняла возможности террористической борьбы теперь, то она не устранит ее и в будущем. Невозможность же других способов борьбы с "крамолой", как, например, воздействия в семье и школе, где оно уже давно практиковалось безуспешно гр. [Д. А.] Толстым, настолько очевидна, что о ней не стоит и говорить.

Идея террористической борьбы, где небольшая горсть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествует над

миллионами врагов, такова, что раз выясненная людям и доказанная на практике, она не может уже заглухнуть. Каждое насилие будет порождать само собою новых мстителей, каждый тиран новых Соловьевых и Нобилингов, и самое существование деспотизма и монархизма быстро сделается невозможным.

Тогда не страшно будет революционерам-террористам по миновании надобности в их борьбе направить свои силы на подготовку социальной революции в народе. Все равно: их идея будет жить в воспоминаниях масс и с каждым новым проявлением насилия над страной террористические группы, неизвестно куда исчезнувшие, будут неизвестно откуда и приходить.

Русским террористам предстоят две в высшей степени важные и серьезные задачи.

1. Они должны разъяснить теоретически идею террористической борьбы, которую до сих пор каждый понимал по-своему. Вместе с проповедью социализма необходима широкая проповедь этой борьбы в тех классах населения, в которых, благодаря их близости к современной революционной партии по нравам, традициям и привычкам, пропаганда еще возможна и при настоящих неблагоприятных для нее условиях. Только тогда будет обеспечен для террористов приток из населения свежих сил, необходимых для упорной и долговременной борьбы.

2. Террористическая партия должна на практике доказать пригодность тех средств, которые она употребляет для своей цели. Системой последовательного террора, неумолимо карающего правительство за каждое насилие над свободой, она должна добиться окончательной его дезорганизации, деморализации и ослабления. Она должна сделать его неспособным и бессильным принимать какие бы то ни было меры к подавлению мысли и деятельности, направленной к народному благу. Этими двумя путями она уже сделает свой способ борьбы традиционным и уничтожит самую возможность деспотизма в будущем.

Как выполняют свою задачу современные террористы, это покажет будущее. Но мы твердо уверены, что террористическое движение обойдет все лежащие на его пути препятствия и торжеством своего дела докажет всем противникам, что оно вполне удовлетворяет условиям современной действительности, выдвигающим на первый план такого рода борьбу».

IV. ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Вопросы и задания для текущего контроля

Задания для самостоятельной работы студентов по истории общественной мысли России второй половины XIX–начала XXв.

Формы работы	Основное содержание	Сроки выполнения
Практические занятия	См. соответствующий раздел УМК	В течение семестра
Глоссарий	В течение семестра заполняется глоссарий, в котором содержатся определения понятий, перечисленных в разделах «Ключевые понятия» УМК	В течение семестра
Выполнение итогового исследовательского проекта в варианте видео- или мультимедийной презентации	Студенты (по группам) делают видеofilm или мультимедийную презентацию, посвященную одному из знаковых событий или идейному лидеру общественной мысли России изучаемой эпохи	В течение семестра
Отчетное творческое задание № 1	Создание текста-имитации «Россия 1855 г. в восприятии современников»	До 20 октября
Отчетное творческое задание № 2	Эссе. Согласен ли ты с утверждением В. В. Вересаева о том, что на рубеже XIX–XX вв. «молодежь толпами уходила в марксизм». Аргументируй свою точку зрения	До 20 ноября
Отчетное творческое задание № 3	Напиши рецензию на любую монографию, предложенную в списке литературы	До 15 ноября
Итоговая контрольная работа	См. раздел «Диагностические материалы» УМК	До 30 декабря

2. Задания для итоговой контрольной работы

1. *Продолжи фразу: «Вторая половина XIX – начало XX в. – период в истории общественной мысли России, которому присущи следующие характеристики...».*

2. Назови ключевые события общественно-политической жизни Российской империи (не менее пяти), предопределившие содержание общественной мысли пореформенной эпохи. Обоснуй свой выбор.

3. Дай определение следующих понятий: общественное мнение, консерватизм, либерализм, народничество, областничество.

4. Соотнеси названия политических течений с их идейными лидерами:

1) Консерватизм; 2) легальное народничество; 3) либерализм; 4) радикальное народничество; 5) марксизм.

А) Н. К. Михайловский; Б) К. П. Победоносцев; В) К. Д. Кавелин; Г) В. П. Мещерский; Д) М. М. Стасюлевич; Е) Н. А. Морозов; Ж) В. И. Ленин; З) П. Б. Струве; И) М. Н. Катков.

5. Заполни следующую таблицу:

Сравнительный анализ идей представителей общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. по ключевым вопросам российской жизни

Политическое течение	Оценка либеральных реформ	Идеальный тип государственного устройства	Социальная опора государственной власти	Перспективы экономического развития страны
Консерваторы				
Либералы				
Народники				
Марксисты				

6. Установи соответствие между высказываниями и теми событиями, с которыми они связаны:

1) «Кто ж тот злодей? Откуда вышел он?
Мы тщетно ищем между нами!
Из русских – у кого нетленными чертами
Любезный лик царя в душе запечатлен?»
(А. Майков)

2) «Вот кто-то вспыхнул папироской.
Средь прочих – женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное – все просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик.
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор
Горит отвагой и печалью...».
(А. Блок. «Возмездие»)

3) «Что мне она! – не жена, не любовница,
И не родная мне дочь.
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь?
Спать не дает оттого, что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...
С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.
Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди.
Что мне она! – не жена, не любовница,
И не родная мне дочь,
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь?»
(Я. Полонский. «Узница»)

4) «Мы между народами
Тем себя прославили,
Что громоотводами
Виселицы ставили».
(Л. Трефолев. «Сердце государево»)

- А) Впечатление от участниц «процесса пятидесяти».
- Б) Политика правительства в 1870–1880-е гг.
- В) Покушение Д. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г.
- Г) Судебный процесс над участниками цареубийства 1 марта 1881 г.

7. Расположи события в хронологическом порядке:

А) Основание журнала «Русская мысль»; Б) начало массового «хождения в народ»; В) появление группы «Освобождение труда»; Г) выстрел Д. Каракозова; Д) процесс над областниками – «Дело об отделении Сибири от России»; Е) публикация романа И. С. Тургенева «Отцы и дети».

8. Соотнеси авторов, названия художественных и научно-популярных текстов с фамилиями людей, ставших прототипами главных героев:

- 1) В. Долгий. «Порог».
- 2) Г. Ногаев. «Казнен неопознанным».
- 3) В. Савченко. «Тайна клеенчатой тетради».
- 4) Ю. Трифонов. «Нетерпение».
- 5) М. Поповский. «Побежденное время».

- А) А. И. Желябов.
- Б) Н. В. Клеточников.
- В) С. Н. Халтурин.
- Г) С. Л. Перовская.
- Д) Н. А. Морозов.

9. О ком говорится в приведенных текстах?

1) «Все хорошее, положительное оставалось у него безжизненным. Раз вылилось на бумагу, он бросал вопрос, считал поконченным. Между тем, отрицательные – я хотел бы сказать: разрушительные – его идеи заставляли его действовать... В качестве критика-разрушителя он беспощаден».

(М. О. Меньшиков)

2) «Поверь, для всех смешон шпионский твой задор
С твоим доносом заученным,
Как разбурьянный трагический актер,
Махающий мечом картонным»
(В. Курочкин)

3) «Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой...
Но душа полна тобой,
Как святой молитвой»
(М. Михайлов)

- А) М. Н. Катков.
- Б) Л. П. Шелгунова.
- Г) К. П. Победоносцев.

10. *Определи авторство высказываний:*

1) «Русская история до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело».

2) «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

3) «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек».

4) «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, вдвойне горе тому, кто действительно без нее обходится».

5) «У нас *самодержавие* значит, что в России все *само собою держится*».

- А) К. П. Победоносцев.
- Б) Ф. И. Тютчев.
- В) А. Х. Бенкендорф.
- Г) П. А. Вяземский.
- Д) И. С. Тургенев.

10. Заполни следующую таблицу:

Практическая реализация областнических идей
во второй половине XIX – начале XX в.

Обсуждаемые вопросы	Позиция областников	Реализация на практике
Статус Сибири в составе России		
Социально-политические потребности региона		
Экономические интересы региона		
Культурные потребности Сибири		

3. Вопросы к зачету

1. Периодизация развития русской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.
2. Методологические подходы к изучению русской общественной мысли пореформенной эпохи.
3. Русский консерватизм в эпоху либеральных реформ.
4. Либералы в 1860–1870-е гг.
5. Демократы о ходе и первых результатах либеральных реформ.
6. Историки об интеллектуальных истоках народничества.
7. Идейные течения русского народничества. М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев.
8. «Народная расправа» С. Нечаева и ее влияние на развитие общественной мысли второй половины XIX в.
9. Хождение в народ. «Земля и воля» 1870-х гг.
10. «Народная воля» и «Черный передел».
11. Историки и современники о событиях 1 марта 1881 г.
12. Историки о причинах радикализации русской интеллигенции пореформенной эпохи.
13. Современная гуманитаристика о системе ценностных ориентаций и особенностях социальной психологии народовольцев.
14. Либеральное народничество в 1880-1900-е гг.
15. Консерваторы в эпоху правления Александра III. К. П. Победоносцев. М. Н. Катков.
16. Эволюция либеральной доктрины в 1880–1890-х гг.

17. Первые марксистские организации в России.
18. Ведущие консервативные журналы («Русский вестник», «Русское обозрение»),
19. Демократические издания 1850-1880-х гг. («Дело», «Отечественные записки», «Русское слово», «Современник»).
20. Либеральные издания («Вестник Европы», «Русская мысль»).
21. Журналы либерально-народнической ориентации («Русское богатство», «Северный вестник»).
22. Марксистские ежемесячники («Мир божий», «Жизнь», «Образование»).
23. Рассказ об одном из идейных лидеров российской журналистики (на выбор).
24. Феномен популярности «тонких» журналов на рубеже XIX–XX вв.
25. Российская газетная пресса пореформенной эпохи.
26. Университетская аудитория как институт формирования общественного мнения.
27. Формы самоорганизации студенчества: землячества, научные сообщества, кружки.
28. Русские литераторы – «властители дум» пореформенной молодежи.
29. Сибирское областничество в 1850-е гг. – начале XX в.
30. Влияние политической ссылки на развитие самосознания сибирской интеллигенции.
31. Женский вопрос в русской общественной мысли (1855–1881 гг.).
32. Женское движение в России (1881–1905 гг.).

Учебное издание

Родигина Наталья Николаевна

**ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.**

Учебно-методический комплекс

В авторской редакции

Лицензия ЛР № 020059 от 24.03.97

Гигиенический сертификат № 54.НК.05.953.П.000149.12.02 от 27.12.02

Подписано в печать 18.04.07 г. Формат бумаги 60×84/16.
Печать RISO. Уч.-изд. л. 11,75. Усл. п. л. 10,93. Тираж 100 экз.
Заказ № 26.

Педуниверситет, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

Отпечатано в типографии:

ИП Осинцев Ю. Г. 630088, г. Новосибирск, ул. Сибиряков-Гвардейцев, 80